

Հարգելի՛ ընթերցող,

Արցախի Երիտասարդ Գիտնականների և Մասնագետների Միավորման (ԱԵԳՄՄ) նախագիծ հանդիսացող **Արցախի Էլեկտրոնային Գրադարանի** կայքում տեղադրվում են Արցախի վերաբերյալ գիտավերլուծական, ճանաչողական և գեղարվեստական նյութեր՝ հայերեն, ռուսերեն և անգլերեն լեզուներով: Նյութերը կարող եք ներբեռնել ԱՆՎՃԱՐ:

Էլեկտրոնային գրադարանի նյութերն այլ կայքերում տեղադրելու համար պետք է ստանալ ԱԵԳՄՄ-ի թույլտվությունը և նշել անհրաժեշտ տվյալները:

Շնորհակալություն ենք հայտնում բոլոր հեղինակներին և հրատարակիչներին՝ աշխատանքների էլեկտրոնային տարբերակները կայքում տեղադրելու թույլտվության համար:

Уважаемый читатель!

На сайте **Электронной библиотеки Арцаха**, являющейся проектом **Объединения Молодых Учёных и Специалистов Арцаха (ОМУСА)**, размещаются научно-аналитические, познавательные и художественные материалы об Арцахе на армянском, русском и английском языках. Материалы можете скачать БЕСПЛАТНО.

Для того, чтобы размещать любой материал Электронной библиотеки на другом сайте, вы должны сначала получить разрешение ОМУСА и указать необходимые данные.

Мы благодарим всех авторов и издателей за разрешение размещать электронные версии своих работ на этом сайте.

Dear reader,

The Union of Young Scientists and Specialists of Artsakh (UYSSA) presents its project - **Artsakh E-Library** website, where you can find and download for FREE scientific and research, cognitive and literary materials on Artsakh in Armenian, Russian and English languages.

If re-using any material from our site you have first to get the UYSSA approval and specify the required data.

We thank all the authors and publishers for giving permission to place the electronic versions of their works on this website.

Մեր տվյալները – Наши контакты - Our contacts

Site: <http://artsakhib.am/>

E-mail: info@artsakhib.am

Facebook: <https://www.facebook.com/www.artsakhib.am/>

ВКонтакте: <https://vk.com/artsakhiblibrary>

Twitter: <https://twitter.com/ArtsakhELibrary>

БИБЛИОТЕКА РУССКО-АРМЯНСКОГО СОДРУЖЕСТВА

Ким Бакши

ДУХОВНЫЕ СОКРОВИЩА АРЦАХА

ozon.ru

INTERNATIONAL INSTITUTE OF NEWLY ESTABLISHED STATES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ НОВЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ

«БИБЛИОТЕКА РУССКО-АРМЯНСКОГО СОДРУЖЕСТВА»

Ким Бакши

ДУХОВНЫЕ СОКРОВИЩА АРЦАХА

Москва • Книжный мир • 2012

Ким Бакши

ДУХОВНЫЕ СОКРОВИЩА АРЦАХА. (Серия «Библиотека русско-армянского содружества») – М.: Книжный мир, 2012. – 320 с.

ISBN

Новая книга известного писателя и киносценариста Кима Бакши, которая является вторым выпуском серии «Библиотека Русско-Армянского Содружества», посвящена историческим и культурным ценностям Арцаха (Карабаха).

Перед читателем раскрываются армянские храмы, крепости и замки князей и меликов, деревни и хачкары – бесчисленные следы постоянного – издревле – пребывания армянского народа Арцаха на своей родной земле на протяжении долгих веков – до и после рождения Христа.

Автор пишет о блестящих украшениях древних манускриптов, созданных в Арцахе, и о тех, что веками сохранялись на этой земле, где жестокие руки иноземцев, иноплеменников, благодаря мужеству карабахцев, вынуждены были ослабить своё смертельное сжатие на горле армянского народа, и он мог сравнительно свободно дышать.

ЗАО «Книжный мир».
129085, г. Москва, а/я 26
Тел.: (495) 720-62-02
<http://www.kmbook.ru>

ISBN

© К.Н. Бакши	2012
© Международный Институт Новейших Государств	2012
© Книжный Мир	2012

ДУХОВНЫЕ СОКРОВИЩА АРЦАХА

Глава первая «Я УКРЕПИЛ ЭТУ ДРУЖБУ СТИХАМИ...»

Вступление в книгу

АХ, ЭТА СТАТЬЯ «КАРАБАХ» – ПРОРОЧЕСКАЯ, ПРОВИДЧЕСКАЯ, ПОРАЗИТЕЛЬНО ТОЧНАЯ ПО ПОПАДАНИЮ В ИСТИНУ...

Она была опубликована больше девяноста лет тому назад – 23 марта 1919 года в тифлисской газете «Закавказское слово» и принадлежала перу Сергея Городецкого, тогда известного русского поэта Серебряного века, ныне почти забытого в России. Впрочем, в этой газете он выступал чаще в качестве популярного очеркиста и военного корреспондента.

Война с турками шла успешно (в отличие от бездарной российско-германской), русские войска и армянские добровольческие отряды громили турок. Это было накануне того обманного и трагического для Армении Брестского мирного договора, что имело такие плохие последствия: Ленин подружился с Ататюрком, возлагая на него напрасные надежды. Ах, эта наша вечная русская вера в теорию, которую сами же и создали! И в результате, русские войска оставили Западную Армению и армян на растерзание головорезам.

Это произойдёт через считанные месяцы, а покамест русское общество живо интересовала успешность войны с турками. Корреспонденции с театра военных действий, как тогда говорили, читались взахлёб. Во время этой войны Сергей Городецкий увидел армян, Армению, Карабах, Игдыр у подножья Арарата, Ван – «разоренный рай»... И до конца своей, по счастью, долгой жизни он помнил о своей молодой поездке, был верен армянам, хранил о них дорогую память. Хотя это и звучит почти фантастически, в этом мне посчастливилось убедиться самому.

Мы на филфаке МГУ «не проходили» Сергея Городецкого, до сих пор не понимаю, почему. Имя его было на слуху в литературных кругах в 10-20-ых годах прошлого века. Современник и хороший знакомый многих великих Серебряного века, он занимал заметное место, если не в поэтическом строю, то в литературных взаимоотношениях. Друг Александра Блока, вместе с ним учился в Петербургском университете. Городецкий вместе с Гумилёвым зачинатель акмеизма. О первой его поэтической книге «Ярь» (1907), кроме Блока, положительно отозвались Брюсов и Волошин, Вяч. Иванов и Пяст. О нём писали Горький и Луначарский.

Всего этого я не знал, но имя Сергея Городецкого слышал. Я запомнил его в связи с ходившей о нем легендой. Рассказывали, что однажды к нему домой пришел деревенский юноша из-под Рязани, этакий златоволосый Лель. Это был Сергей Есенин. Городецкий отнесся к нему поначалу, как мы сейчас, наверное, к таджикам, поручая то, что самим не хочется делать – скажем, полы помыть и натереть. Но прочитав первые стихи Есенина, Городецкий восхи-

тился ими и дал юноше путь в литературу, как сам он неоднократно о том говорил – «открыл Есенина». И я это сам от него слышал.

Насчёт натирания полов – это, конечно, вряд ли. Есенин пришел к нему с письмом-рекомендацией от Александра Блока и кипой стихов, по-деревенски завернутых в тряпицу.

Он жил у Городецкого несколько месяцев. Играл на гармошке-тальянке, пел частушки...

Городецкий всю свою жизнь любил Есенина. Вот отрывок из его письма Есенину от 4-го июня 1915 года:

«...Все мне кажется, что я на тебя не нагляделся и стихов твоих не наслушался. Пришли мне книжку твою теперь же, хоть какой она есть. Будь здоров, весел и певуч. Не забывай про меня. Целую тебя нежно. Не влюблён я в тебя, а люблю здорово. Твой Сергей».

Позволю себе немного личных воспоминаний. В то время, в 1957-58 годах я работал в литературной редакции Всесоюзного радио, был лихим репортёром, умело пользовался портативным магнитофоном, который, кстати, носил название «Репортёр».

В те годы еще были живы многие знаменитые писатели, некоторые ещё при всей своей большой славе и известности, некоторые уже полузабытые холодные персонажи истории советской литературы. Среди известных были Леонид Леонов, с которым однажды мы провели целый день на студии звукозаписи, Борис Пастернак, Константин Федин. Но был и Федор Гладков, автор «Цемент» и ещё многих повестей конструктивистской поры, давно уже молчавший, ныне полузабытый. Или Павел Радимов,

поэт и художник, тонкий лирический пейзажист. Он доживал свои годы в Абрамцеве, вел дачное хозяйство, мастерски солил огурцы. О чем и написал гекзаметром в длинном стихотворении, которое очень понравилось Репину, с ним Радимов был дружен. Именно Репин и Поленов рекомендовали его в Товарищество передвижников. Радимов очень интересный был старикан, добрый и радушный.

Зачем я тогда записывал их голоса на плёнку? Право слово, я и сейчас не знаю. Но увлекательное это было дело – знакомиться с такими замечательными людьми. Само ожившее время! После меня уже на профессиональной основе это дело прекрасно повёл Глеб Скороходов.

...Не помню уже откуда я узнал, что в Москве живёт Сергей Городецкий. В это мне было трудно поверить: неужели он жив здоров? Он охотно ответил на мой звонок и позвал к себе в гости.

Не помню ни района, где он жил, ни обстановки в квартире, ни что было на стенах – картины, старые фото... Но помню общее впечатление: это не был древний старик, расслабленный и т.п. Он был молодцеват – такой тип подсушенного временем джентльмена, сухощавый, высокий и похожий на свои ранние портреты.

У него был готов для печати сборник стихов, воспоминания о Блоке, Брюсове, Есенине, Ованесе Туманяне. Проза: два романа, действие которых происходило в Западной Армении, рассказы. Была и книга-альбом с рисунками цветным фломастером. Эта манера была для меня нова и, честно говоря, рисунки не слишком мне понравились, о чём я, естественно, умолчал.

Тогда Армении как темы целой жизни у меня и в мыслях не было, а очень жаль: надо было бы его расспросить о том, как он побывал в Западной Армении, что видел, например, при обороне Вана...

Вот только теперь я достал двухтомник Городецкого, прочёл два его романа на армянскую тему (при жизни автора они так и не увидели свет). В них замечательными для меня были два обстоятельства. Во-первых, критическое отношение к «своим» – русским войскам, казачьей коннице. Он не скрывает ни пьянства офицеров, ни разнузданности казаков, ни бездуховности этой среды, лжи, обмана. Во-вторых, всё то, что мы слышали и знаем о турках и курдах сегодня, знаем о трагической судьбе армян, вынужденных оставить свои разрушенные очаги в Западной Армении, покинуть свою родину, короче говоря, всё, что уже всем известно, было сформулировано Сергеем Городецким, может быть, одним из первых, по горячим следам событий. Удивляешься пронизательности писателя. Строки романов живы и сегодня, продолжают попадать в цель.

Отдельный том двухтомного издания был отдан поэзии Городецкого. С волнением открыл я здесь одно из стихотворений цикла с ключевым названием «Ангел Армении»:

*Он мне явился в блеске алых риз.
Над той страной, что всех несчастней стран.
Одним крылом он осенял Масис,
Другим – седой от горьких слёз Сипан.*

В цикле – двенадцать стихотворений, написанных, в основном, весной 1916 года. И снова скажу:

созданы они не по чьим-то рассказам, а под непосредственным впечатлением очевидца, вдыхавшего горький дым пожарами разрушенного Вана, слышавшего многоустьный стон беженцев, видевшего трупы на обочинах дорог и «кости белые армян» «на дне ущелий, в бездне гор». Городецкий отыскивал и собирал уцелевших детей-армян в Ване и других разорённых местах, перевозя сирот в Игдыр – и совершил он не одну такую экспедицию.

Полюбил ли Городецкий Армению? Этому посвящено стихотворение «Армении»(1916), открывающее цикл. Оно полно ожидания встречи с Арменией:

*Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
Друг другу золотые двери отворить.
Армения, звенящая огнём и кровью!
Армения, тебя хочу я полюбить!*

*Я голову пред древностью твоей склоняю,
Я красоту твою целую в алые уста.
Как странно мне, что я тебя еще не знаю,
Страна-кремень, страна-алмаз, страна-мечта!*

Цикл «Ангел Армении» был издан в Тифлисе в 1918 году отдельной книжкой с посвящением армянскому поэту Ованесу Туманяну, с которым Городецкий подружился в Тифлисе, а позднее оставил о нём воспоминания. Городецкий понимал своё назначение. И, наверное, не думал, что его стихи и прозу ждёт нынешнее забвение в России. Вот что он пишет в одном из трёх текстов, посвященных Ованесу Туманяну: «Я считаю себя продолжателем славного дела Валерия Брюсова. Он ещё более подружил

Россию с Арменией. Я укрепил эту дружбу стихами и работой на фронте... Дела двух русских поэтов подтвердили идею Ованеса Туманяна об исторической неразрывной связи армянского народа с русским».

Лучше не скажешь и в 2011-ом году! Так же пророчески и современно звучит окончание стихотворения «Ангел Армении»(1918). Разгневанный злом, содеянным с Арменией, Ангел обращается к истерзанной стране:

*– Восстань, страна, из праха и руин!
Своих сынов рассеянных сомкни
В несокрушимый круг восторженных дружин!
Я возвещаю новой жизни дни.*

*Истлеет марево враждебных чар,
И цепи ржавые спадут, как сон,
Заветный Ван и синий Ахтамар
В тебе вернутся из былых времён.*

*Восстань, страна! Воскресни, Айастан!
Вот радугу я поднял над тобой.
Ты всех земных была несчастней стран,
Теперь счастливой осенись судьбой!*

...Мой визит, как я понимаю, внёс разнообразие в одинокую жизнь Городецкого. Сергей Митрофанович захоптал вокруг стола, появилась бутылка молдавского вина «Мускат». Я попробовал и удивился, это был не сладкий, как я ждал, а сухой напиток.

– Это братья-молдаване умеют делать. Я такой очень люблю, чувствуете аромат? Где достал? Очень просто, в магазине «Молдавия».

Действительно, был когда-то такой магазин на Садовом кольце, не доезжая Курского вокзала. Кроме красного сухого, отличного и недорогого вина, там продавалась сладкая кукуруза (не виданный тогда продукт) в железных толстостенных банках, как из-под тушенки военных лет.

Поговорили мы, конечно, и о Есенине, я записал его рассказ. Городецкий считал Есенина самым талантливым из современников, он очень его любил. А когда я сказал, что тоже очень люблю Есенина, и что-то прочёл наизусть, Городецкий проникся ко мне теплым чувством и надписал мне книгу, где были такие строки: «Киму Бакши...Радио?..(а, может быть, поэт?..)»

Книга с его надписью сгорела, вместе с моей богатой армянской библиотекой, вместе со всем домом в деревне...

Статью Сергея Городецкого «Карабах» я нашел много лет спустя и прочел уже во время работы над своей новой книгой. Для меня она вся как бы состоит из **эпиграфов**. Я даже предварительно расчленил её текст, набрав их для памяти жирным шрифтом. В таком виде я и представляю её читателю.

«КАРАБАХ

У каждой страны, у каждой нации есть свои заветные твердыни. Когда история народа складывается счастливо, они становятся центрами культурной и политической жизни. **Когда судьба преследует нацию, они бывают оплотом национальной жизни, островом надежд, залогом возрождения. (...)**

Там, в неприступных высях Карабаха, (...) в течение двух тысяч с лишним лет армянский народ выдерживал натиск кочующих племен, сохраняя свою культуру, обороняя свое национальное лицо.

Будучи единым этнографически, хозяйственно и по языку, Карабах сделался цитаделью Армении, восточным ее флангом. Таким он был в прошлом, таков он сейчас, таким он будет и всегда, ибо сердце Армении, долину Арарата, нельзя защищать, не владея Карабахом. (...) Неоднократно меликства (...) собственными силами отгоняли врага. История повторяется, и в последний раз это случилось на наших глазах.

Природа и история создали в Карабахе ярко выраженный тип. Рассеянные по всему свету, карабахцы всюду легко могут быть узнаны. Широкий размах, беззаветная храбрость, склонность к риску, уверенность в себе, своеобразное упрямство, прямолинейная настойчивость, патриархальность в семейном быту – вот симпатичные черты карабахца, являющиеся как бы концентрацией старинных армянских доблестей, потускневших от жестокостей истории и в чистом виде сохранившихся в Карабахе. Высокий, кряжистый народ, ушедший в горы для спасения жизни, окреп в горном воздухе и предохранил себя от вырождения, постигающего жителей долин.

Национальная память Армении должна запомнить немало громких имен карабахцев. Нет области, в которой они бы не проявили своей предприимчивости и таланта. (...)

Давший столько видных деятелей-мужчин, Карабах создал, или, вернее, сохранил в чистом виде и тип древней армянской женщины (...)

Скованный своей культурой и бытом, Карабах и в наши дни не посрамил своей старинной славы. (...)

Таково значение Карабаха для Армении. Несомненно, если б она его утратила, идея самоопределения наций потерпела бы сильное ущемление. И, наоборот, обладая Карабахом, Армения получит богатый приток энергичной культурной силы (...)

Каждый народ ищет теперь свое. Все будущее возрожденных наций зависит от того, найдут ли они в самих себе достаточное количество, так сказать, дрожжей своей национальной культуры. При таких условиях все центры, где по тем или иным причинам сконцентрировалась культурная жизнь, приобретают исключительное значение. Таково же значение и Карабаха для Армении. (...)»

*(опубл. в тифлисской ежедн. газете
«Закавказское слово» 23.III.1919 г.)*

Осенью 2011 года мы хоронили нашего друга-фронтовика, героического лётчика штурмовой авиации, писателя Артёма Анфиногенова. Там я встретил Андрея Нуйкина. Через несколько дней его сын Павел передал мне книгу Андрея «Боль моя – Карабах». Книгу поразительную по обнаженности чувств. В ней собраны выступления Андрея в печати за несколько лет в защиту Карабаха, его обращения к президентам, премьерам, международным организациям с той же целью. Книга обжигает болью и благородством. Я знаю Андрея Нуйкина много лет, но таким, как в этой книге, он предстает передо мной впервые. И вот что ещё интересно: как раз в описываемое Нуйкиным время я регулярно бывал в Армении, в Ереване. И был, как говорится, в курсе. Но, оказывается, многого не знал и не понимал. Да что и по сей

день знаем мы, простые люди, о тайных пружинах совершающихся событий!

Читая книгу, я добрался до статьи Андрея Нуйкина, опубликованной в июле 1993 года в газете «Урарту». И в ней я нашел почти буквальные перефразы с Сергеем Городецким: «Я остаюсь по-прежнему убеждённым в том, – пишет Нуйкин, – что отступление от Карабаха – это не только нехорошо или безнравственно, но просто ничего не решит. Недавно в одной своей статье я высказал мысль, что Карабах всё-таки не волчья лапа, которую можно отгрызть, оставить в капкане и убежать. **Это один из духовных центров нации, в котором нуждаются все армяне, и утрата его была бы губительна в целом для государственности Армении.»**

Два русских интеллигента, разделенные почти столетием, говорят одно. И тем самым выполняют исторический долг благородной русской интеллигенции. Отвечают тем в Армении, кому надоел Карабах, кто хотел бы избавиться от него. Как будто это может дать Армении спокойную жизнь. Но исторический опыт показывает: предательство приносит неисчислимые бедствия.

Глава вторая ДЕВЯНОСТО ВОСЕМЬ СТУПЕНЕЙ

Ровно столько ступеней ведут от земли вверх до высоких бронзовых дверей старого здания Матенадарана. Ныне, с реконструкцией входа в Хранилище древних манускриптов, число ступеней изменилось (их стало меньше). Но я не хочу менять название этой Главы. Пусть это будут воображаемые, виртуальные, живущие в моей памяти 98 ступеней. Ведь я почти пятьдесят лет ходил по ним. Так проходила почти вся моя жизнь.

Как родилась эта книга

Для меня это большая загадка. Теперь я начинаю понимать, что она незаметно началась за много лет до того, как вот этим необычно теплым апрелем (впрочем, перешедшим в заморозки, что привычно в нашей полосе) я сел за стол в своем доме в калужской деревне, что недалеко от Тарусы. Новая книга эта началась тогда, когда я и думать не думал о ней. Просто переживал вместе с Арменией удивительные события 1988 революционного года.

Может быть, кто-то уже не помнит, а я помню отлично: это были времена огромного общественного духовного подъема и необъятных надежд. Оправдались ли они? В любом случае надежды всегда плодотворны, они возвышают душу человека ли, народа ли – всё едино.

Я бывал тогда в Ереване, работал над очередными сериями фильма «Матенадаран» и всё видел своими глазами – что творилось. И строки дневника, который вёл тогда и который сейчас собираюсь открыть и перечитать вместе с вами, пахнут порохов. Помните, как у Пастернака:» Открыть окно – что жилы отворить...»

7 ИЮНЯ 1988. ЕРЕВАН

Утром шел с Кареном Григоряном в Матенадаран, он меня провожал. И у здания Оперы я увидел небольшую группу бастующих студентов. Они расположились на спальных мешках на базальтовой площадке у самого входа. Рядом с ними приклеен плакат с требованиями этих сидячих забастовщиков. Читаем. Просят признать геноцидом массовые убийства армян в Сумгаите и от имени государства, от имени СССР, выразить соболезнование по поводу жертв. И Карабах, конечно, Карабах! Свободу ему, против угнетения братьев в этом древнем армянском крае.

Светлым, ярким, похожим на день вечером возвращаюсь из Матенадарана в свою гостиницу «Ереван», где в последние годы обычно останавливаюсь. Сажу в номере, читаю исследование Татьяны Измайловой о Евангелии католикоса Вазгена I.

(Читаю, но еще не осознаю, что этот потрясающий манускрипт связан с Карабахом. И что настанет день, и я отправлюсь в эти места, где он хранился.)

А под балконом моего номера тем временем проходит демонстрация. Стоустая толпа скандирует: «Арцах – Карабах! Арцах – Карабах!»

Смотрю на идущих людей со стесненным чувством сопереживания и в то же время своей вины. Я же ведь с той, виноватой, стороны – москвич.

Говорят, на сегодня назначен грандиозный митинг. Донеслись слухи об ожидаемых репрессиях, будет введен комендантский час. Что следственный изолятор освобожден, ждет демонстрантов.

«Говорят...» «Ходят слухи...» – так неопределённо мы воспринимали тогда действительность. Привычка, знаете ли... Она рождается и упорно живёт, когда власть не хочет вас ни о чём информировать. Народ ходил и скандировал лозунги, а меж тем на ереванский аэродром из разных стран уже стала приходить материальная помощь борющемуся Арцаху, прилетало всё больше людей, готовых бороться за независимость Карабаха. Тайно формировались отряды бойцов, уходивших на фронт. Кто были эти люди? Молодые учёные – физики, математики – цвет нации. И стало даже принято – не слишком афишируя это, КГБ не дремлет! – собираться в домах тех родителей, которые проводили своих сыновей на фронт и теперь со страхом ждали вестей из Карабаха. И эти вести приходили! И под плач матерей и сестёр на фронт собирались младшие братья. И этот ужас в семьях продолжался!

В это же самое время, ранним летним утром, тихо и бесшумно – благо электромоторы своего производства – раздвинулись железные двери завода «Арменмотор», из ворот выехал грузовик с высоким кузовом, плотно обшитым брезентом, что придавало ему военизированный вид, из кабинки вышел человек плотного телосложения с волевым, озабоченным лицом. Это был Карлос Акопович Петросян,

генеральный директор «Арменмотора», человек, которому суждено будет сыграть заметную роль в судьбе этой книги.

Но всего этого тогда не суждено мне было знать, мы не были даже знакомы. Между тем Карлос Акович давал строгие указания молодому человеку с автоматом на шее перед тем, как усадить его в кабинку автомобиля рядом с шофёром. Речь шла о самом тогда опасном участке пути – Лачинском коридоре, где на пути в деревнях азеры забрасывали камнями машины, грабили грузы.

«И не бойся применять оружие. Учти, идёт война, а на войне стреляют, не забывай! Вы везёте питание своим товарищам...»

Машина была полна продуктов – крупы, тушёнка, вермишель. Боеприпасы, немного оружия. На заводе был сформирован отряд добровольцев из 23-25 человек «Мец Гайк», он был хорошо вооружен и экипирован, ребята отправились в путь на несколько дней раньше. В Мартунинский район, где шли жестокие бои, где наступали азеры, жгли армянские деревни.

19 ИЮНЯ 1988. ЕРЕВАН

Снова прилетаю в Ереван по тем же киношным делам, встречает Арто Давтян, наш второй режиссер и неизменный директор сериала «Матена-даран», в своей несменяемой и не снимаемой кепочке. Пока ждали багаж – железные коробки с фильмом, которые я привез после премьеры в Москве, в Доме Кино, Арто мне фрагментарно «освещает обстановку». Дает почитать статью в «Строительной газете», где напечатано интервью со знаменитым армянским строителем, баловнем

Москвы Гарником Минасяном, Героем Социалистического труда. Он рассказывает в ней о том, что заставило его начать голодовку на площади Оперы. Он увидел там голодающих студентов. Им по 18-20 лет... «Как же бросить их, наших сыновей?..» Читаю, глаза влажные... Гарник – мой ровесник, ему лет 57-58.

А Арто рассказывает о митингах, в которых участвуют сотни тысяч, и тоже подсыпает деталей, от которых трудно продохнуть. Как пришли, например, на митинг глухонемые, и рядом с микрофоном стоял их переводчик и переводил всё на язык жестов. А они молча сжимали кулаки и глосовали «за».

Арто продолжал свой рассказ по дороге в такси и в гостинице, куда я наскоро устроился, и мы пошли на площадь. Тогда это значило – к зданию Оперы. Арто показывает: вон там, у памятника композитору Спендиарову, голодали студенты, а позади, за памятником, голодал Гарник. Там же висел его пиджак с золотой Звездой Героя и орденскими планками.

Когда они там сидели и лежали, люди, собравшиеся на митинг, не курили. Написано: «Голодающие» – и это было всё равно что надпись «Не курить!» И сотни тысяч не курили на площади, уходили на соседнюю улицу.

Из окон на этой улице Туманяна передавали воду для участников митинга, а вечером подъезжали машины с едой, со свежееиспеченным хлебом – кооператоры кормили бесплатно.

Была всеобщая забастовка, но в эту субботу и воскресенье (я прилетел как раз в воскресенье)

все работают, чтобы покрыть ущерб. Чтобы их в Москве не могли упрекнуть в дезорганизации производства.

(Господи, какая сознательность и... какая наивность!..)

Организовался Комитет «Карабах», он воздействовал на депутатов Верховного Совета Армении, чтобы те подписали документ с требованием созвать внеочередную сессию; депутаты упрямылись, не хотели подписывать, прятались. Народ их вылавливал, грозил отзывом. А одного известного взяточника забросали смятыми рублёвками, плевались: на – подпиши!

Наконец, внеочередная сессия была созвана. Народ требовал от депутатов: официально признать Нагорный Карабах, воссоединить его с Арменией, соответственно просить согласиться с этим Верховные Советы СССР и Азербайджана. Но во время сессии председатель и другие руководители стали вилять, обманывать. Тогда народ двинулся к Верховному Совету; прорвали оцепление, засвистели дубинки. Начались волнения, кричали: уберите войска! Обстановка накалилась. И тут заиграл трубач. Взобрался на 18-й этаж, на крышу и заиграл сначала «Танец с саблями», а затем позывные Арно Бабаджаняна «Мое сердце в горах...» И все успокоились. Никто его не знает, этого трубача, он, кажется, выпускник Консерватории.

Ах, этот трубач! Самой жизнью порождённый символ, метафора революции.

Потом вышли представители демонстрантов, допущенные на заседание, зачитали вынужденное решение Верховного Совета, разъяснили,

что требования народа приняты. Призвали прекратить голодовки и всем отправиться по домам. Но сначала все пошли снова на площадь. С факелами несли на руках к «Скорой помощи» тех, кто голодал.

А сколько благородных характеров проявилось в эти дни! Приводят в пример Алексана Киракосяна, бывшего первого зампреда Совета Министров: как он выступил на сессии, – был уже пенсионер, и про геноцид 15-го года сказал (тема была запретная), и про резню армян в Сумгаите (ее замалчивали). Это и Чекиджян – поднялся знаменитый дирижер, чего от него никто не ожидал. Виктор Амбарцумян, которого не очень-то любили, считали слишком близким к высшим государственным кругам, вошел к Долгих (большой московский бонза): «Называете армян экстремистами. Я экстремист? Посмотрите, я – экстремист?!..»

А сколько прекрасных писем пришло из России со словами поддержки! От Пиотровского, от Лотмана. Думаю, почему я не отправил армянам открытое письмо? Это странно, что не догадался. Причин тут, по-моему, две. Во-первых, я не отделяю себя от армян. Не будут же армяне самим себе писать письма... Во-вторых, считаю себя небольшой величиной для таких писем – открытых, к народу.

Сильва Капутикян обычно говорила мне при встрече: «Ну что, Вы по-прежнему любите армянский народ? Вам хорошо, Вы в тринадцатом веке...» И вот теперь можно любить армянский народ XX века, сегодняшний. Гордиться им.

Чувствую, что я свидетель событий великих, очень полезных для всех нас. Вот они, уроки Арме-

нии, а не гены истории. Интересно, приезжал ли сюда в эти недели Андрей Битов?

20 ИЮЛЯ 1988. ЕРЕВАН

Познакомился с одним из активистов Комитета «Карабах».

Между прочим, он рассказал о своей встрече с московскими диссидентами. Они удивлялись неопытности лидеров «Карабаха», мол, не знают они правил конспирации – как грамотно спастись от КГБ, многого не знают и не умеют, но добились большего, чем все московские диссиденты вместе взятые за все годы. Потому что, добавили диссиденты, у вас великий народ.

А, по-моему, дело не в природных качествах армян, хотя, наверное, с февраля за четыре месяца народ вырос колоссально. Дело в единомышленном, властно возникшем стремлении. Вековая реакция на национальное и культурное угнетение, притеснение, на физическое уничтожение. Это всё подспудно жило в армянском народе и вот полыхнуло пожаром, сплотило людей.

И поэтому не нужна конспирация, как у наших диссидентов, которых народ не поддержал, – они один на один были со всесильным государством. Но при всей своей мощи оно бессильно перед вставшим народом. На удивление всем, Комитет «Карабах» действует без четкой организации, железной дисциплины и других партийных штучек, к которым мы привыкли, и при этом всё как бы само собой делается. Народ сам все делает. Когда все взрослое население участвует в митингах у Оперы, им уже не надо руководить в «партийном» по-

нимании этого слова: вытаскивать, принуждать, уговаривать.

Так, наверное, было однажды в истории, и события в Армении мне объясняют загадку революции 1917 года. Я всегда удивлялся, как это горстка революционеров могла раскачать многомиллионный и к тому же тёмный наш народ. А все было и сложнее и проще. Большевики и прочие революционеры твердили в своих газетах и на сходках о народных требованиях, об эксплуатации, о 8-часовом рабочем дне и т.д. до тех пор, пока естественным путем истории – самим ее ходом, в котором была и их малая доля, народ из стада баранов превратился в революционный народ.

А иначе надо поверить, что миллионы людей повело за собой ничтожное число «подстрекателей». Это словечко было в ходу в полицейских кругах 1917 года. Полицейские верили в то, что стоит лишь нейтрализовать кучку «подстрекателей», как все нормализуется.

Кстати, это словечко активно употребляется и сегодня по отношению к армянам в словаре власти, включая «экстремисты», «матёрые националисты». Существует дурацкая надежда, что стоит их переловить, пересажать, а людей запугать, и всё успокоится.

Вот они, уроки Армении... Это революция и революционный народ. И есть надежда, что и наш народ в России, наконец, проснется и, как народ армянский, стряхнет с себя апатию и семидесятилетнее подчинение. И в четыре месяца пройдет великий путь.

*...Вечер, стемнело. Я шел по улицам. А над голо-
вой гремели вертолеты, плыли, как акулы. Я испы-
тал 1% страха и 99% стыда.*

21 ИЮНЯ 1988. ЕРЕВАН

*Погода в Ереване странная для июня. Прохлад-
ная, московская, с легкими, как пыль, дождиками.
С прояснениями, с бледной просинью, с просверком
солнца, с туманными пробелами, в которых пото-
нул Арарат.*

*Сегодня, как всегда за последние двадцать
пять лет, пошел в Матенадаран. Увидел лестни-
цу, ступил на ноздреватый базальт, словно дырча-
тый заплесневелый сыр. Начал считать ступени...
Их оказалось девяносто восемь. Меня однажды
проверял мой близкий друг, академик Самвел Гри-
горян, математик: он считал, а я волновался, но
его счёт сошелся с моим. И с тех пор закружилась
моя голова от этих постоянных восхождений и не-
престанных спусков. Да, ровно девяносто восемь
ступеней!*

*Лозы винограда с причудливой вырезной лист-
вой прорастали, картинно окутывая статуи вели-
ких ученых, стоящих справа и слева от входа.*

*Да, девяносто восемь ступеней. Ступеней
моей судьбы. Не обижайтесь, пожалуйста, и не уп-
рекайте меня, дорогие мои читатели, но, думается,
это моя последняя «армянская книга», седьмая по
счёту. И поскольку это всё-таки так, я позволю себе
обратиться к первой своей армянской книге «Орёл и
меч» 1970 год – У каждого народа есть свой Кремль,
свой Лувр, своя Долина пирамид. В Армении – это
Матенадаран. В него вступаешь, как в концерт.*

Сначала оркестр настраивает инструменты, разноголосно шумит Ереван. Поднимаешься по розовостенной улице в гору – звуки отлетают один за другим. Остаются оглушительное чириканье воробьёв и гортанный крик ребятишек, играющих на ступенях плоской и бесконечной лестницы.

Это звучит как первая музыкальная тема. И вместе с ней, параллельно ей, возникает и с каждым шагом вверх усиливается торжественная мелодия Матенадарана.

Он величественно надвигается, нарастает как крепость, как памятник. Его фасад на фоне гор – как хоран, начальная страница древней рукописи, одной из тех, что хранятся в нём.

... Тогда, в 1970-м, мои молодые ноги легко несли меня вверх по лестнице. Спустя двадцать лет и я был немного другой, и Ереван звучал по-иному, грозно.

Стоило мне появиться в Матенадаране, как уже в вестибюле мне вручили письмо в ЦК КПСС от имени коллектива Матенадарана. Меня удивило, что и здесь, в хранилище вечных рукописей и среди очень образованных людей всё так политизировано, все наивно верят в письма, резолюции. А стоило мне заикнуться насчет манускриптов – как бы их посмотреть – в ответ мой друг Арташес Матевосян (для меня – Артюша) а, вообще, он великий ученый – потащил меня наверх. В выставочном зале подвел к широкому, забранному ажурной сеткой окну, сквозь которое открывается бесконечная перспектива центрального проспекта. Перед ним много лет уже стоит витрина с заключенным в ней камнем с армянскими письменами – надписью, по правде сказать, мною виданной-перевиданной, но не читанной. В ней го-

ворится о монастырской библиотеке-матенадаране. Я никогда не интересовался, из какой стены взят камень, понимал – смысл экспоната в том, чтобы показать посетителям: много веков назад была в Армении грамотность, книги, библиотеки. Матенадаран не вчера возник.

И вот стою, читаю...

«В 1204 году я, Тер-Ованнес, с большим трудом построил эту церковь и собрал кресты и РУКОПИСНЫЕ КНИГИ, НАХОДЯЩИЕСЯ В НЕЙ ТЕПЕРЬ, разбил виноградник Джотац и насадил новые саженцы. Затем монастырь с приделами при содействии владыки Атерка передал старшему брату моему Гасану и его сыновьям. Кто нарушит сие условие, да будет наказан Богом.»

А вот продолжение этой записи:

«Во имя Бога, это моя, Гасана, надпись о том, что, когда мой брат построил церковь и передал мне весь монастырь, я подарил Хндзорабак с приделами этой церкви, кто противится этому, тот против Бога, кто нарушит это, да не будет помилован Богом...»

Артюша указывает мне, что это фрагмент плиты из Хатраванка («ванк» по-армянски «обитель, монастырь», Хат – имя ученика апостола Фаддея, который в первом веке в Армении проповедовал христианство.) Так вот, сей Хатраванк, оказывается, находится не где-нибудь, а в Арцахе. Вот в чем дело! Сейчас все это вызывает особый интерес. В связи с притязаниями на него Азербайджана все исторические свидетельства об исконной принадлежности Арцах армянам очень ценны, необходимы. А кто и где об этом знают лучше всех, как не в нашем Матенадаране?

Артюша говорит новые для меня вещи: два знаменитых Евангелия, гордость Матенадарана АХИатское 1211 года и Таргманчац 1232 года хранились, лучше сказать, «сохранялись» в Арцахе, в том самом Хатраванке. Так что эта расколотая на три части плита с надписью, впаивая в витрину, – очень важное свидетельство.

Боже меня сохрани ставить под сомнение рассказ Артюши о том, где были два знаменитых манускрипта до Матенадарана, их связь с Арцахом. Меня заинтересовали подробности – откуда он узнал? Так я узнал от Артюши, что в XIII веке был такой полководец Григор Арцахский. Со своим отрядом он ходил в походы вместе с монголами – они громили турок-сельджуков, извечных врагов армян. Из походов он привозил спасённую в разрушенных армянских церквях утварь и особенно книги. Так он спас два Чарынтира – два сборника торжественных Речей, Книгу церковных канонов католикоса Иоаннеса Одзнеци, роскошное киликийское Евангелие, переписанное и украшенное в 1166 году. В Матенадаране оно неизменно представлено на выставке как образец киликийского искусства книги. И всё это Григор вложил в монастырь Хатраванк.

Евангелие же Таргманчац появилось в этом монастыре как дар другого Григора – князя Допяна: у него умерла жена и в память её он отдал Таргманчац в монастырь, одев рукопись в драгоценный оклад.

Теперь об АХИатском Евангелии. Артюша, исследователь тонкий, заметил в обеих рукописях следы взаимовлияния: признак того, что было время, когда они жили вместе, в одном монастыре, а стало быть – в Хатраванке...

Боже мой, вот уж действительно не знаешь, что тебя ожидает в будущем! Пройдет двадцать лет, и я устремлюсь в тот самый Хатраванк.

С великим трудом для моих 76 лет поднимусь к монастырю по как мне покажется бесконечной, заросшей и пропадающей тропе, сквозь чащи и буреломы, перейду ручьи по камням и стволам рухнувших деревьев. И каждый спуск, который делал легче мой путь, не радовал меня: я уже знал, что на обратном пути за спуском последует подъём.

А перед этим мы в горестном недоумении остановились на берегу по-осеннему стремительной реки Трту-Тартар. Чтобы найти Хатраванк, надо было пересечь реку, но как? Не лезть же в пронизывающий холод стремнины, это и летом страшно, тем более в октябре. Один из местных ребят, охотник и следопыт, участник боёв с азерами, посоветовал нам раздобыть мощный грузовик «Урал» — он упрётся носом в берег, а мы перелезем по кабине, по его крыльям — и спрыгнем на тропу. Так мы и сделали!

Добравшись до стен монастыря, я попытался среди этих не обозначенных на картах руин найти место возможного книгохранилища.

Ещё предстоял пугающий обратный путь: на ватных ногах я начал спуск, но последние метры до «Урала» тропинка показалась мне будто намазанной мылом, и я поскользнулся, упал в горную реку, в ее несущийся холод. Хорошо, что шедший за мной и страховавший меня местный парень подхватил меня сзади, подвесил над водой и помог перелезть в кузов грузовика. Ещё, оказывается, мой друг Акоп все это время фотографировал мои приключения.

... Читаю дневник и, конечно, с трудом вспоминаю обстоятельства тех дней. Из выставочного зала Артюша заставил меня спуститься вниз – в подвал, в хранилище, в царство главного хранителя Юры, Геворка Тер-Варданяна. Там с Юриной помощью он выстроил солидную стопу (помнится, даже две) знаменитых книг, созданных в разное время и в самых разных областях Армении; одно у них было общим – все они долгие века хранились, верней сказать спасались, в Карабахе – в его церквах, монастырях, дворцах князей-меликов, а уже из Карабаха в разное время и притом самыми причудливыми путями попали в Матенадаран Еревана. И не только сюда, но и в Париж, Лондон, Вену, Рим, Венецию, Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес. Я узнал об этом уже много лет спустя.

В интересной книге Граварда Акопяна «Искусство средневекового Арцаха», выпущенной по горячему поводу – войне за Карабах, приведен далеко не полный перечень рукописных книг, сохранявшихся долгое время в Арцахе, а ныне отдыхающих и «лечащихся» в Матенадаране.

И, прежде всего, это два манускрипта X века – Евангелие 909 года из селения Мец-шен (№6202 по каталогу Матенадарана) и фрагмент Евангелия 950 года в сборнике, созданном в монастыре Хоранашат в 1252 году (№2273).

И ещё два XI века – Евангелие Бегюнц, с очень интересной судьбой, которое долгие годы хранилось в селении Талыш провинции Джраберд (№10099), и фрагменты Евангелия 1040 года из селения Цор провинции Дизак (фрагм. №1252).

Роскошное киликийское Евангелие 1166 года, написанное в столице Католикоса – Ромкле, по заказу епископа Аракела (№7347).

XIII век был особенно плодотворным для Восточного края Армении – так раньше назывались входившие в него Арцах, Утик и Сюник. Кроме АХлатского Евангелия и Евангелия Таргманчац, можно вспомнить и такие рукописи, как Евангелие 1212 года (№378), Евангелие 1224 года (№4823), Сборник (№115) с уникальным изображением юного князя Вахтанга, который построит для Мхитара Гоша монастырь Нор-Гетик и предоставит автору свой гостеприимный кров, чтобы тот мог здесь работать и закончить свой основной труд «Судебник». Сюда же надо отнести эту драгоценную рукопись из Арцаха – сам «Судебник» с автографом Мхитара Гоша: он благодарит князя Вахтанга. Рукопись Гоша я держал в руках в хранилище манускриптов мхитаристов на острове Сан Лаззаро в Венеции.

Далее у Граварда Акопяна в приведенном списке манускриптов, относящихся к XIII веку, значится Евангелие 1283 года из церкви Иоаннеса в, ныне азербайджанском, городе Гандзаке. И значится киликийское Евангелие 1294 года из Дразарка.

В рамках подготовки к этой книге я побывал в Иерусалиме в армянском монастыре двух Святых Иаковов, где также хранятся манускрипты, созданные в Арцахе на рубеже XIII-XIV вв. (№1288 и №1794).

К знаменитым арцахским рукописям, хранящимся за пределами Армении, я бы отнёс и те, которые увидел в Париже в Национальной библиотеке Франции, и те, которые хранятся в Лондоне в Британской библиотеке. Замечательная, во многом загадочная арцахская рукопись XIII века (под №рук. Арм.1) находится в библиотеке Университета западногерманского города Галле. Её оригинальная трактовка сюже-

та «Тайной вечери» чувствуется как влияние в таких арцахских рукописях, как два Евангелия XIII-XIV вв. (№316 и №6319), а также в сюжете «Омовение ног» в манускрипте №6303 – тоже Евангелии XIII-XIV вв. Миниатюры из многих этих арцахских рукописей вы можете увидеть в иллюстрациях нашей книги – и те, что были созданы непосредственно в Карабахе, и те, что спасались, хранились в нём..

Эти самые слова «хранились», «спасались» были произнесены Артюшей ещё в 1988 году и записаны в моём дневнике. Но тогда они не были поняты, не были оценены мной так, как сейчас. Но всё же, как выяснилось, они залегли в сознании как невостребованный запас. И сегодня, после стольких лет, заполненных путешествиями по Арцаху и работой над армянскими рукописями в крупнейших мировых собраниях книг, часами раздумий над этими древними манускриптами, эти ключевые слова вернулись ко мне важнейшей темой новой книги: **Арцах, Карабах на протяжении столетий был в истории армянской культуры её Матенадараном, то есть хранилищем и сохранил для народа Армении самое ценное – святую книгу, манускрипт. Он был сокровищницей, полной незримых животворящих семян культуры, ныне востребованных в мире, столь необходимых сегодня людям.**

Итак, моя книга – о земле-хранительнице народного Духа – об Арцахе.

Глава третья НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ

Там, в неприступных высях Карабаха (...), в течение двух тысяч с лишним лет армянский народ выдерживал натиск кочующих племен, сохраняя свою культуру, обороняя свое национальное лицо.

Сергей Городецкий

Доброе утро, туманное утро!

15 октября 2006 года. Мы едем в Арцах. Выбрались из Еревана. Чуть брызжет дождь. Тучи серой тяжелой ватой обложили все окружающее пространство, не видно ни Малого, ни Большого Арарата. Впрочем, знаю, они все равно по дороге в свой срок исчезнут из виду, когда мы углубимся в горы.

В предвкушении монастыря Амарас, святыни Арцаха, которую вскоре предстоит увидеть, вспоминаю вчерашний день. Он неотделим для меня от Месропа Маштоца, святого, создателя армянского алфавита, первого из двух переводчиков Библии на древне-армянский язык. Монастырь Амарас тоже неотделим от Месропа Маштоца: в начале V века он основал в Арцахе как раз в Амарасе одну из первых школ на армянской земле, чтобы обучать там отроков – и не только их! – по созданной им азбуке.

Вчерашний день до краев наполнен, прямо-таки, переполнен Месропом Маштоцем. Надо же такому случиться: вчерашний день – канун отъезда совпал с Праздником переводчиков. По традиции вся Арме-

ния в этот день спешит в село Ошакан поклониться могиле Месропа Маштоца.

Скопище машин, автобусов, даже грузовиков, приспособленных для перевозки людей. Многолюдье – не протолкнуться! Сбор знакомых и незнакомых, однако, глядящих на тебя вопросительно, ожидающе – вот-вот улыбнемся друг другу, заговорим, познакомимся.

Атмосфера праздничная, сердце сжимается. Мне пришло в голову воспоминание из очень далекого, многими забытого прошлого. А для большинства, кто родился позже – словно вовсе не бывшего: как мы собирались на первомайскую демонстрацию.

...Откуда-то из репродукторов неслась песня: «Утро красит нежным светом /Стены древнего Кремля,/ Просыпается с рассветом / Вся Советская земля. /Холодок бежит за ворот...» Я бегу по улицам, еду на трамвае к месту сбора у школы – мальчик, полный веры и надежд – увидеть Сталина на трибуне Мавзолея.

Собирались рано, шли группами – знакомые и все-таки не совсем, непривычно приодетые, гладко выбритые, чуть торжественные. Шли со свернутыми до поры до времени флагами, с транспарантами, навязанными в профкоме – на палке прибитая фанерка, а на ней лозунг.

У сборного пункта толпа густела. Девочки из женской школы напротив нашей собирались вокруг фанерной дощечки «183 шк.», мы – у фанерки «182». Учителя раздавали бумажные цветы гвоздики, с обязательным возвратом!

...Вот и сейчас, у церкви в Ошакане председатель Союза писателей Армении Левон Ананян раздает членам делегации белые гвоздики.

С настоящей живой гвоздикой с горьковатым ароматом обхожу церковь, воздвигнутую над могилой. У северной стены стоит целый строй хачкаров – в форме армянских букв и расставленных не как придется, а в порядке месроповского алфавита. Между хачкарами бегают, шалют, весело переговариваются мальчишки и девчонки, школьники. В руках у них транспаранты из поролона с армянскими буквами, но порядок их постоянно меняется, девчонки сбиваются в кучки, перешептываются, мимо них носятся ребята – вслед за «А» бежит «Ф».

Потом мы долго стоим в очереди, чтобы сойти в подземелье, поклониться праху Месропа Маштоца: вот медленно продвигаемся через переполненный церковный зал к спуску, к ступеням. А навстречу нам поднимаются ребяташки с лицами ангелов с детской торжественностью от только что увиденной святыни.

Я смотрел на них, и у меня горло перехватило, и слезы стояли на глазах – черные головки, головки посветлее, девочки с их косичками и бантами, очень серьезные, трогательно разодетые своими мамами. Все они шли нам навстречу – во всей своей символичности и значительности, во всем ощущении единства *идеи*, которая объединяет этот народ. Не ради убийства объединяет или подавления кого-то, не ради завоеваний или утверждения величия государства за счёт унижения других. А ради Букв, Слова, Алфавита. И еще во имя того Слова, которое есть Бог.

Мы медленно спускались и, наконец, увидели мраморную плиту, всю устланную белыми гвоздиками. Я положил свою. Преклонился, перекрестил-

ся, дотронулся рукою до мраморной плиты. Потом мы вошли в обширный зал при церкви, предназначенный, вероятно, для собраний общины, переполненный писателями, переводчиками – духовными и мирскими людьми.

На мое счастье, в эту пору в Ереване оказались мои московские друзья Самвел Мирзоян, Геворк Петросян, Ваник Бароян, Ваан Апроян. С ними еще был замечательный человек Джованни Гуайта, итальянский писатель и духовный деятель, автор книг, посвященных армянской церкви и геноциду армян. Я высоко ценю эти книги и очень благодарен за них Джованни.

Еще в Москве я обещал друзьям показать гробницу армянских царей Аршакидов в селе Дзорап и рассказать ее историю. Как будто все благоприятно складывается!..

Рядом со мной сел Александр Иванович Божко, видный арменовед, а в то время Чрезвычайный и Полномочный посол Украины в Армении. Во время Праздника переводчиков он был награжден Золотой медалью Союза писателей.

Александр Божко произнес речь на армянском языке, не раз прерываемую растроганными аплодисментами: ему так все хлопали, так были рады и горды, что этот высокий статный украинец с мудрыми глазами так легко и красиво говорит на армянском. Слушая его армянскую речь, я вспомнил, что уже однажды был на награждении Александра Божко: когда ему вручали государственную награду – медаль Мовсеса Хоренаци, отца армянской историографии.

Мы пригласили Александра Божко поехать с нами, все расселись по машинам. Мы отправились в

село Дзорап, древний Ахц, где были захоронены отбитые у персов останки армянских царей. Это одно из самых моих любимых мест в Армении.

Ступив на эту землю, спустившись в тесное и темное подземелье усыпальницы, я рассказал моим спутникам все, что знал из сообщений армянских историков о персах и армянах, о последних годах армянского царства, о крепости Забвения – Анхуш, куда был заключен персидским царем Шапухом армянский царь Аршак.

...Как за решетками его окна, на фоне слепящего бирюзового персидского неба покачивалась на ветру голова его любимого полководца, и не тело – содранная с него кожа, набитая соломой... Это того самого полководца Васака, который в ночном бою отбил останки царей Аршакидов. А персидский царь, теперешний убийца Васака, тогда едва спасся, ускорив голышом верхом на коне...

От гробницы мы подошли к краю ущелья – слушали, как слитно шумит река в его головокружительной глубине. Как сквозь толщу веков...

Кстати, занимаясь сейчас Карабахом, читая всё о нем, я узнал из сообщения одного американского ученого, что арцахские князья Джалаляны находились в родстве с этим царским домом – Аршакидами. Академик И.А. Орбели пишет, что они недаром называли себя царями.

Мы оставили в предгорьях село Дзорап (я и не знал, что ему вернули древнее имя Ахц – ура!) и отправились дальше, забираясь все выше.

Вот уже купола Бюраканской обсерватории на другом берегу ущелья ушли вниз. И впереди на орлиной высоте показалась церковь. Я узнал ее по

двум характерным остроголовым башенкам-часовням, поставленным на притвор, и еще раз подивился богатству и разнообразию форм армянских церквей первой трети XIII века, до этого века и после половины его – совершенно неблагоприятного периода армянской истории и культуры и, казалось бы, не благоприятного для строительства.

Вскоре мы совершили последний подъем и остановились у стен церкви, построенной архитектором Ахб-айриком (1213-1238) на средства княгини Мама-хатун; это жена князя Курда Вачутяна. Церковь в народе называют в ее честь «Мама-хатун». Опять Арцах не отпускает меня! Мама-хатун, но другая, была бабкой знаменитого Гасана Джалала Дола, одного из могущественных князей Хачена. Другая женщина, носившая имя Мама-хатун, была его дочерью и тоже славилась строительной деятельностью.

Из замечательной книги академика Левона Хачикяна, директора Матенадарана «Армяне в древней Москве» я узнал, что дополнение к имени княгини «хатун» имеет тюркское, точнее хазарское, происхождение: царь – хакан, царица – хатун. В своё время я читал его статью в «Вестнике Матенадарана», но книгу целиком воспринял как совершенно новую, увиденную словно другими глазами.

... Я не стал отбивать хлеб у церковного служителя, который в окружении моих друзей повел группу сначала по притвору, указывая на могильные камни, читая надписи на них, а затем вошел в зал,. Как и большинство служителей в армянских церквях, не ученых и даже не священников, он хорошо знал историю своей церкви, свободно перебирая исторические имена. Я тихо отошел в сторону, зажег и пос-

тавил свечки в поминовение дорогих ушедших друзей. Во здравие живых. Ах, как им и всем нам нужно это здравие! И с каждым годом всё нужнее... Вот несколько дней назад мы провожали в Германию в клинику Карлоса Петросяна, за эти годы ставшего мне близким другом. Он докурился до рака лёгких и теперь улетал на операцию. А я не мог избавиться от страшного воспоминания: мой отец умер у меня на руках именно от рака лёгких, тогда болезни неизлечимой. А сегодня, кажется, есть надежда. Господи, спаси его!

Мы ушли с праздника Переводчиков, вышли из церкви Мама-хатун и отправились в ресторанчик, искусно вырубленный в скале на обрыве. Внутри по законам армянского народного жилища было световое отверстие – ердик над головой, печь для выпечки лаваша – тонир в каменном полу, ковры по стенам, карпеты по лавкам. За столом было произнесено много речей, но мне запомнилось то, что сказал Александр Божко, мы с ним сели рядом. Он поднялся во весь рост, положил мне руку на плечо. Ласково взглянул на сидевшего неподалеку Джованни Гуайту и спросил: «Что нас объединяет – итальянца Джованни, русского Кима и меня, украинца Сашко? То, что мы, арменоведы, люди как бы одной крови. Наша общая любовь и общая забота нас объединяют – любовь к Армении...»

И случилось так, что, совершенно случайно, конечно, водка, которую мы пили, была украинская хлебная, «Хлібна», не слишком хорошего качества. Но всё равно что-то в этом было: у подножья церкви Мама-хатун пить украинскую водку в присутствии братского посла Украины.

Наша компания заняла всё небольшое пространство внутри ресторанчика. Мы и не заметили, как на деревянном балконе, пристроенном к скале, уселась еще какая-то группа. Мы услышали негромкое согласное пение. Выглянули и увидели мужчин среднего возраста, скорее всего, одногодок: кто чуть постарше, кто чуть помоложе, кто-то в военной форме или в пятнистой маскировочной куртке, кто-то в обычной ветровке, а кто просто в трикотажной полосатой рубашке. Они воевали в Арцахе, собрались вспомнить то время, вместе спеть те песни.

Мы присоединились к ним, познакомились, побратались. Стоя, выпили за их командира, за его светлую память. Вышло так, что на минном поле подорвался какой-то молоденький солдатик. И пока они вызвали тех, кто должен был разминировать поле, это длилось долго, и сил не было смотреть, как тот истекает кровью. Командир сказал: «Я не могу ждать». Пошел, поднял его на руки – и сам подорвался. Мальчик был спасен, а командир погиб.

Только я один знал, что не когда-нибудь, а именно завтра отправляюсь в Арцах, на землю, обильно политую их кровью. Хотел сказать им об этом, но удержался – какое значение имеют мои планы перед мужественными лицами окруживших меня воинов перед ужасом смерти, о которой они вспоминали! Но эта встреча с ветеранами Арцаха и вообще весь этот день у могилы великого Маштоца в заглавии, с праздником армянского алфавита, армянского слова! У гробницы армянских царей, мужества полководца Васака. С величественной церковью Мамахатун – взлётом армянской духовности на вершине плоскогорья. Всё это собралось как нарочно, будто

я все придумал для этой книги, чтобы возникло её столь многозначное вступление.

Но едем. Доброе утро, однако какое туманное! Мы давно уже втянулись в горы. Перед нами пелена дождя, дальние безжизненные холмы словно заштрихованы серыми влажными росчерками. Перед ветровым стеклом машины то и дело возникают туманные образования, наполненные тысячами капель, и дворники не могут с ними справиться и прояснить картину за стеклом. Эта водная стихия, в которую мы погрузились, напоминает мои нырянья в глубину. Там тоже плывешь над ущельями и провалами. На глубине дно исчезает и снова проявляется во время ныряния. Какие-то туманные очертания тогда возникают перед глазами. И вот уже дно приблизилось к лицу – совсем как усыпанные обломками камней стенки, которые видишь в окне машины то слева, то справа в зависимости от того, куда повернуло шоссе.

Так мы ехали и ехали. Прорывались сквозь завесы дождя. Миновали перевал, спустились в равнину – и тогда внезапно стали видны подробности бытия, осенняя отдыхающая земля.

Впереди сидит мой друг Сурен Фридрихович Саркисян. Он взял шефство надо мной и моими книгами, ищет и находит спонсоров для их издания. Заботится обо мне, непрестанно хлопочет как добрый дядька Савельич из «Капитанской дочки» Пушкина. Откровенно скажу: чем старше я становлюсь, тем всё более необходима мне такая внимательная дружеская опека. Когда я жил в Ереване пять с половиной месяцев, заканчивая эту книгу, Сурен пригласил доб-

рую женщину Сусанну, которая убирала у меня, стирала, угощала меня то борщом, то харчо.

...Сурен сидит впереди, внимательно вглядывается в дорогу. И вот, наконец, мы оба читаем крупными буквами знак – «Свободный Арцах».

И хотя внешне ничего не изменилось, как часто бывает, зачем-то вглядываешься, ищешь отличия, особенности. И природа словно отвечает желаниям. В неизмеримой высоте открылся просвет. Как Божье око. Брызнуло солнце. И вокруг открылась целая страна – сложная, сложно-сочинённая и сложно-расчленённая, разрезанная ущельями, поднося зеленые лужайки на своих каменных плоских ладонях прямо к дороге, с разросшимися деревьями – чем дальше, тем гуще. И вот уже вместо рыжих, «гончарных равнин», как писал Мандельштам, прибавлю: голых, вознесённых к небу пространств, вижу зеленый каракуль лесов, покрывающий горы. Этот эффект особенно заметен, когда в Арцах летишь на вертолете. Вот где особенно видна граница Армении и Нагорного Карабаха – желто-коричневое внезапно сменяется зеленым горным малахитом.

Сейчас в октябре леса радуют глаз всеми осенними оттенками листвы – красной, оранжевой, желтой, зеленой. А желтый тоже разный: то лимонный, а то яичный, то бледный, какой-то бессильный, золотушный, а то и впрямь звенит золотом.

Золотая осень в горах Карабаха встречает нас, обещая череду солнечных дней, суля удачу нашему путешествию. И это раздуваемое ветром облако показалось из-за горы ослепительно белым парусом...

Но жизнь наказывает за романтические мечтания. Это самое облако мы вскоре увидели высоко пе-

ред собой. Оно все приближалось и уже не казалось таким прекрасным. Наконец оно повисло над дорогой, прямо на нашем пути. И чем выше мы поднимались, тем ближе становилось облако асфальту, белой разметке. Стало понятно – вот сейчас мы въедем в облако – и что? Должны ослепнуть, остановиться? Вот уже белые хлопья проносятся над головой, касаются верха нашей машины. Вот мы уже по пояс в облаке, водитель включил дворники. Наступила молочная темнота – нам не видно ничего!

Закрываю глаза, чтобы не вперять без конца взгляд в короткую полоску дороги, ещё различимую перед машиной. Чтобы каждый раз не пугаться внезапно близко проносящихся фар встречных автомобилей. Чтобы сердце не заходило на резких поворотах – на обочине видна лишь трава да колючие плети ежевики. Я отключился, полностью доверюсь водителю.

Открываю глаза уже у входа в гостиницу, надо выгружаться...

На следующий день с утра подъехала сверкающая белизной «Нива», шофер Марат ждёт за рулем, Рубен Осипов поднялся к нам и представился нашим постоянным сопровождающим на дорогах Арцаха. Теперь вся наша «шайка» в сборе, как говаривал в пьесе Шеридана сэр Питер, правда, о своей супруге леди Тизл и ее подругах. Предстоящие дни и недели подтвердили дружный и сплоченный характер нашей команды, что в путешествиях, особенно по горам, немаловажно.

А пока нам предстояло «пойти по начальству», как выразился Сурен, в таких делах он отлично разбирается. Начальство в лице Президента республи-

ки и Премьер-Министра оказалось очень расположенным к нам, целиком поддержало нашу идею о создании книги, посвященной духовным ценностям Арцаха, обещало всяческую помощь. И надо наперед сказать: все обещания – большие и малые – были выполнены. Дело дошло до того, что Президент при нас позвонил в село Ванк Левону Айрапетяну («очень интересный человек») и просил нас принять.

После этого наш проводник Рубен Осипов отвел и познакомил нас со своим непосредственным начальством – министром просвещения по делам молодежи и спорта. Оказывается, Рубен работал инспектором в этом министерстве.

Во время похода по верхам я был очень рад снова встретить тогдашнего министра иностранных дел Арцаха Георгия Михайловича Петросяна. Еще в Ереване он с энтузиазмом поддержал идею книги. И теперь, уже в Степанакерте, мы стояли в большой комнате, где работала президентская команда, разговаривали. И меня еще раз поразила замеченная ранее – как бы выразить это точнее – не столько простота и доступность государственного деятеля, а позиция очень умного человека, которому нет необходимости что-то играть, хотя бы и простоту; его интересует, увлекает суть разговора. И в этот момент он никакой не министр. Просто мягкий, интеллигентный, много знающий собеседник.

Не помню, как разговор свернул на знаменитых коней карабахской породы. «А помните, как звали коня, на котором скакал в атаку Петя Ростов?» – ?? – «Карабах». Я подосадовал на себя, что не помню этого из моей любимой «Войны и мира», книги, которую читал три раза. И чтобы компенсироваться,

проявил знание темы. Армянские кони. Армянская конница... Слава о них проходит сквозь тысячелетия. Конь, дар царю Дарию, на барельефе Персеполиса. Клинопись ассирийского царя Саргона. Свидетельства Ксенофонта и Страбона... Тогда во время разговора я передал их своими словами. Сейчас процитирую: «Страна эта настолько богата конями, – пишет греческий географ Страбон. – Сатрап Армении ежегодно посылал персидскому царю 20 тысяч жеребят. При вторжении в Мидию вместе с Антонием царь Артавазд выставил на смотр, кроме прочей конницы, 6 тысяч покрытых броней лошадей, выстроив их в боевой порядок».

Оказывается, Георгий Михайлович знал всё про армянских коней. И хотя они исчезли, кое-что сохранилось в Карабахе. Восстановить знаменитую арцахскую породу – этим планом он воодушевлен. Достал и показал мне ксерокопию иллюстрации из какого-то дореволюционного журнала: русский солдат держит в поводу красивого карабахца.

Что ещё можно вспомнить?.. Пушкинское «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» – там, в Тифлисе поэт видел армян на конях карабахской породы.

На этом надо завершить и без того затянувшуюся начальную главу.

Глава четвёртая У ЛЕВОНА АЙРАПЕТЯНА

Мы возвратились в гостиницу и приготовились к приятному отдыху, сдобренному сознанием, что день был потрачен не зря: прибыли, устроились, повстречались-представились. Но в поздний час, в десять вечера, позвонили из администрации президента: прямо сейчас нас может принять Левон Айрапетян. Оказывается, он срочно улетает в Москву и в США, сегодняшний вечер – единственная возможность для нашей встречи.

Такое приглашение нам не надо было повторять дважды. И вот мы уже мчимся по новому шоссе Север-Юг, построенному на средства армян диаспоры. Справа и слева ничего не разберешь, мелькают лишь призраки деревьев да в свете фар бегут навстречу, загораются и гаснут столбики ограждения.

Я уже знаю, что Левон Айрапетян, человек богатый, в своем родном селе Ванк выстроил больницу, первоклассную гостиницу очень оригинальной архитектуры, им самим придуманной – в форме корабля. Кое-кто из друзей там побывал, им восхищались.

И вот мы с Суреном в гостинице-корабле ждем хозяина и заодно рассматриваем вестибюль, украшенный морской атрибутикой – якоря, цепи, морские звезды, раковины и прочие знаки подводного царства. Стойка-reception, где принимают гостей и выдают ключи, глядит на ожидающих своими ярко освещенными аквариумами. Среди водорослей за-

мерли, стоят или медленно, с достоинством движутся крупные экзотические рыбки. Я очень люблю созерцать подводный мир: в нем такая нездешняя красота, такая отрешенность от наших забот, что я всегда успокаиваюсь. В молодости – было такое! – «водил рыб», как тогда говорили. Живородящих. Но подобной красоты и разнообразия тогда, конечно, не было.

Но сейчас я бы не сказал, что рыбы успокаивают – где же Левон?

Наконец в вестибюль входит человек среднего роста, на голове род ковбойской шляпы, но не с твердыми, а с мягкими полями, они слегка обвисли, потеряв классическую форму. Выражение лица у человека несколько сонное, не очень приветливое. Левон сел напротив и вопросительно взглянул на меня, мол, что привело вас, в чем дело?

Я начал рассказывать о том, какую книгу собираюсь написать. Говорил как-то без воодушевления, тем более, что не видел ответного интереса.

В этих случаях, я обычно пытаюсь нащупать – что может заинтересовать собеседника? Сказал, что много слышал о нем и при этом намекнул, что вы, мол, будущий герой книги. «Ну, это вообще не нужно!» – услышал в ответ, сказано было это с какой-то даже досадой. Я явно промахнулся. Такие люди мне особенно нравятся – те, кто не ловятся на подобные приманки. Левон Айрапетян был явно из таких, но, видит Бог, это трудные собеседники.

Не помню как в нашем разговоре прозвучало, что мы оба выпускники Московского Университета, он философского факультета. И так потянулась ниточка в прошлое. Левон сказал, что много лет назад он выпускал журнал «Собеседник» (не понял, в ка-

честве кого). Помню ли я этот журнал? Еще бы! Яркий, интересный, демократичный, острый журнал. Очень популярный.

Я сообщил Левону, что в то же самое время или чуть раньше работал в журнале «Огонек». – «Я тоже там работал, при Коротиче.» – «А не знали вы такого Гуркова?» – «Генриха?»

Боже! Он назвал очень дорогое для меня и почти забытое всем миром имя. Это был мой близкий друг. Сколько с ним связано! Меня всколыхнули воспоминания... И я не заметил, как оживился Левон. Его глаза ласково сощурились, превратились почти в щёлки:

– Это был и мой друг. Очень близкий человек. Да и вас я, кажется, вспоминаю. Нас Генрих познакомил, не помните? Сидели, ели раков. Пили пиво. Не помните? В Домжуре. (То есть, в Доме Журналистов, в Москве на Суворовском бульваре).

Пусть внезапно возникшее в далеком Арцахе, в вестибюле гостиницы имя – Генрих Гурков – позволит мне теперь, в этой книге, вывести из мрака забвения этого человека – обаятельного, всеми любимого и теперь напроочь забытого. И не просто «вывести», а словно возратить ему жизнь – такова привилегия литературы. Он был блестящим журналистом. В «Огоньке» и позже, в «Комсомольской правде», писал отличные очерки, при этом обладал даром простого увлекательного рассказа. Я лишь со временем, повзрослев, начал понимать, как трудно это даётся – просто рассказать о чем-нибудь, без красотостей, поэтических деталей, писательских штучек. И при этом уложить на скупой журнальной или газетной площади многое – сделать так, чтобы видна была ситуация, люди и всё это читалось на одном дыхании.

Он делал это легко, как бы играя. Хочется сказать: помоцартовски. Повторяю, это особый дар.

Так же легко, как бы между делом, он писал сценарии и дикторские тексты к документальным фильмам. И делал это непростое дело с таким блеском, что был буквально нарасхват самыми лучшими режиссерами. Одному из них – Владу Трошкину – он посоветовал пригласить меня в качестве автора на дикторский текст. Сам он не мог, куда-то уезжал. Я ничего не знал и не умел тогда в документальном кино – даже как расставить слова по изображению. С позором и нравоучениями, помнится, всё же что-то сделал. И произвел на Влада такое тяжелое впечатление, что и много лет спустя, когда я стал довольно популярным автором и сделал уже немало документальных фильмов, Трошкин улыбался, пожимал мне руку при встрече, но больше не рисковал со мной работать – так я его тогда напугал.

В журнале и в «Комсомолке», где мы вместе трудились, он был собкором по ГДР и ФРГ. Генрих неизменно был любимцем редакции. Обаятельный, остроумный, добрый, он искрился веселым талантом, который так привлекает людей. Его вообще любили очень многие. Среди них был Малик Каюмов, личность легендарная, сначала фронтовой оператор, потом режиссер документального кино, директор студии в Ташкенте, народный артист СССР. Генрих был его «придворным» сценаристом. Несмотря на разницу в возрасте, они дружили.

Малик даже позволил ему однажды отступить от жесткой партийной установки – создавать фильмы о рабочем классе, а особенно о хлопкоробах. И Генрих сделал блистательный фильм о простой прелестной

молоденькой девушке. А Юрий Визбор, который тоже любил Генриха, написал для его фильма песню – «Живет в Ташкенте девушка, такие вот дела...»

Когда произошло ташкентское землетрясение, Генрих вместе с Каюмовым выпустил несколько короткометражных фильмов, прошедших по всей стране. И когда по его сценарию Малик Каюмов собрал на ту же тему полнометражный фильм, ему понадобилась помощь Гуркова. Генрих был вызван из ФРГ, а на Центральной студии документальных фильмов был назначен закрытый просмотр собранного для фильма материала. Присутствовали только одни лауреаты, народные, корифеи – Роман Кармен, Роман Григорьев, директор студии Сёмин, фронтовой товарищ Малика. Был приглашен и я (наверное, в качестве близкого друга).

Трудность фильма была в том, что самое драматичное, что обычно бывает в конце, землетрясение, было как раз в начале. А потом все шло на спад. Это понимал Каюмов и на эту трудность указал, обращаясь к присутствующим, просил их внимательно посмотреть материал, подумать, что можно сделать.

Засветился экран, в полном молчании начался просмотр. Пленка тоже шла без звука: шумы, музыка не были наложены на изображение, да и длина его в три-четыре раза превышала норму.

Я сидел рядом с Генрихом, с другой стороны от меня Григорьев, дальше Каюмов, Сёмин, Кармен. Этот порядок я представляю недаром. Потому что примерно через час безмолвного созерцания посыпался храп. Спал Гурков.

Я его понимаю. Вылетел рано. В самолете, наверное, выпил. В Шереметьево еще, как говорится,

пивком усугубил. В Москве жара. А тут прохладно, тихо, темно, в глазах мелькает...

– Что это? Ты слышишь? Кажется, Гурков храпит, – тихо сказал мне Григорьев.

Я отчаянно толкнул Генриха. Но после паузы он всхрапнул еще громче. И без того высокий голос Каюмова буквально звенел от обиды:

– Кито-то харапит?!

Храпел автор сценария, специально вызванный из Западной Германии. Ему все прощалось... Вспомнил я и еще немало случаев, забавных и трогательных.

Но обо всем этом ничего не сказал тогда Левону Айрапетяну, зачем? Он и без меня многое знал. Мне захотелось рассказать ему единственное, о чем он знать не мог – о смерти, о похоронах Генриха.

Не помню, было ли ему тогда пятьдесят. Он жил как с женой с одной милой женщиной, редактором с Центральной студии документальных фильмов. Как и многие женщины, которые прошли через его жизнь (вернее, он прошел через их жизнь), эта женщина любила его и к тому же заботилась о нем, как может только бескорыстно любящая женщина, уже в возрасте, к чувствам которой примешивается нечто материнское. А он частенько бывал беспомощен, прибалывал. Болезнь его была известно какая, российская, от водки.

Но умер он из-за врачебной ошибки, вызвали скорую, врач сделал не тот укол, не спросивши об аллергии. И Генрих мгновенно умер.

К тому времени мы редко виделись. Сам я готов был встречаться с ним хоть каждый день, ведь я любил его. Но не хотел навязываться. А у него всё не было времени для меня. Так что вместо встречи с ним, живым, я попал на похороны.

Что меня поразило. Помню какую-то клумбу, но без цветов. А вокруг собралась – хотел сказать – толпа, но нет, жидкая группка людей. Никого из знакомых. Где друзья его – известные кинодеятели, журналисты, редакторы газет? Где всякого рода приятели и друзья – ведь у него были обширные знакомства! Его все знали и он знал всех. Где они? Никого нет. На одной стороне клумбы в окружении настороженных и незнакомых мне людей стоит высокая, плоская, подсушенная возрастом первая жена Генриха, с которой он расстался много лет назад и не имел с тех пор ничего общего. И рядом их взрослый сын. Слово «сын» как-то не прикладывалось к уже солидному мужчине.

На другой стороне клумбы вижу одинокую фигуру его последней жены, потерянной, с потекшей краской ресниц на заплаканном лице.

Когда я подошел к ней и стал рядом, она буквально бросилась мне на шею. Хотя мы вовсе не были близки. Заплакала, долго не отпускала. Как будто мы родственники и встретились после долгой разлуки по ужасному, трагическому поводу.

– Вы не представляете, – зашептала мне она, кивая на другую сторону, – они требуют у меня вещи Генриха. Говорят, я незаконная и ни на что не имею права. Да разве я претендую? Хочется что-то сохранить на память... Грубят. Будто я хочу присвоить себе наследство. Где его сберкнижки, где деньги? – говорят. А какие у него деньги? Последнее время у него совсем не было заработков, жили на мою зарплату и на мамину пенсию.

Так это деление на две группы (к нам еще кто-то присоединился) и сохранилось на протяжении всего тягостного обряда похорон. Когда, уже в городе, все

прощались, она подошла к жене и сыну и пригласила их и всю группу к себе на поминки к семи вечера.

Я пришел ровно в семь. Вошел в маленькую небогатую квартирку в стандартном московском доме на окраине. Посмотрел на сто во всю длину комнаты, с тесно поставленными на нем тарелками. С двойной шеренгой белоснежных салфеток. Ни в полвосьмого, ни в восемь никто не пришел. Вообще никто! Мы сели, выпили не чокаясь. Помянули. Горечь во рту от этого вечера помню до сих пор!

Левон слушал меня и качал головой.

– Никто мне не сказал, что Генрих умер, да и не было меня уже в Москве в то время. А то бы на поминки ты пришел не один...

После этого он положил мне руку на колено – «Пойдем!» А когда мы встали, положил руку на плечо – «Пойдем, я покажу, как я живу. И вообще...»

Далее всё развивалось по логике сна... Мы вышли в темноту. И скоро впереди вспыхнул свет, из темноты возник странный корабль с острым носом. Некий Ноев Ковчег в центре горной страны – Арцаха. Семь пар чистых?.. Семь пар нечистых?.. Ряды темных иллюминаторов показывали, что в гостинице не было гостей. Журчание воды... Откуда? Мы зашли за корабль и увидели, что он причален к берегу озера. Сквозь него шел поток, журчали, шелестели мелкие водопады и каскады. За озером над озером нависла эстрада. Послышалась музыка, зазвучал чистый голос. Откуда-то я знал, что это музыкальный конкурс. Вот и амфитеатр кресел для зрителей. Вижу, они заполнены. Когда и где я видел эту видеозапись? Нужели в эту ночь на экране телевизора? Не помню. И еще откуда-то я знал, что здесь раньше был гряз-

ный овраг, куда жители Ванка сбрасывали мусор. Левон распорядился – и овраг очистили, отвели часть реки. И зажурчало, заплескалось. И корабль-ковчег пристал к берегу озера.

Снова было темно, мы шли совсем недолго и пришли на завод. Молчали производственные здания. И я с эстрады попал на деревообделочный комбинат. Вот ангар, а в нем итальянское оборудование для сушки дерева. Вот цех с производственной линией из Германии – всем управляет компьютер. Задашь программу, и начнется изготовление наборных паркетов и прочих чудес любой самой сложной конфигурации – объемных фигурных деталей, модных окон, причудливых дверей. Прямо как у бравого солдата Швейка: на одном конце отчаянно визжащая свинья, а на другом – выходят сосиски с капустой.

Но никаких сосисок. Новейшее итальянское и немецкое оборудование простаивает. Левону обещали вначале обеспечить сырьем комбинат. Потом выяснилось, что сырья нет в достаточном количестве, надо сводить леса Карабаха. Как в страшном сне: голые холмы вокруг и компьютер беспечно трудится посреди обезлесенного мира. Ну и что? Разве мало мы подобных примеров видим?

Но Левон родился в этих местах, и отец его, учитель, отсюда, и происходят они, по слухам из рода владельцев этих мест. И Левон сказал: пусть оборудование стоит, черт с ним. Что-то все же делают для местных нужд – обрешетку для крыши, окна для строящейся школы, двери. Помнится, мне очень хотелось спросить, а во сколько ему обошлось оборудование, с доставкой, конечно? И наладка с при-

глашением специалистов из-за рубежа, и обучение местного персонала.

Но нас прервали, подошел какой-то человек в шапке, напоминающей воронье гнездо. Что-то сказал, Левон что-то недовольно ему ответил. И мы снова оказались в темноте. «Привезли горного козлёнка, говорят, для зоопарка. Убьют на охоте, а мне везут медвежат, волчат... – голос Левона звучал ворчливо, – уже целый зоопарк образовался. Двух орлят привезли... «В это время мы проходили мимо высокой клетки, где, действительно, неподвижно сидели две большие птицы». Корми их...»

Рядом с выдавшим виды газиком стояла молчаливая группа людей. Увидев Левона, все почтительно расступились. Я подошел к брезентовому боку машины, заглянул в окошко. Там на длинных дрожащих ножках стояло крохотное существо, этакая детка, сосунок с едва проклюнувшимися рожками. Как это ни странно, он не боялся, с любопытством принюхивался, пытался и меня через стекло обнюхать. Сердце мое дрогнуло от жалости. Левон распорядился принять нового обитателя в свой зоопарк.

На следующий день я пошел посмотреть зоопарк. Там был волк с перешибленной капканом лапой. Он хромал по дворику. И каждый раз, когда он проходил мимо клетки с камышовым котом, тот угрожающе шипел. Так они и живут рядышком круглые сутки: один бродит, другой шипит. А тем временем, в зарешеченном загоне ленивый медведь, выросший из забавного медвежонка, обнимает автопокрышку.

Там, неподалёку, есть красивая стенка, вся покрытая бывшими азербайджанскими номерами автомобилей, очень декоративно и неожиданно.

Мы заночевали не в корабле-отеле, а в гостевом доме с обширной комнатой, хочется сказать «залой» для приёмов, с камином и столом, набранным из декоративных полудрагоценных камней, и паркетом, сделанным на своем деревообделочном комбинате.

Но прежде чем отправить нас спать, Левон подвел нас к небольшому дому в тени.

– Это я построил для дочери. Рассчитывал, что будет жить со мной, полюбит село, нашу родину. Но знаете, какая сейчас молодежь? Захотела учиться в Америке. Теперь пишет, что скучает: «Папа, приезжай!» Вот завтра и поеду...

Левон что-то включил, и мы увидели перед домом систему мелких озёр между камнями. В освещенное пространство поплыли нам навстречу толстые рыбы. Разевали розовые рты, как будто жадно глотали воду и не могли напиться.

– Вот и рыбок завёл для нее... Думал, понравится... – Левон вздохнул. Вздохнул и я, став невольным свидетелем такой понятной мне отцовской проблемы.

– И вот это вам тоже будет интересно...

И снова Левон включил незаметный источник света, и мы увидели фантастическое зрелище: где-то вдали засветилось нечто, похожее на облако. Через секунду стало понятно, что это светился монастырь Гандзасар.

Вчерашнюю машину мы отпустили, Левон дал свою. И на обратном пути мы решили заехать в Гандзасар. Шофер Левона, большой апологет своего хозяина, подчеркнул, что дорогу до самого монастыря заасфальтировал Левон. Дорога была, действительно, высшего качества. По ней мы споро добежали до монастырских стен. Прежде чем пройти через знакомый

портал, я обратил внимание на мемориальную доску, она – так и хочется сказать – «гласила», что спонсором реставрации монастыря был Левон Айрапетян.

А мне он ничего не сказал!

Сначала мы вошли в храм, перекрестились нашим православным крестом. В конусе света, падающем на пол, на потёртом коврик стоял на коленях и молился под куполом мой друг, духовный глава арцахской епархии. Вот кого бы я хотел в душе своей возвести в мои духовники, кому б я открыл бездну грехов моих. И обрёл бы у него отпущение грехов, облегчение души.

Чтобы не мешать ему, мы вышли. Как всё изменилось здесь со времени моего первого давнего посещения монастыря. Сегодня он был похож на дом, только что убранный к празднику!

Была обустроена специальная смотровая площадка, откуда открывался привольный вид с высоты на необозримые дали вокруг. На лесистые горы, которые когда-то служили защитой княжеству Хачен и его славному князю Гасану Джалалу Дола. Непосредственно внизу скопищем крыш виднелось родное село Левона – Ванк (что значит монастырь, обитель), видна была резиденция Левона Айрапетяна и его отель-корабль. Стоя на этом возвышении, я вдруг понял главную черту его характера, творческую жилку – непрерывно что-то выдумывать, изобретать на благо своей родной земли. То, что сегодня зовется модным словечком «креатив». Левон – великий креативщик, творческий человек! Сын Карабаха, типичный для этого неутомимого самобытного племени, на особенность которого когда-то обратил внимание Сергей Городецкий: **«Широкий размах, беззаветная**

храбрость, склонность к риску, уверенность в себе, своеобразное упрямство, прямолинейная настойчивость, патриархальность в семейном быту...» Как будто сказано о Левоне Айрапетяне!

Несколько раз я гостил у Левона, видал его в разном настроении и состоянии духа и здоровья. Он личность вполне легендарная. И даже прогремевшая в семь сотен пар свадьба в Арцахе, которую он устроил и финансировал – это не просто зрелище, парад. Это забота о том, чтобы росло население Карабаха (проблема, острейшая для республики), то есть, это, безусловно, патриотическое дело. А то, что он вкладывал миллионы в строительство, в обустройство родного села Ванк как раз тогда, когда азеры рвались к Степанакерту, и был неясен исход борьбы! Для Левона исход был ясен: враг не пройдёт. Он рисковал и победил, потому что верил в свой народ и победил вместе с ним.

И еще одна легенда, а, может быть, и была! В Москве строился армянский собор, строился плохо, медленно. Денег постоянно не хватало, все только обещали, но не давали. А что одни давали, то другие прикарманивали. Вот тогда, говорят, Левон собрал богатых людей и, чтобы не разводить долговую гору, объявил: «Кто дает меньше миллиона, прошу покинуть помещение». Все ушли, кроме двенадцати человек. Финансирование собора было обеспечено. Армянский собор ныне гордо поднял свой крест над Москвой.

Мне довелось много поехать по Арцаху, особенно по так называемым освобожденным районам, которые ранее широкой полосой земли разъединяли Карабах с Матерью Арменией. Правительство респуб-

лики много делает для того, чтобы население в Арцахе росло. Но я убедился, что армянское село начинает прочно жить лишь там, где есть церковь и школа.

В соответствии с этим народным духом, Левон Айрапетян строит в своём родном селе школу. Сейчас она уже давно работает. А я был в ней накануне начала занятий, когда устранялись последние недоделки. Но окружающая территория была уже приведена в порядок, красиво распланирована и в ее центре был поставлен бюст отца Левона – Гургена, который был здесь учителем, директором школы. Воспитал такого замечательного сына!

Мы с Суреном и верным нашим фотомастером Акопом Берберяном шли по гулким пустым коридорам, заходили в полные эха компьютерные классы, в ёмкую библиотеку, где девушки уже расставляли книги по полкам и в шкафах. Вся школу на уровне второго этажа окружает прогулочная галерея, а в торце пристроен бассейн со спортивными водными дорожками. Неподалёку расположились теннисные корты. Думаю, что такой школы нет не то что в Степанакерте, но и в Ереване.

Временами я задумываюсь, что бы сделал, если был бы богат, на что бы тратил свои деньги? Вероятно, примером мне бы послужил Левон Айрапетян. Конечно, у меня цель затрат была бы иная. Это были бы хосписы, а ещё приюты для брошенных детей. Повысил бы зарплату для тех рядовых работников, которые выхаживают деток и беспомощных больных стариков. Вот так бы, наверное. Но, как говорится, бодливой корове Бог рог не даёт...

В заключение скажу о той оценке, которую дал Левону Айрапетяну мой друг Сос Саркисян, народный

артист СССР, в своей талантливой книге «Разорванное время». Они с Левоном не были знакомы. При встрече Левон предложил стать спонсором руководимого Сосом театра. Но главное в том впечатлении, которое на Сосу произвел Левон. Послушаем Сосу:

«Почти неделю мы провели вместе – эти дни навсегда запомнились мне. Общаться, беседовать с Левоном доставляет огромное удовольствие, потому что имеешь дело с благороднейшей, образованной, глубоко эрудированной личностью. Из ночного мрака смотришь на собор и кажется, что в свете, парящем в небе, плещутся красивые, блестящие звёздочки.

Когда совсем стемнело, мы вместе поднялись в Гандзасар. Я не могу выразить тех загадочных и бурных ощущений, которые в этот момент охватили меня. «Левон, – сказал я (независимо вырвалось), Левон, лучше погибнуть всей нацией, чем отдать это чудо туркам... и это отдать?»

Левон ничего не ответил, иронично усмехнулся, задумчиво так, мол, что за мысли.

Потом, когда уходили, повернулся ко мне и с металлом в голосе произнёс: «Всё, что мы тут строим, строим для себя, пусть об этом знают все!»

Левон делает дело, он делает революцию, культурную. Крестьян, живущих в горах Арцаха, он обучает культуре быта, учит их, как надо себя вести, как добросовестно работать, учит порядочности и честности, трудолюбию, преданности семье, земле, стране. Он ставит человека на путь сегодняшней цивилизации. Двигайтесь вперёд...

Какая светлая личность для подражания.

Ты, как всегда прав и мудр, Сос!

Глава пятая **ГАНДЗАСАР. КНЯЗЬ КНЯЗЕЙ** **ГАСАН ДЖАЛАЛ ДОЛА**

Не знаю, есть ли такой эффект в истории других народов, но в Армении расцвет искусства не обязательно совпадал со светлыми мирными годами, которые в Армении большая редкость. На VII век приходится арабское завоевание. Но это был золотой век армянской архитектуры. И в первой половине XIII века под игом турок-сельджуков, а с 30-ых годов под тяжелым игом монголов расцвёл её серебряный век!

Это перечисление знаменитых храмов XIII века я нашел у Анатолия Якобсона, великого их знатока: Арич – это самое начало XIII века, 1201 г. Знаменитый Гехардский монастырь – 1215 г., Ованнаванк – 1216 г., в том же году заложен Гандзасар; Макараванк – 1241 г., Хоракерт – 1251 г. и Аратес – 1265 г. Это всё выдающиеся творения армянского гения, классика архитектуры. Зачем же Анатолий Якобсон собрал их воедино в специальной работе, посвященной Гандзасару? С каждым из этих храмов им найден в Гандзасаре ряд параллелей в архитектурных решениях или в скульптурном убранстве, это позволило ему сделать вывод о храме Гандзасар как о художественном и духовном центре Арцаха: это прекрасное архитектурное творение воплощает в себе все лучшие достижения армянских зодчих XIII века и его по праву можно назвать энциклопедией армянского зодчества этого столетия.

Стены храма и примыкающего к нему притвора-гавита покрыты надписями. Приведём одну из многих – очень важную, строительную: «Именем святой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, надпись сию велел выбить я, слуга Божий Джалал Дола Гасан, сын Ваханга, внук Гасана Великого, бнакавор (обитатель, житель), властитель высокого и великого края Арцахского, царь Хоханаберда с обширными нахангами (областями). Отец мой перед смертью своей, безвозвратным уходом из мира сего, завещал мне и матери моей Хоришах, дочери великого князя князей Саркиса, построить с помощью Дарителя благ (Бога) церковь и усыпальницу отцов наших в Гандзасаре, строительство мы начали в 765 году армянского летоисчисления (1216 г.).

И когда возвели восточную стену выше окна, мать моя, отказавшись от жизни в свете сём, в третий раз отправилась в Иерусалим, где, надев власяницу и проведя многие годы в отшельничестве, у врат храма Воскресения, упокоилась во Христе в день Пасхи, и там же была предана земле. Мы же, помня о всех напастях, подстерегающих в жизни, поспешили завершить постройку и закончили милостью и благословением Семилосердного Бога в 1238 году.»

Возникает естественное у современного неверующего человека недоумение. В основании Гандзасара, как гласит церковное предание, положена глава Иоанна Крестителя. Как она могла оказаться в Арцахе, в таком отдалении от дворца царя Ирода, где по просьбе Иродиады ее выпросила у самого царя Ирода дочь её Саломея. Это очень интересная история, в которой факты тесно переплетены с легендой.

Блюдо с головой Крестителя царь велел отправить Иродиаде. Та посоветовала дочери ещё раз потанцевать перед царём и ещё что-нибудь заработать.

Саломея снова танцевала перед царём на льду. Внезапно лёд разверзся и поглотил «скверную» девушку (так она зовётся в легенде).

Когда тело её исчезло, лёд снова сомкнулся и отрезал ей голову. «Голова скверной осталась поверх льда, а поганое тело погрузилось в воды. И страх великий объял царя и всех вельмож».

Эту историю рассказывает уникальное церковное предание, сохранившееся, насколько мне известно, только в армянской церкви. Оно напечатано на русском языке в качестве приложения в книге «Мовсес Каганкатуаци», отлично переведённой талантливым сотрудником Матенадарана Шаваршем Смбатьяном, к сожалению, безвременно ушедшим. Сохранилось сравнительно много манускриптов, содержащих «Историю Агванка». Только в ереванском Матенадрани их одиннадцать. Во время своей поездки в Лондон в рамках подготовки к этой книге я видел еще одну рукопись «Истории Агванка», описанную в каталоге армянских манускриптов в Британском музее (Лондон, 1913, стр.117).

Что же потом произошло с главой Предтечи? Жестоко наказана была и скверная женщина – Иродиада. На её дом с неба упал камень, и она погибла под обломками. В этой жестокой расправе я вижу удовлетворённое чувство справедливости. Это народное чувство было оскорблено тем, как легко отделились скверные женщины за своё страшное преступление. И народная легенда беспощадно свела с ними счёты.

Что же касается главы Крестителя, то ряд чудесных событий, явлений во сне привели к тому, что она была обнаружена и попала последовательно в руки двух отшельников, нищего, гончара и некоего князя, который увёз её в Константинополь, Истампол, где на неё стали покушаться католики. Эти два факта, между прочим, указывают на приблизительную датировку возникновения этой легенды-истории не ранее завоевания Константинополя турками. Чтобы спасти главу и самому спастись, князь увёз её в Грузию, Иверию, где она попала в руки брата Гасана Джалала Дола.

«В 1211 году Джалал Дола поехал к брату своему и попросил у него святую голову, но тот не соглашался никак отдать ему добровольно. Тогда силою отнял её у брата и привёз в край Гандзак, в гавар Арцаха, в родовую усыпальницу свою. И поместил её там и над ней построил удивительную и восхитительную церковь Катогики во славу Бога Христа и Крестителя его святого Иоанна. А в день освящения церкви назвал её именем святого Иоанна Гандзасара».

Один умный человек сказал, что в истории никак нельзя обойтись без мистики, вот пример: наш друг Джованни Гуайта, видный арменовед, недавно перешел из католичества в православие. И принял сан. Я был приглашен присутствовать при этом торжественном акте. Отыскал старинную церковь в центре Москвы, в Замоскворечье, где ему предстояло служить. И представьте: его церковь оказалась в память УСКНОВЕНИЯ ГЛАВЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ. Я рассказал Джованни об армянском церковном предании в книге Мовсеса Каганкатуаци. Он о нём ничего не знал, этот знаток не только армянской, но и католи-

ческой и православной церковей. Хотя, конечно, слышал и об Арцахе и о таком историческом деятеле как Гасан Джалал Дола.

Теперь надо сказать, хотя бы кратко, как возвысился род Гасана Дола, а значит возвысился и Арцах. К концу XII в., после распада княжества Сюник стало усиливаться небольшое княжество Хачен или Арцах. Свою родословную князья по мужской линии возводили к царской династии Сасанидов, а по женской – к Багратидам, правящим в Ани, Карсе, Лори. Они очень гордились таким царским легендарным происхождением.

В 1142 г. во главе Хаченского Дома встал Гасан, который впоследствии женился на Мама-хатун, дочери царя Кюрике. Это в построенной ею церкви, с двумя башенками-колоколенками, мы побывали накануне поездки в Карабах. С нами был тогда, как вы помните, Александр Божко, посол Украины в Армении, и Джованни Гуайта, арменовед и писатель, католик. Мы радовались светлому осеннему дню и даже помыслить не могли, что сама судьба посылает нам знамение.

Итак, во главе Хачена встали Гасан и Мама-хатун. Следует сказать об имени Мама-хатун: многие знатные женщины в Армении и особенно в Арцахе носили это имя. Надо знать обычай: если бабку звали Мама-хатун, то, скорее всего, и ее внучку так назовут. Но это может стать в книге источником путаницы.

К концу жизни Гасан постригся в монахи, оставив шестерых сыновей. Его власть унаследовал сын Вахтанг, храбрый воин, рачительный хозяин. Известно, какой прекрасный конь был у него: в битве при Шам-

хоре грузинский царь Давид, муж царицы Тамары, сидел на купленном у Вахтанга коне, который стоил целой крепости и одного села.

В Венеции на острове Сан Лаззаро в богатейшей библиотеке армянских манускриптов я держал в своих руках «Судебник» – один из первых переписанных экземпляров с собственноручным посвящением его автора Мхитара Гоша царю Вахтангу, но не грузинскому царю, как я думал, а Вахтангу Хаченскому.

Помню сегодняшней Атерк – небольшое село. Это здесь жил и работал Мхитар Гош. Мы приехали сюда в поисках мощного «Урала», который помог бы нам переправиться через реку Трту, чтобы на той стороне пойти в Хатраванк. Ничего в нынешнем Атерке, кроме множества малоизученных развалин, не напоминало о былом величии этого экономического и политического центра Хаченского княжества. О политических настроениях хаченцев можно судить по такому примеру: в списке армян, пришедших к царю Петру I просить защиты от иноверцев, значится также человек из Атерка.

... Мы стояли с главой нынешней администрации Атерка (он обещал и сдержал обещание дать нам машину «Урал»), фотографируясь на память, на краю необычного провала в форме цирка. Весь центр села оказывался на этом краю. Было впечатление, что дома постепенно сползают в глубокую воронку, а вместе с ними тонет, исчезает славное прошлое Атерка и с ним гандзасарского княжества.

Но, слава Богу, из тех времён доносится до нас живой голос Вахтанга – его памятная запись в замечательном манускрипте, Гандзасарском уставном Евангелии, созданном в Арцахе в XIII в. и ныне со-

ставляющем гордость собрания рукописных книг Матенадарана (по каталогу №378): «Итак я, Вахтанг, и супруга моя Хоришах, по воле Божьей прожив, родили троих сыновей и трёх дочерей – наследников во плоти. В качестве же духовного памятника, о сём деле более ревнуя, с большим усердием и расположением сердец наших построили сию церковь и украсили внутри и снаружи замечательным убранством и прочими украшениями.

Затем взирая духовным оком на славу, завещанную Богом Правды своим возлюбленным, подобно и мы пожелали вписать наши имена в книгу жизни. Уверенные в человеколюбии Господа, повелели мы написать сие живительное и желанное святое Евангелие, украсив Согласие многоцветными красками и разукрасив Начала Евангелий золотым письмом. Да будет оно вечным памятником в Доме Господнем и Притворе Бога нашего. Памятуя слова пророка, который говорит: «Заповеди Господни суть Свет и Свет дают и страх Божий пребывает вовеки.»

Итак я, Вахтанг, и супруга моя Хоришах пожелали получить святое Евангелие.»

Это ишатакаран, памятная запись 1261 года. Одним из сыновей Вахтанга был Гасан, названный в честь деда, Джалал Довла (Дола).

Может быть, надо вспомнить о трагическом событии 1236 года: за этот один год Армения Северная и Центральная была захвачена монголами. Об этом с удивлением и ужасом пишут тогдашние армянские историки. После упорного сопротивления пала столица Ани, население было жестоко вырезано. Карс решил не сопротивляться, но город и жителей его постигла та же безжалостная участь. 13-титысячное

полчище монголов во главе с Чармаганом наводнило страну. Убивали даже собак, щадили лишь лошадей.

Покорность им изъявили занимавшие высшие посты в грузинском царстве сыновья армяно-грузинских сановников – Иванэ и Закарэ. Монголы в Карабахе захватили сначала Верхний Хачен, а потом осадили владетеля Нижнего Хачена – князя Гасана Джалала Дола, который затворился в неприступной крепости Хоханаберд. Остатки её стен на одной из окружающих вершин до сих пор видны со смотровой площадки Гандзасара. Фото, сделанные из села Ванк, дают представление о неприступности этого орлиного гнезда. Поняв, что крепость им не взять, монголы пошли на соглашение. Зная, что большинство князей Армении и Грузии подчинились монголам, Гасан Джалал также признал свою вассальную зависимость, спустился из крепости с условием, что монголы сохранят за ним его владения. Этим он сохранил свои земли от разорения. Кроме того, его ждал почти завершённый Кафедральный собор в Гандзасаре.

Возвращаясь в 1236 год, вспоминаю еще раз рукопись Евангелия Игнатиоса того же года. Есть у этой рукописи одна потрясающая особенность – у всех, кого изобразил художник – у Христа, у Евангелистов на щеке слеза. Евангелие плачет! Оплакивает трагическую судьбу Ани, Карса, всей Армении, её народа – зарезанного, полонённого, проданного в рабство!

Владелец Евангелия – военачальник, защищавший Ани, передал рукопись в дар монастырю Хцконк. Из монастыря, неведомыми путями, она попадает в расположенный по ту сторону ущелья Гарни монас-

тырь Хавуц-тар. Была восстановлена на средства богатых жителей села Гарни и подарена монастырю. Значит, прежде подвергалась опасностям, повреждениям. Рукопись-беженка.

Сам князь Дола пользовался большим уважением в высших монгольских кругах, он звался царем и имел на это право, потому что предки его восходили к царям Багратидам, а мать его была родной сестрой Иванэ и Закарэ, освободителей и фактических правителей Армении. Он создал специальный «взяточный фонд», чтобы откупаться от монголов, время от времени приходивших грабить его земли. Когда со своими отрядами Хасан Дола участвовал в походах монголов против турок-сельджуков, то привозил домой отбитые у противника армянские церковные ценности, священные книги. Выкупал из плена армян, особенно лиц духовного звания.

В 1238 году Хасан Джалал завершил строительство кафедрального собора в Гандзасаре. Храм этот ныне признан жемчужиной мирового зодчества. Хасан Дола подарил монастырю множество земель, садов, серебряную утварь для ведения служб. А в 1240 году состоялось освящение храма. На этот торжественный акт собрались богословы, ученые, историки со всей Армении, включая и заморскую Киликию, множество епископов, до семисот священников. Был дан праздничный обед, Хасан, подпоясавшись полотенцем, самолично прислуживал гостям, а на дорогу им были розданы богатые дары. Но вряд ли время господства монголов могло быть хоть где-нибудь мирным. Несмотря на связи в монгольской верхушке и на совместные походы против сельджуков, когда наступил 1241 год, а монголы вторглись

в Нижний Хачен, разрушая крепости, в том числе, и Хоханаберд, который однажды спас Гасана Джалала; самого его захватили в плен, издевались над ним, чуть ли не пытали. С трудом удалось ему откупиться большой ценой – золотом.

Был у него заклятый враг – Аргун-хан, который собирал, вернее сказать, сдирал налоги с захваченных земель. Он искал повода, чтобы расправиться с Гасаном Джалалом, считая, что тот ему не доплачивает. Это Аргун посоветовал Гасану отправиться в далекое путешествие в Монголию на поклон к великому хану в его столицу Каракорум. То ли в отсутствие хозяина хотел Аргун разделаться с Хаченом, слишком независимым, по его мнению, то ли он рассчитывал оговорить Гасана Дола перед великим ханом и добиться его казни. Отказываться от поездки было нельзя, рискованно – и владетель Хачена отправился в дальние монгольские степи, что до него не раз проделывали армянские владетели. Например, Смбат Спарпет, славный полководец Киликийского армянского царства, автор свода законов. И даже сам киликийский царь Левон когда-то отправился в дальний путь, проезжая через Карабах.

Велик был страх перед монголами не только в армянской среде, но и в Европе. В Париже в Национальной библиотеке я рассматривал богато иллюстрированную, чрезвычайной ценности «Книгу чудес». Среди прочих сочинений книга содержит рассказ и о монголах, о Чингиз-хане. Автором этой книги был Этум, так на французский лад звали киликийского царевича Гетума, переехавшего из Киликии на Запад, принявшего католичество, ставшего монахом.

Гасан Дола пустился в дальний путь к великому хану вместе с женой Мамкан и старшим сыном. Но для безопасности поехал через Золотую Орду, где к нему присоединился его друг и защитник – Сартак, сын золотоордынского хана, христианин по вере. Расчеты князя Гасана оказались верными, он был хорошо принят в Каракоруме. Ему даже удалось рассказать великому хану о беззакониях Аргуна. Тот был вызван в столицу, закован, ожидал суда. По слухам, спас его, оказавшись там, Смбат Спарамет. А Гасан Джалал не ведал, что Аргун спасён и возвращён в прежнюю должность. Вместе с семьей Джалал отправился домой, имея на руках грамоту, подтверждающую владение землями Хачена. О своём путешествии в далёкий Каракорум он рассказал в памятной записи в том же Уставном Эчмиадзинском Евангелии. Они вернулись домой в 1261 году, жена отправилась прямиком в Арцах, а князь задержался в Тавризе. Там и застала его горестная весть о смерти любимой жены. Он поспешил в Хачен.

Как меняется тон памятной записи, когда Хасан Джалал пытается рассказать о постигшем его горе!

«В это время, когда настал роковой час смерти, скончалась во Христе Мамкан. И я, приехав, нашел свой блистательный дом полным неутешной скорби и плача: ибо она была услодой и утешением всех войск, и всадников, и церкви, и священников. Итак, я в лето 1261 сие Святое Евангелие, разукрашенное в память боголюбивой госпожи, принёс в наш светозарный святой монастырь Албании духовному лицу Нерсесу, который ныне благополучно занимает святой престол и превосходит святых.

Итак, молю вас, святые отцы и читатели, кто прочтет эту запись, от всего сердца (в тексте буквально «полным ртом») скажите: Христе Боже, когда придёшь обновлять и преображать вселенную, obnovи и присоедини боголюбивую Мамкан и сопричисли её к сонму избранных Твоих заступничеством Пресвятой Богородицы Твоей и всех Святых Твоих, сопричисли ее к Святым Твоим, прославь ее с ними... С нею даруй душевный покой и единственному сыну моему, даруй Твою щедрую милость, а всех противников его сомни, убей и посрами. Аминь. Аминь!»

А когда Гасан Джалал Дола похоронил супругу в усыпальнице Гандзасара, пришел приказ из Ирана, из города Казвин, от Аргун-хана. Он занял прежний пост и теперь звал Гасана Джалала Дола на расправу. И, правда, князь Гасан был арестован. Когда же Аргун узнал, что за узника в Каракоруме хлопочет жена великого хана, то велел немедленно его убить. Знакомо, не правда ли? Нет человека, нет проблем... Мало того, что Гасана Джалала зарезали, но еще расчленили его тело на части. Их собрал старший сын князя, и вслед погребенной жене Гасана в родовой усыпальнице было погребено тело её мужа, верного защитника Арцаха, князя – прочного щита родной земли.

Гибель Гасана Джалала Дола и последовавшее затем наступление монголов отразилось на всей жизни Арцаха – на судьбе князей и знати, ремесленников и крестьян, священников, монахов, переписчиков книг, их художников.

Очень много о монголах рассказывают нам историки XIII века, особенно Киракос Гандзакец, который добровольно пошел к монголам в плен, решив

следовать за своим любимым учителем Ванаканом. Вот какую итоговую характеристику даёт Киракос Джалалу Дола: «Он был человек благочестивый и боголюбивый, кроткий, спокойный, милостивый, нищелюбивый и усердный в молитвах и молениях, как живущие в пустынях. Где бы ему ни случилось быть, он, точно в монастыре, неуклонно исполнял дневную и ночную службу. И в память Воскресения Спасителя проводил в бдении, стоя на ногах без сна ночь с субботы на первый день недели. Он очень любил священников, был очень любознателен и постоянно читал Божественные книги Завета».

Вот так. Ни слова о его походах, воинских подвигах, о том, что в походах он освобождал христиан, выкупал их из плена, спасал книги и возвращал их на родину. Со слов Киракоса воссоздаётся обаятельный образ христианина-интеллектуала XIII века.

Глава шестая УМНЫЙ В ГОРУ...

Постепенно выработалась такая привычка: как проснёшься, всегда первый взгляд – за окно. За окном сегодня туманно, не знаю, хорошо ли будет нам отправляться в дорогу. Нам бы хотелось...Проклятая привычка к «мы» – от боязни говорить «я». Я хотел бы поехать в деревню **Патара (Бадара)**, у местности есть еще название **Птрецик**, так зовется река, в долине которой расположено село. На окружающих его холмах и горах – монастыри, руины древних поселений, заброшенные кладбища, множество хачкаров. И всё это посреди альпийских лугов, ореховых рощ, лесов с целебными травами и студеными источниками.

Шаэн Мкртчян в своей замечательной книге «Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха», в краткий срок ставшей моим путеводителем, сулит притягательные для сердца места – и среди них монастырь **Йот екехеци**, что означает «семь церквей». Шесть из них, судя по плану, оригинально прилеплены друг к другу, образуя внутренний двор, на котором, как указывает автор, везде расставлены великолепные хачкары.

А из этого монастыря по лесной тропинке Шаэн обещает привести меня в **Цера Наатак**, где вокруг церкви на скальном мысе расположено более 200 хачкаров IX-XII вв. Это по сути третье место по богатству хачкаров – после Старой Джуги, где хачкары уничтожены

азерами, так что она, к великому сожалению, уже не в счет, и после Норадуза на берегу озера Севан.

Узнав такое, можно ли было не устремиться в этот самый Цера Наатак?..

Итак, в Бадара! Сначала едем будто в Гандзасар, но значительно раньше сворачиваем налево – в деревню Бадара. Благодаря тому, что мой постоянный спутник Рубен Осипов служит инспектором в министерстве, разъезжая с проверками по районам, в школах его уважают, но побаиваются, хотя него широкое, явно доброе лицо с выпуклыми щёчками. Вот почему в наших путешествиях мы в каждом очередном селе останавливаемся перед школой. Рубен обычно ищет и находит директора. И нам всегда бывает обеспечено не просто угощение, что, думаю, было бы и так, но и помощь по существу – ведь в школах работают люди образованные, знающие свой край, которые всегда укажут, где какие церкви и монастыри есть в округе, как до них добраться. Эта система приема прекрасно сработала и в Бадара. Мы остановились у изгороди, за которой огромный двор, чуть ли не футбольное поле. В глубине распластано здание школы. И вот мы уже сидим в кабинете директора, я излагаю нашу цель по книге Шаэна: сначала добраться до монастыря, а там по тропинке пройти к Цера Наатак.

– По какой тропинке? Это на соседней горе, далеко! До Цера Наатак надо отдельно добираться, на машине ехать, а не по тропинке шагать...

В окно заглядывает развесистая сосна, длинные как у дикобраза иглы хвои лезут к раме. Наверное, летом в жару в открытое окно влывает бальзамический хвойный дух.

Перехватив мой взгляд, директор говорит:

– Вам бы летом к нам приехать, или хотя бы заранее предупредить, мы трактор бы нашли или лошадей под седлами, на крайний случай, организовали. А сейчас до этого монастыря на вашей «Ниве» не проехать – шли дожди, палый лист покрывает дорогу, под ним влажно, будете буксовать. А до Наатака попробовать, пожалуй, можно...

Но и туда нужен проводник, ведь наш шофер Марат не знает, куда ехать. Когда знает – всегда уверенно чувствует себя за рулем. Но даже он без подсказки не доберется до вершины Наатака. Послали за проводником. Им оказался молодой мужчина, успевший переодеться в дорожную форму, обуться в резиновые сапоги, он – учитель биологии и географии Овик Хачатрян, охотник. Дальнейший наш путь показал, что такое сочетание педагогической специальности и знания природы необходимо в этом горном и лесном крае.

Выехали из села, сопровождаемые любопытствующими взглядами редких прохожих. Но уже за самым селом начался подъем, который я бы обозначил словом «борьба». Переезжаем ручей – бывшую речку, гремим придонными камнями. Грязь и глубокие колеи начинаются с самого начала, Марат вертит баранкой, а иногда баранка сама начинает вертеться, бьет шофера по рукам. Машина опасно накреняется, это мы пытаемся объехать яму по ее скользкому краю. Конечно, это такой путь, о котором никто из местных жителей не думает как о проезде. Путь для тракторов, идущих на дальние поля и покосы, тропа для домашних животных. Чуть позже, уже значительно поднявшись, мы въехали на

луг, избежав спуска в безжалостно развороченную тракторами лощину. Навстречу нам поднялось стадо коров, удивительно симпатичных, с белыми носами, а уши их, черного цвета, были изнутри ослепительно белыми и пушились. Пастух лежал на подстеленной брезентовой куртке и задумчиво глядел, как наша машина, вспахивая размокший дёрн и оставляя за собой черные борозды на траве, снова втянулась в свой тяжелый путь.

Теперь он напоминал тоннель из близко стоящих деревьев, сомкнувших свои кроны над головой. Черные толстые ветки дубов опасно склоняются над нами. Нос машины задран, так и кажется, что вот сейчас ветки безжалостно ударят по крыше, а то и по голове. Кто-то сзади шутит: – Пригнитесь!

Выезжаем из тоннеля, справа травянистый склон. На нем тесно растущие деревья. Наблюдаю вблизи лес – из каких он пород? Я привык глядеть на него снизу, издали, от чего все сливается в этакий зеленый каракуль.

Но долго размышлять не приходится, подъезжаем к опушке. С чувством возникшей опасности гляжу, что дороги вообще нет, под сень деревьев круто уходит едва заметная тропка. Марат тоже как бы упирается в нее, даже сбрасывает газ, но тут же решительно двигает вперед один из рычагов, включает дополнительное усилие на колеса. Он прав: неизвестно, что нас ждет впереди. Тропку он пускает меж колес, поднимаемся по талой листве, начинаются пробуксовки, о которых предупреждал директор школы. Хуже всего то, что путь наш то и дело пересекают канавы, их не объедешь – узко, а палая влажная листва в них лежит особенно густо. Марат

осторожно спускает передние колеса – неизвестно, какая тут глубина, а вот выбраться сразу не удастся. Автомобиль бессильно дергается. Марат включает блокировку колес. В машине все замолкли и даже, кажется, задержали дыхание; мы двинулись вперед – до следующей канавы.

Но через несколько метров начался головокружительный спуск. Марат снова включает все свои рычаги, говорит, что спуск опаснее, чем подъем. Может увести к краю обрыва и тогда – прощай машина, прощай молодость! Меня прощание с молодостью не страшит, давно с ней распрощался. Скорее – прощай жизнь. Съезжаем, вернее, соскальзываем – в пропасть! Чтобы отвлечься, рассматриваю, какой разнообразной осенней листвой украшены деревья. Одновременно понимаю: как крут был спуск, так крут скоро будет и подъем, ведь Наатак-то не в долине, а на вершине горы. Так и оказалось.

Снова машина ревет, задирает нос. Снова запрокидываюсь, и моя передняя спинка наваливается на сидящего сзади Рубена, чувствую, как его колени упираются в меня. Он в который раз спрашивает: «Вам неудобно?» В ответ я еще больше подаю вперед, подвигаю на салазках мое сиденье к переднему стеклу, колени к груди.

Но после подъема снова, к нашему удивлению, начался провальный спуск, его мы встретили спокойнее, а вслед за ним – снова крутой подъем. И снова узенькая тропинка змеилась меж колес нашей белой «Нивы», и опять путь был сжат до размеров узкого тоннеля. И куст шиповника, усеянный плодами, наезжал на нас, хлестал и бил колючими ветками по стеклу. И все вокруг нас шумело, царапало днище,

дверцы – это дикая природа не хотела пускать нас. И все время справа сквозил в листве и мелких кустах рядом опасный обрыв, напоминал нам – *temento mori*, не забывайте о смерти!

Так мы продвигались, все прорывались вверх – со спадами, спусками и крутыми подъемами. Пока, наконец, путь нам не преградил огромный камень, прямоугольной на плане формы, густо поросший мхом. «Все, – сказал Овик, – вылезаем, дальше машина не пройдет!»

Похрустывая суставами, едва передвигая занемевшие ноги, я приблизился к камню – это был хачкар! На него жадно, как всегда, на хачкары, набросился Манвел Мхитарян, наш второй спутник и сопровождающий. Всю дорогу он молча сидел позади, зажатый между Рубеном и Овиком, учителем-охотником. Теперь наступило время Манвела. Сорванной веткой он стал торопливо очищать камень от мха. Измерять камень рулеткой, заносить что-то в тетрадь. Не успели мы все выбраться из машины, а Марат – развернуться на пяточке меж стволов деревьев, как Манвел уже расчистил изображение креста на каменной плите и по ему известным (да и мне, пожалуй) признакам определил: «Двенадцатый-тринадцатый век!»

«Поднимаемся», – сказал Овик и решительно полез в кусты мушмулы, окружившие тропинку. Манвел последовал за ним. И я пошел, наивно предполагая сразу или, по крайней мере, скоро увидеть церковь Цера Наатак.

Вместо этого – передо мной крутой, поросший деревьями склон, настолько крутой, что показался мне почти вертикальным. Я попытался взять его

фронтальной атакой – по прямой, но только сбил себе дыхание. Тут я заметил, что Овик идет не прямо вверх, а, так сказать, галсами – скрадывает крутизну, двигаясь то вправо, то влево, поднимается постепенно. Он подождал, пока я поравняюсь с ним, протянул мне палку. С ней стало легче. Пошел тоже галсами. Но что с моим дыханием? В ногах чувствую силу, но вот разинул рот, как рыба на берегу, шумно глотаю воздух, но сил нет. Хватаюсь за кусты, за тонкие стволы деревьев. Сверху Овик советует: «Остановитесь. Не торопитесь. Присядьте». Чувствую, присяду, а встать не смогу.

Хватаю воздух ртом, но его как будто нет. Вот так при подводном нырянии втягиваешь глоток воздуха, заключенный в маске, но в нем уже давно нет кислорода, и удушье не проходит. В исчезающие мгновенья вижу себя мучительно всплывающим на поверхность моря, к воздуху, к небу. Вот уже видна зыблущаяся, зеркальная как ртуть, изнанка волн. В последнем мучительном усилии втянул весь воздух из маски, так что стекло прилипло к лицу, сплющило нос...

Обнаруживаю себя стоящим на горе и держащимся за низкорослое деревце. Остановился и о чем-то думаю. Стыдно. Слабак! Нет, шаг за шагом, а надо подниматься, хоть немного. Сдаваться нельзя. Вон как Манвел, он меня далеко обогнал. Говорю себе: ты же занимался лёгкой атлетикой, бегом. Где твоя тренированность? Я тогда не знал, что тяжело болен, что вскоре предстоит операция на мозге.

Еще несколько движений налево, направо, несколько выигранных метров подъема – и вот, гляжу: довольно близко от меня Овик сел на краю чего-то и ноги свесил, закуривает. Он, значит, дошел?.. Сле-

ва от него из-за гребня высовывается несколько рядов грубой кладки и кровля, поросшая жухлой травой. Храм?..

Ничего себе дорога к храму! Но уже близко...

Тут бы мне встрепенуться и, как говорится, с новыми силами... Но их нет, сил-то, и я снова тащусь. Переставляю палку, за ней одну ногу, другую. И медленно перед глазами движутся прошлогодняя трава, мелкие камешки, бледные грибы, их множество неизвестного мне вида. И все время мне что-то напоминает – такое же мое бессилие и разинутый рот. А! Вот что. Опять вижу... Темные блокадные месяцы в Ереване, морозный номер в гостинице, сплю, навалив на себя одеяла, покрывало, портьеру. Сначала поджать ноги, согреть небольшую часть, потом постепенно обжить все пространство, вытянуться. К утру вода в стакане замерзает. Тогда-то я и схватил воспаление легких. Но ничего не знал о нем, даже не догадывался. И удивлялся, чего это, разинув рот, ловлю воздух. Поднимаюсь по лестнице и останавливаюсь без сил.

Обо всём думал я на том подъеме, но только не о том, что мне 76. И что на такой высоте уже, может, и кислороду мне не хватает. Опять же, сидячий образ жизни... А когда добрался до края, до гребня и опустился на краю, то уже ни о чем не думал. Сидел и унимал шумно бьющееся в горле сердце...

Встал, делаю вид, что все в порядке. Овик уже стоит у входа в храм и указывает мне путь. Тут и впрямь недалеко, но пугает подпорная стенка, опасно цепляющаяся за край обрыва. Вдоль нее не пройдешь. Надо снова подняться – теперь уже по изъеденным временем ступенькам и потом спуститься.

Бросаю первый взгляд на церковь. Внешнее впечатление от храма неважное. Низкие и будто бы вросшие в землю ряды грубо обломанных и беспорядочно сложенных, скрепленных раствором камней напоминают скорее хлев. Деревья со всех сторон обступили храм, искривились над ним. Высотой своей они еще пуще принижают грубую постройку. Сухая листва засыпала кровлю, потерявшую форму от разросшихся на ней кустов.

Овик протягивает мне руку. Да я и сам дойду! На ватных ногах, но этого показывать нельзя. Несколько ступеней вверх, потом вниз – и темный прямоугольник портала принимает меня во внутреннее пространство.

Когда глаза начали привыкать, я смог различить над головой круглящийся свод. Наконец и два оконной бойницы глянули на меня, но не смогли рассеять мрака.

Я стоял в тишине, окруженный стенами, на которых застыли молитвы многих поколений крестьян, живших вокруг, приносивших сюда детей окрестить их, проводить в последний путь своих усопших, чьи надгробные камни за века тесной толпой окружили храм. Мне хорошо было стоять здесь, вдыхать минеральную сырость и горьковатый дух палых листьев, которые ветер намел сюда. Намоленная, деревенская, скромная, она казалась родной – эта грубоватая маленькая базилика. Весь Арцах уставлен такими.

Овик, остановившийся в дверном проёме и застывший мне свет, рассказал простую, тоже деревенскую быль этих мест о том, что двое молодых полюбили друг друга – он, как водится, был бедный, она из имущей семьи, но родители, как всегда это рас-

сказывает народ, были против. Влюбленные убежали сюда, на гору, стали жить, таскали камни, сложили простую церковь, стали замаливать свои грехи. Потом что-то случилось... В общем, все, как полагается в легенде, где счастье не бывает долгим, рай в шалаше – короток...

«Яман, дле яман!» – «Горе мне, горе!» Тоска, печаль, кручина – «дле яман...» Вспомнилась мне эта армянская песня – тягучая, хватаящая за сердце. Не скажу – моя любимая, эти слова сюда не подойдут. Просто горько становится – от любви, от понимания, от сочувствия и невозможности помочь.

*Дле яман... Горе пришло как огонь...
 Вай, дле яман... Пришло, дошло до моих окон...
 Яман, яман...
 Наши дома напротив, мы влюблены
 И не знали, что будем отделены –
 Яман, яман.
 Солнце прикоснулось к горе Масис,
 Яман, яман!
 Тоскую по моей любимой,
 вай ме (горе мне, увы мне), Сис!
 Ветер дует так нежно-нежно,
 Яман, яман...
 Горе безутешно,
 Дошло до самых губ моих, яман, дле яман!..*

Я зашел за церковь – туда, откуда видна была вся плоская вершина горы – небольшой треугольный мыс. Он весь был неровен, волнист, меж деревьями то там, то сям выпирали из земли округлые, покрытые мохом холмики. Я подумал, что где-то, может

быть, у самых моих ног лежит безвестная, уже безымянная могила влюбленных. Сюда приходила безутешная мать юноши, проливая слезы, корила себя. Здесь перед камнем на корточки по крестьянскому обычаю присаживался и упрямо закуривал отец девушки.

Пока я стоял да раздумывал, Манвел с помощью Овика принялся за обычное свое дело – палочками они сдирали мягкое одеяло мха с мохнатых холмиков, под ним оказывались хачкары. Манвел рассматривал крылатые кресты на них, разбираал неясные надписи, делал обмеры, заносил описания в блокнот. При этом бормотал про себя: «Какой это век... четырнадцатый, не позже. А это – шестнадцатый...»

Оказалось, что все холмики вокруг – это сброшенные с оснований и поросшие мохом хачкары. Сколько их тут – кто считал? Они расположились на всей плоской вершине, оползли за ее пределы, покидая таким путем родные могилы. Под воздействием дождей, затекающих под них, тающего снега, кустарников, молодых деревьев, упрямо прорастающих под ними и приподнимающих каменные плиты, хачкары незаметно плывут по склонам. И один уже лег на тропинку и преградил путь нашей «Ниве».

Из головы нейдет рассказ о юноше и девушке, в одиночестве любви построивших церковь. Понимаю, что это легенда. И все же возвращаясь ко входу, рассматриваю, как положены там камни, ищу следов труда, который совершался много-много лет назад. Вот они искали, чем накрыть вход, и нашли длинный камень, гладко обтесали одну его сторону – ту, что будет над головой, поднатужились – тяжесть немалая – и положили на место. Я как будто вижу

их усилия, читаю их замыслы и расчеты. Теперь надо было сделать так, чтобы гнет камней над перекрытием не был разрушительным. Они нашли еще две глыбы, положили их на плиту так, чтобы концы глыб высунулись за пределы перекрытия. И чтобы все мелкие камни, которые были затем положены на них, уже давили не на плиту над входом, а на стену.

Ах, что за стены были у церкви, как красноречивы они! Многое можно было понять о том, как трудились здесь люди из расположенной ниже и ныне заброшенной деревни, с каким мучительным трудом они громоздили камень на камень. Как были не в состоянии их тесать-подбирать, что-то отбрасывая, а использовали они буквально каждую глыбу, каждый осколок из камней, поднятых на вершину. Их клали подряд – что было под рукой, а, вернее, то, что было сейчас привезено, а выше – то, что завтра и так день за днем. Поэтому стены казались нагромождением камней, крепко схваченных раствором. Где они брали воду? Как тащили наверх цемент?.. О чем ни подумай – везде труд через силу, сверх сил. Тут – хочешь, не хочешь – припомнишь строки Мандельштама, ставшие ключом-эпиграфом к его циклу из 12 стихотворений «Армения», в который раз дивясь их глубине и точности:

*Как бык шестикрылый и грозный
Здесь людям является труд,
И, кровью набухнув венозной,
Предзимние розы цветут.*

Представляешь этих тяжеловыпуклых шестикрылых быков и невольно думаешь о вековечном труде

крестьян, которые расставили свои «мужицкие, бычачьи» церкви по вершинам гор, в недоступных для врагов местах. Я тогда еще не знал, что грубая кладка храма повсюду в Арцахе будет сопровождать меня.

Меж тем, Манвел очистил от моха второй хачкар, жадно озирается по сторонам, хочет приступить уже к третьему, но при этом явно колеблется: всех не очистишь, тут надо поселиться, работы хватит на много дней. Овик охлаждает его, они с учениками уже пробовали, но за год всё опять зарастает. Очень здесь высокая влажность.

Да, прав тот, кто сравнивал здешнее скопище хачкаров с кладбищами Старой Джуги, ныне уничтоженными азербайджанскими вандалами, и с лесом хачкаров на берегу Севана в Норадузе. Но все здешнее богатство пока недоступно глазу – оно под мшистой шубой. А сколько их еще скрыто под волнистой, заряженной могилами землей! Это одно из очень многих мест в Карабахе, где богатства скрыты и ждут будущих – вот только когда они придут?– исследователей.

Ну что, пора назад? Гляжу, по штанине ползет вверх маленький клещ – привет из моей любимой деревни Бояково. Там, правда, сейчас, об эту осеннюю пору все клещи явно перевелись, заснули?..

Возвращаемся. Оказывается, на эту гору есть и не столь крутая дорога, но более длинная. Овик же хотел поскорей, полез напрямик, обманутый моим не по возрасту бодрым видом.

Теперь он идет впереди, обходит крупные глыбы и сползшие, спящие подо мхом хачкары. Мы движемся следом, но все-таки спуск крут, и невольно переходишь с шага на бег. Скользко, трава влажная.

Чтобы не осесть и не проехаться на задугу, выбираешь, куда ступить, вглядываешься. Так вот гляжу и поднимаю с земли иглу, длинную, светло-кремовую с темными кольцами – неужели дикобразы?

– Да, и много, – откликается Овик.

– А кто еще здесь водится?

– Волки, лисы. Медведей здесь, на вершине много.

– Много? – я тревожно оглядываюсь, вслушиваюсь, не трещит ли сухой валежник под тяжелыми лапами.

– Они сейчас сытые, добрые...

В такой беседе – то бегом, то шагом, опасно оскальзываясь (это я!) – мы спустились к машине. Но еще раньше слышали радио. Наш шофер Марат и мой верный сопровождающий Рубен сидят себе в «Ниве», открыли дверцы и в ожидании нас слушают музыку. Правда, что умный в гору не пойдет. Садимся и мы, хлопаем дверцами. Господи, как хорошо!

Эта история с подъемом, обильно политым моими слезами, тогда ещё не воспринималась мной как грозный знак, что нужно, наконец, осознать пределы своего возраста. Я же по-прежнему чувствовал себя полным сил. Не чужал своих лет. И это путешествие в Арцах впервые заставило изменить свою самооценку: я падал на ровном месте, боялся больших пеших переходов, крутых подъёмов. А как в Арцахе без подъёмов?..

Ну, так или иначе, мы заняли свои места в машине. Взревел мотор, под колесами закрипели ломающиеся ветки. Мы снова оказались в XXI-ом веке.

Глава седьмая ЗОРИЙ БАЛАЯН – МНЕ ДРУГ, НО ...

Мы с Зорием прискакали на аэродром на резвом «Лексусе», который вёл его приятель, Эдик Вердиян, богатый человек – владелец бензозаправок в Степанакерте. Он тратит огромные средства на обустройство Мемориала жертв землетрясения, Сумгаитского геноцида и варварских обстрелов города Степанакерта из Шуши. Мама Зория видела, как у них дворе под обстрелом погибли сразу пятеро ребятишек, детей беженцев. Не понимаю, как после этого азербайджанцы могут рассчитывать на примирение с армянским народом! На насильственное воссоединение. Они на это и не рассчитывают, им лишь бы добраться до Арцахской земли! А там скоро и армян не останется – как в Баку, Сумгаите и т.д. Особая забота Вердияна в Мемориале – бойцам, погибшим в войне за свободу Карабаха.

...Зорий тепло поздоровался с командой правительственного вертолёта, лётчики, явно ожидая нас, стояли у открытых дверей, курили. Не успели мы залезть внутрь и усесться в удобные кресла у столика, как уже застучали лопасти, замигало огнями. И мягко, незаметно земля поехала вниз – вот и «Лексус» стоит внизу, уменьшаясь на глазах... И Вердиян нам машет рукой.

Сегодня мы летим на Юг Карабаха. Прошла под нами Шуша с острой колокольной собора Казанчецоц, с крепостными стенами. Мы поднялись ещё

выше и втянулись в широкое межгорье с зелёными и жёлтыми осенними лесами, видим шоссе со мчащимися машинами. Это явно магистраль Север-Юг.

Вошел Зорий, он, оказывается, был у лётчиков: «Хочешь в кабину?» – Спасибо, друг! И вот я сижу меж двух пилотов, на железном ящике, с фотоаппаратом в руках.

Вертолёт не забирается в высоту, держится под густым одеялом облаков, которое накрыло всё небо. И только лёгкие облачные паутинки меж нами и землёй показывают, что мы и впрямь на высоте. Такое положение вертолёта помогает спокойно разглядывать всё, что медленно проплывает внизу. Но я ничего не узнаю! Так было до тех пор, пока не показалась церковь, окруженная стенами наподобие крепости. Я понял, что это Амарас.

Замечательное место важных исторических событий! Здесь в V веке была основана одна из первых в Армении школ по изучению только что созданной армянской письменности. Здесь внук Григора Просветителя, Григорис, не только учил отроков армянской грамоте, но и вёл суровую идейную борьбу за чистоту христианского учения. При этом он использовал самые ранние философские сочинения на армянском языке – такие, как например, сборник проповедей Григора Лусаворича «Многовещательные речи». Вот что стоит в его оглавлении: «О значении веры», «Изобличение заблуждений», «О добродетельной жизни», «Кратко о мудрости» и многие другие важные проповеди. Как указывает переводчик (впервые на русском, виртуозный перевод!) мой друг Сен Суренович Аревшатын, в тексте нет ничего, что было бы похоже на монофизитство, из-за которо-

го в последующие века и в Риме и в Константинополе обвиняли армянскую церковь, как еретическую. Это подтверждает моё давнее убеждение, что все обвинения – плод непонимания, вернее, нежелания понять. «Они не еретики» – об этом есть глава в моей книге «Замороженное время».

Вертолёт начал снижение, делает круги. Садимся, выходим. Сбежалась ватага мальчишек, степенно подошли взрослые. Все узнают Зория, полны дружеского расположения к нему, видно, даже польщены его визитом. С Амарасом и этими краями тесно связана жизнь Зория. Здесь служил его прадед, здесь и родное село Зория – Агорты...

Заходим в храм. Под алтарём – могила Григориса. Я её видел не раз, бывая в Амарасе, поэтому всё внимание обращаю на то, как Зорий общается с «народом». Все наслышаны о путешествии вокруг Европы на паруснике «Киликия», спрашивают у Зория: «Ну как?», имея в виду и его нынешнее самочувствие.

Тем временем мы толпой выходим из храма. Зорий приближается к тутовому дереву, а их здесь целые рощи! Легко поднимает ногу до нижней ветви. Как молодой! «Ну, кто так сможет?» Я, конечно, не смогу, но очень горжусь своим другом, его молодым задором.

...Летим в село Мачкалашен, где Зорий хочет навестить Раю, о которой он писал в своих книгах, а тут услышал, что она прихварывает. С нами летит гюхапет – сельский староста. Прилетаем. Ах, эти армяне, никогда не теряют чувства юмора! Село, конечно, не блещет богатством. Снова набегают ребятишки, а взрослые спрашивают у гюхапета: «Что, вертолёт купил?» При этом все дружно хохочут.

Зорий общается с ребяташками – кладёт руку на их черные головки, спрашивает, как зовут того, другого... Живо оборачивается ко мне: «Этого имя Монте – Мелконяна, ты знаешь, имя погибшего героя...»

Идем вдоль села, к Рае. Входим во двор – родной запах! Пахнет, как у нас в деревне, в усадьбе моей любимой Анны Васильевны: у неё двадцать кур, шесть кошек, в идеальном порядке сад и огород, море цветов. Когда она провожает меня в Москву, всегда крестит: «Спаси и сохрани тебя святой Никола Угодник!» Огромная икона Угодника, старого письма, стоит в её избе в красном углу.

У Раи, оказывается, дело серьезное – был инсульт. С трудом, медленно она восстанавливается. Зорий присаживается у ее кровати, бережно берёт за руку. Он ведь врач по первому образованию. Рая выглядит неважно, инсульт никого не красит. Широкое одутловатое лицо, глаза еле открываются. Говорит, что всё хорошо, всем довольна. Внуков назвала именами погибших сыновей. И плачет. Зорий что-то шепчет ей, она успокоенно кивает.

Встаём. Зорий осторожно её целует. Что же это за Рая? Просто крестьянка, самая обычная. Но!.. Для Зория она – символ арцахской женщины. Тот тип, о котором так пророчески писал поэт Сергей Городецкий в 1919 году: «Давший столько видных деятелей мужчин, Карабах создал, или вернее, сохранил в чистом виде и тип древней армянской женщины, в психологии и быту которой уцелело многое из эпохи патриархата».

Когда на село напали азеры, это означало только одно, что село будет разрушено и сожжено, а жители перебиты. Всё мужское население взяло в руки

оружие – у кого что было – винтовки, автоматы, но в основном – охотничьи ружья. Завязался жестокий бой на окраине села. Но в село азеров не пустили.

В том бою погиб один из сыновей Раи. Она горько оплакала и похоронила его. Бои продолжались. Наконец, азеры поняли, что село не возьмут, отступили. И вот тут, накануне победы, гибнет второй сын Раи. Все удивились тому, как мужественна она была во время похорон на сельском кладбище. Сюда её чуть ли не на руках принесли, но у могилы она встала, укрепилась духом и сказала: «Дорогой народ! Сегодня я жертвую вторым сыночком ради спасения Родины. Но не дай Бог всем вам дать врагу войти и осквернить могилы наших мальчиков...»

Когда мы вышли из дома Раи, увидели, что на слух – «приехал Зорий Балаян!» – собралось много жителей. Они окружили Зория, образуя живой круг. Что им нужно было от него – пожалуй, ничего, кроме доброго слова, которое в Арцахе ценится очень высоко.

Меня поразили две женщины в чёрном. Старухи? Нет. Женщины, раздавленные горем, вдовы. С чёрными лицами, широко раскрытыми глазами. Кто-то мне шепнул, что у них тоже погибли сыновья. Они пришли ради утешения.

Зорий говорил высокие слова о мужестве, о жертвенности. Но странное дело – эти слова, произнесенные не с трибуны, не во время какого-нибудь официоза – звучали тепло, утешительно, даже интимно – на краю армянского непобеждённого села, принесшего неисчислимые жертвы – а что может быть страшнее гибели детей? Даже во имя Родины.

В Степанакерте нас встречал Эдик Вердиян на знакомом «Лексусе». Спустя немного времени мы встретились с ним и с Зорием в родном селе его матери Гоар, где стоит её ветхий дом. Семнадцати лет она вышла замуж за Гайка, отца Зория. Когда его арестовали, она отправилась в Москву ко всесоюзному «старосте» Калинину хлопотать, так делали многие. Но там ей сказали: уезжай, пока цела. А то, что двое малолетних сыновей осталось у неё на руках, никого не колышет. Вскоре арестовали и её. По роковому стечению обстоятельств она сидела в шушинской тюрьме в той же камере, что и её муж.

Зорий искал след отца, он привел в Красноярский край. По просьбе Зория генерал Лебедь, тогдашний губернатор, прислал ему земли с общей могилы жертв сталинщины. И мы собрались на могиле Гоар, на сельском кладбище, где Зорий поставил и отцу символический памятник, кенотаф. Как полагается по народному обычаю, мы отметили это захоронение священной земли из Красноярска. Так неведомый прах – кто знает! – может, и русских людей, обрел вечное упокоение на армянской земле.

Зорий трепетно возложил руку на памятник матери. А я будто услышал, как он входит в их однокомнатную квартирку в панельном доме, зовет её: – Мама! – Джана! – откликается она из комнаты.

После посещения могилы отца Зорий навестил могилу своего любимого дедушки. Мы, как в густом каменном лесу, пробирались сквозь бурелом сомкнутых памятников, пока не остановились перед дедовым камнем. На нём Зорий распорядился выгравировать слова деда, его завет. «Мой дед хлеб резал всегда стоя, – сказал Зорий, коснувшись рукой

надписи на памятнике. – Такое у него было уважение к хлебу, который не только у русских, но и у армян – всему голова».

Потом, уже в Ереване, я увлёкся академиком Гурзадяном, бывал у него в Институте в Гарни, писал о нём в газете «Новое время». По этому поводу и произошла наша размолвка с Зорием Балаяном, первая, думаю, и последняя. Завязалась она из-за великого астронома, академика Виктора Амбарцумяна, тогда президента Академии наук Армении, и визита в Армению замечательного писателя Уильяма Сарояна.

Вот как я себе это представлял...

Знаменитый писатель, да еще армянин, да еще из-за рубежа – из Америки, земли обетованной, по тогдашним воззрениям, из-за железного занавеса в Армению приехал Уильям Сароян! Засуетились писатели, им разрешен был доступ к знаменитости, его стали возить по памятным местам (джентльменский набор: Гарни, Гехард, Севан и т.д.), начали знакомить со знаменитыми людьми. С Сарьяном, с Гурзадяном в его космическом институте в Гарни. Сароян был очарован гурзадяновским сравнением современной Вселенной с цветущей яблоней. Этот образ использовал Зорий Балаян в своем талантливом репортаже об этой встрече. Зорий все время следовал за писателем и словно бы приобрёл некие права на него. В этом нет никакого упрёка – так и должен поступать журналист-газетчик. Мы влюбляемся в своих героев и ревнуем их, если по нашему мнению кто-то относится к ним не так, как надо бы.

Неизбежен был, конечно, визит и к академику Виктору Амбарцумяну. Тот начал рассказывать о звездах, галактиках, звездных ассоциациях. Показы-

вать большого формата фотолисты с неопределенными белыми пятнами звезд на чёрном фоне. Прошло полчаса, час... И тут заскучавший Сароян прерывает объяснения неожиданным вопросом: «А вы к проституткам ходите – в весёлые дома?»

Повисла тяжелая пауза. «Нет», – холодно сказал академик, наконец осознав смысл вопроса. И немедленно получил ответную реплику: «А тогда всё, что вы мне рассказываете, меня не интересует!»

Таков был Уильям Сароян. В его вопросе я не вижу ничего криминального или оскорбительного. А только такое естественное для писателя стремление – вскрыть за внешней скукой сущность человека.

Я не был при этой сцене, писал о ней по рассказу очевидцев. Опубликованная мною статья крайне не понравилась Зорию Балаяну. Он напечатал в газете обширное опровержение. Он писал, что такая сцена с Амбарцумяном принципиально вообще быть не могла! И ещё ему крайне не понравилось, что я сказал во всеуслышание о не очень хорошей позиции Амбарцумяна по отношению к своим коллегам – талантливым учёным. Поздний Амбарцумян, человек пожилой, ревновал их и старался их выжить из Академии. Они уезжали в Москву и там обретали мировую известность. Армянская наука теряла своих замечательных ученых из-за того, что старый президент не хотел видеть рядом никого, равного себе. Я до сих пор спрашиваю у людей об этом – и десятки людей подтверждают это моё давнее убеждение.

Что сейчас об этом говорить!..

А тогда Зорий опубликовал большую – на всю страницу – статью, которая называлась «Ким Бакши мне друг, но истина мне дороже».

Я не обиделся. Это его право! В этой статье проявилась одна коренная черта характера Зория Балаяна: он охранитель: НЕ любит, когда кто-нибудь, особенно не армянин, опишет что-нибудь такое, что может оказаться в роли мусора, выносимого из армянской избы. Что бы ни творилось ВНУТРИ Армении, ВНЕ всё должно выглядеть «о-кей». Согласно этому убеждению, нельзя было произнести что-либо, что замутило бы ослепительно белый, чистый облик Амбарцумяна – этой «иконы» Армении.

Прошло время. Я был в разгаре работы над книгой. Мы уже полетали с Зорием на вертолёт. Он отправился в плаванье на самодельном паруснике «Киликия». Это плаванье было ему не по возрасту и не по состоянию здоровья (он перенёс операцию на сердце, после которой многие люди чувствуют себя инвалидами на всю жизнь). В Амарасе его встречал народ. И, выйдя во двор, как было сказано, он легко и даже с показной лихостью достал ногой до ветки дерева. И вот уже совсем недавно, в Союзе писателей Армении, после своего кругосветного путешествия на славном паруснике, где они обогнули гремящий бурями мыс Горн, он снова показал мне, как он здоров. Я спросил его: «А можешь достать?..» Я имел в виду, если бы мы снова оказались во дворе Амараса. Зорий сказал: «Держи руку. Нет. Выше!» И он мгновенно достал ногой до моей поднятой руки.

Я сказал о нём: «он охранитель», но вот еще одна его характерная черта – он экстремал во имя Армении – ради её славы во всём мире. Я побывал в трюме парусника, увидел то сверхскромное место, где он работал во время путешествия, рассылая материалы по всему миру. Увидел его скромную, чуть

тронутую ржавчиной пишущую машинку. Мы сегодня под воздействием ноутбуков и мы забыли, как выглядят «пишмаши» прежних времён. Его уголок был отделён задёргивающейся занавеской, наподобие тех, что установлены в примерочных. Он печатал, а рядом, близко, за круто изогнутыми стенками парусника шумно плескались и кипели воды моря – океана!

(Я бы не смог там написать и трёх строчек!)

По скромности своей и непритязательности это место напомнило мне жильё Зория в Степанакерте. Панельный дом, он хорошо был виден из Шуши и не раз служил мишенью при обстреле азерами из новейших «Катюш» – системы «Град». Застойный запах комнатки, когда здесь долго не живут. Я узнал там и о том, что отец Зория был, переводя на нынешние понятия, министром просвещения Карабаха. Осталась вдовой совершенно молоденькая его жена, с клеймом жены «врага народа». Сын «врага народа» – с таким клеймом Зорий начинал свою жизнь.

Как быстро люди забывают своих героев! Это происходит и по отношению к Зорию Балаяну. Кто сейчас помнит о гигантской ежедневной работе, которую проводил он, народный депутат СССР, защищая Армению и Арцах от азеров, десятки раз говоря с Горбачёвым и его министрами КГБ, МВД. Общение с благородной баронессой Кокс выводило его протесты на международный уровень. Он печатал статьи везде, где было возможно, тесно общался с друзьями из КРИКа – Комитета русской интеллигенции Карабах. Вот, кстати, их тоже забыли: недавняя итоговая книга Андрея Нуйкина «Боль моя – Карабах» прошла почти незамеченной.

А чего стоила одна голодовка Зория в Москве? Кстати, вместе с Виктором Амбарцумяном и католиком Вазгеном I-ым, тоже народными депутатами СССР!

И вот ещё какое соображение мне хотелось бы высказать. Книги Зория и особенно замечательные его карабахские этюды «Между адом и раем» густо населены. Там герои – защитники Арцаха, просто жертвы бомбёжек и обстрелов, хирурги, молодые растущие полководцы, организующие армию и отпор, женщины, рожаящие в подвалах при свечах, солдаты, мёрзнувшие в окопах, но не сдающиеся. При этом Зорий как талантливый художник-график рисует их портреты. Время пройдёт, большинство из них забудется. Но теперь они не безымянные герои – каждый назван по имени. Люди живут! Тем, кто не был в тех окопах, в разрушенном Степанакерте, в героических сёлах это все может показаться несущественным, мелочью. Но это не так! Мне вспоминаются мудрые слова русского книжника XVII века, перевозжу со старорусского: «Мысли и дела, если они не записаны бывают, тьмою покрываются и гробом забвению предаются. Записанные же – как бы вновь обретшие душу, одушевлённые, воскрешённые».

Я когда-то сказал Зорию, что в ответ на его статью «Ким Бакши мне друг...» в моей новой книге будет глава, которую я назову – «Зорий Балаян мне друг, но истина мне НЕ дороже». Что это значит? Истин много, вернее, много людей, думающих, что они обладают истиной, но что они по сравнению с дружбой? Друг дороже истины!

Удивительное совпадение мнений я встретил в стихах очень близкого мне поэта Михаила Грозовского:

*«Платон мне друг, но истина дороже»,
Так говорю, а думаю, что всё же
Сегодня жизнь такая,
что в сто крат
Дороже друг.
Прости меня, Сократ!*

А что касается того инцидента с Амбарцумяном, то неожиданное подтверждение я нашел в книге Соса Саркисяна «Разорванное время». В тот самый приезд Сарояна в Армению в 1960 году молодые актёры упросили его провести с ними хоть один вечер. Накрыли стол в ресторане, начали кутить. Далеко за полночь к ним пришел актёр, секретарь партбюро театра и еще двое проверенных товарищей. Значит, кто-то в верхах обеспокоился: всё ли у молодежи за столом идёт на высоком идейном уровне и поднял бедняг с постели среди ночи. Актёры пришли, незваные гости... Но послушаем Соса Саркисяна:

«— Знакомьтесь, господин Сароян, это наши народные артисты...

- Как то есть народные? Почему народные?
- Ну, словом, наши крупные артисты...
- Они народные, а тогда вы чьи будете?
- Ну, звание такое, господин Сароян.
- Что такое звание? А у вас его нету?

То ли он вправду не понимал нашей жизни, нашей ситуации, то ли не хотел понимать...

Наши незваные гости решили быстрее выполнить свой долг и поочередно провозгласили тосты.

– Наша могучая советская Родина... У нас есть государственный театр.

– Нам не страшен империализм... Америка... Мы победим...

– Мы верные солдаты нашей родной партии... Если нам прикажут, мы сделаем... Скажут, иди дерись – пойдём, скажут, играйте на сцене – будем играть... Мы солдаты...

Политзанятие да и только... Мёртвая тишина... Сароян выслушивал дикую эту ахинею, потом поднялся, наполнил доверху фужер коньяком, улыбнулся и зал затрясся от его рыка:

– Э-э-х, м-да... Ну ладно... Ты говори, говори, я схожу отолью...»

После этого незванные гости встали из-за стола и ушли. А Сарояна всё нет. Пошли посмотреть – он стоит у писсуара и прикладывается к коньяку.

«Повернулся к нам:

– Ну?

– Господин Сароян, мы ждём...

– Эти, как их... Эти солдаты ушли?

– Да, да.

– А, ну, значит, иду... Споём вместе весёлую песню.»

Здесь всё тот же Сароян, что и в случае с Амбарцумяном, – не приемлющий скуки, фальши. Писатель, которому надо обязательно добраться до сути вещей.

Помните, у Пастернака: «Во всём мне хочется дойти до самой сути...»

Глава восьмая КАК ВСЁ СО ВСЕМ СВЯЗАНО

Да, в мире всё удивительным образом связано друг с другом. Только мы этого порой не замечаем и не понимаем – до поры до времени. Разве, путешествуя по Арцаху, переходя от одной крепости к другой, от одной церкви к другой, мог я представить себе, что, отправляясь в очередной поход, я со временем свяжу исследование Ахбраздорского или Майреджурского очень древнего монастыря с далеким Киликийским армянским царством, а значит, и с крепостью Ромкла на крутом берегу Евфрата, резиденцией армянского католикаса, а, значит, и с Торосом Рослином, его придворным любимым мастером, гениальным миниатюристом. Хотя, на первый взгляд, Арцах и Рослин слишком отдаленные друг от друга имена (понятия). Но оказалось, что это не так.

В этот раз мы объезжали ту часть Арцаха, которая была освобождена, как говорят армяне, от азеров, так они «ласково» зовут азербайджанцев. «Оккупирована» – это на языке их противников. И в самом деле, повсюду видны следы многолетней «мирной» жизни азербайджанского населения: из распадков к рекам спускались деревни с почти целыми, добротными домами, но без крыш и окон: животноводческие фермы размещались часто в бывших армянских церквях; армянские кладбища были беспощадно осквернены и разорены, надгробия разбиты, разбросаны или использованы, несмотря на то, что это над-

гробные камни с армянскими крылатыми крестами. Эти обломки хачкаров мы видели вмонтированными в стены домов, в пороги у входа в заброшенные жилища. Армянских следов на этой земле были тысячи, но многое выказывало на варварское к ним отношение, причем со стороны простых азербайджанцев к армянам, жившим здесь ранее их и вместе с ними, что называется, бок о бок. Откуда такая ненависть, думалось. Ну жили бы себе и жили... Зачем же губить соседей? Скажете, темные, дикие... Тут нечего винить власти, тут само население ненавидело армян. За что?..

Великий Торос Рослин много работал для царской семьи Гетумидов.

В 1262 г. он украсил Евангелие парным портретом молодого царевича Левона (будущего царя Левона III) и его супруги Керан

Так благородные, культурные, с детства читавшие Гёте немцы-фашисты уничтожили живших с ними рядом евреев. У меня нет ответа на эти воистину проклятые вопросы!.. Но я ясно вижу, что любой народ можно за короткий срок превратить в зверей.

Стоит теперь сказать,

где мы находимся, что это место значит для Арцаха – я имею в виду то место, куда мы движемся на нашей (уже нашей!) белой «Ниве». Кашатах – так переименован этот район Арцаха, бывший Лачин, который во время войны был единственной тонкой транспортной артерией, некогда соединявшей борющийся за освобождение Арцах с матерью-Арменией... Так сказать, дорога жизни! Кашатах – это широкая полоса земли, которая тянется с юга на север и соединяет Армению – восточные берега Севана и Республику Карабах. Если эта земля останется у Карабаха, если будет создана полноценная дорожная сеть, замкнутая на такую же сеть Армении, то путь до центральных и северных районов НКР сильно сократится. Недаром азеры хотят вернуть себе Кашатах любой ценой и задуть карабахскую республику в своих объятиях, полных ненависти.

В первое время после освобождения этой земли правительство президента Левона Тер-Петросяна назначило Алекса Акопяна главой администрации этого района. Мы еще не были с ним знакомы, но я уже слышал рассказы о нем, как о талантливом губернаторе, и заботливом хозяине... И сейчас, когда мы путешествуем с ним вместе, вижу, что люди о нем не забыли. Узнают, здороваются, обнимаются. И нынешний губернатор, старый товарищ Алекса, поместил нас в дом для приёма гостей, кормит, заботится о нас. Алексан – ученый, специалист по письменным памятникам Армении и Арцаха. Знает наизусть всё о древних манускриптах, созданных в этих краях. Может перечислить, где, когда и какая стояла церковь, что о ней известно из первоисточников.

Мы уже побывали во многих местах. Видели армянскую церковь Сурб Аствацацин, Пресвятой Богородицы, взорванную азерами-дорожниками в 1983 году: она расположена недалеко от дороги, для них соблазн уничтожить ее был слишком велик, тем более что, техника и взрывчатка – под рукой...

Сегодня мы отправляемся в самый дальний угол района, за 55 километров от районного центра, в село Айтах. «Расположение сил» в машине обычное: рядом с шофером, который за эти недели стал нашим другом, сидит Акоп Берберян с фотокамерой наперевес. На заднем сиденьи мы с Алексаном. Дорогу не нужно указывать, она всего одна – хрустит крупным гравием под колёсами. А справа и слева за окнами то мелькают стволы деревьев меж кустами спелого шиповника, среди непроходимых зарослей ежевики, то вдруг возникает и долго тянется отвесная стена скалы. То мы едем над берегом пенистой реки, то поражают глаз от золотого свечения до вино-красного цвета листьев те или иные деревья. Сентябрь уж на дворе, но еще далеко до холодов, еще будут дожди и густые туманы – беда для фотографа.

– То место, куда мы едем, развалины Ахбрадзорского или Майреджурского монастыря, будут для тебя волнующим открытием. И, по-моему, важным для твоей книги...

– Почему? Что там такое, необычайное?..

Алексан с таинственным видом улыбается и пощипывает усики. Меня же, честно скажу, волнует другое – как я смогу добраться до этого самого Майреджура? Опыт этой поездки развеял прежнюю мою самоуверенность. Я уже не говорю о том, как еле-еле

добрался до церкви Бадара-Птрецик. Вечера, когда мы искали следы второй церкви в одном селе, я поскользнулся буквально на ровном месте, упал, ушиб колено и порвал брюки. А коп осмотрел мои кроссовки, погладил их отполированную от долгого ношения подошву и сказал: «Надо срочно поку-

Недалеко от крепостной стены Старого Иерусалима находится храм Гроба Пресвятой Богородицы и рядом армянская колокольня

пать новые. Этим сколько лет?» – «Да лет десять, не меньше...» – «Вот видишь!»

Мы въехали в село Айтах – село как село. Остановились у крайнего дома. Здесь, как и в других местах, у Алексана нашлись приятели. Это был староста села. Они обнялись. Под навесом топилась летняя железная печка, «буржуйка» моего детства и военной юности. Хозяйка что-то помешивала в кастрюле. К нам присоединился рослый парень Роберт, их сын, недавно отслуживший в пограничных войсках армии обороны Арцаха. Он взялся проводить нас до монастыря.

Я не постеснялся спросить у него: «Как дорога? Нет ли крутых подъемов?» Роберт улыбнулся. «Да нет, ровно. Да здесь и недалеко...» Знаю я эти «ровно» и «недалеко», что они значат для пограничника: совсем не то, что для меня. Сидим у печурки, попиваем тан, приготовленный хозяйкой. Я стараюсь меньше двигаться, берегу силы. Но пора в путь.

В резвом темпе мы спускаемся к маленькой мелкой речушке Рахиш, текущей по окраине села. Переходим ее по камням, взбираемся на другой крутой берег. Так и есть: я сбился с дыхания. И скоро прошу остановиться. Рядом со мной присел и Алексан, опустил тяжело звякнувший мешок с аппаратурой. Это он взял у Акопа, чтобы облегчить ему дорогу. Идущие впереди Акоп и Роберт остановились, ждут. Неудобно долго сидеть, когда ждут, поднимаюсь. Идем по едва заметной тропинке, ведущей в лес. Подъем, действительно, не крутой, но постоянный, тягучий, к тому же, приходится перелезть через упавшие стволы, перепрыгивать через неглубокие рвы. В результате я снова с наслаждением присаживаюсь.

Теперь мы даем возможность далеко уйти нашим спутникам. Все, что было потом, напоминало лекцию посреди леса – о Киликии. Говорил, естественно, Алексан. Мы присели на плоских камнях. И я разинул рот. Алексан говорил о Киликийском армянском царстве, которое просуществовало на берегу Средиземного моря более 300 лет. Кто его основал? Известно кто – князь Рубен I-ый, основатель царской династии Рубенидов или Рубинянов. Воспользовался ослаблением Византии, многожды битой турками-сельджуками. Он и сам не раз показывал византийским полководцам, что такое неприступ-

ные замки армян горной Киликии с узкими горными проходами, где горстка храбрецов способна задержать целый отряд.

Естественно, Византия не смирилась с потерей Киликии. Упрямо назначала своих греческих наместников управлять чужими, уже армянскими, по существу, землями. Имя одного из них запомним – Абел-хариб Арцруни. Не из тех ли он Арцруни?.. Был такой знатный царский род. Они приняли предложение Византии и всем населением перешли на территорию империи – тысячи людей, целым народом... До своей смерти в 1080 году этот армянин Абел-хариб оставался верным Византии.

Армянский историк XII века Самуэл Анеци сообщает, что когда еще был жив Абел-хариб, в Киликию переселилось знатное семейство князей Ошинов, как он пишет: «вместе со своим братом, матерью, супругой, вассалами и подвластным людом...» Откуда они переселились? С Востока, Самуэл уточняет место – владение Ошина Гетумяна – Майреац джурк, «напротив Гандзака»... Но где это «напротив»? В Азербайджане? Долгое время это оставалось неизвестным и не вызывало интереса.

Как всегда это бывает, со мной по крайней мере, на место приходим неожиданно. Никаких развалин монастыря, никаких следов человека вокруг... Да и вообще никого. Акоп и Роберт куда-то делись. Кричим. Акоп отзывается откуда-то сверху, высовывая голову из листвы. Он там один, где Роберт, не знает. Алексан просит меня оставаться на месте, решает всех собрать. Опять с удовольствием присаживаюсь на свежую траву, еще не тронутую осенью. И так сижу довольно долго в одиночестве. Наконец,

решаю встать и «сделать рекогносцировку», как писали в старые годы. Слева от тропинки намечается невысокий вал, густо поросший мелким лесом и кустарником, решаю заглянуть – что за ним?

И вот до сих пор не пойму, что это было – сон, видение?.. Отогнув последнюю ветвь, заглядываю и как бы проваливаюсь: с неожиданно открывшейся мне высоты вижу ровную площадку и на ней развалины монастыря. Да и развалинами это не назовешь: небольшая церковь, хорошо сохранился купол в форме едва раскрытого зонтика, что характерно для XI века, для Мармашена, например, стоящего на высоком берегу реки Ахурян. Монастырь окружен отмошкой из тесаного камня, охватывающей монастырь широкой ровной полосой. У стен стоят хачкары, некоторые расколоты, валяются куски. Сверху мне кричат Алексан и Акоп, призывают к себе наверх. А я им кричу: спускайтесь, мол, здесь – чудо-монастырь! Алексан пожимает плечами. Однако спускаются.

«Какой монастырь, где?» – «Там, за кустами, посмотри!» – «Никакого монастыря не может быть!» – «Да я сам только что видел...» Встаю, иду. Что за наваждение? Провал за кустами есть. А монастыря нет. Что же такое я видел? Тогда я не знал, что конец года проведу в Институте нейрохирургии. Что мне вскроют мозг и под руководством академика Коновалова, директора института, удалят опухоль. А до этого будет Петербург, Институт мозга человека, где определят характер опухоли – раковая. Так что никакой мистики, всё что угодно могло показаться. Это если что-то очень хочешь увидеть...

– Но самое-то главное, самое интересное не здесь, – сказал Алексан. – Давайте чуть вернёмся.

Мы немного прошли по тропинке назад, свернули в глубину лесного массива и оказались... на кладбище. На первый взгляд, ничего особенного. Надгробные камни-хачкары, частью стоящие на своих подножьях, частью сброшенные, разбитые, с надписями и без... Всё это обычно видишь на старинном армянском заброшенном кладбище, где уже успели побывать и выразить свою ненависть азеры.

Я не понимаю, почему мы там ничего не снимали. Эти лежащие хачкары, их подножья с армянскими надписями, на которых когда-то они возвышались. Оказывается, к счастью, Алексан был в этих краях ещё раз с Грайром Базетом, он-то всё и сфотографировал.

Учёным историкам, археологам, кодикологам необходимо иметь отличную память. И умение сопоставлять. Помните, у Самуэла Анеци сказано, что Ошины пришли из своего владения Майреаджурк, что где-то на востоке, «напротив Гандзака». Это сейчас он Гянджа, азербайджанский, а во времена Самуэла Анеци, в XII веке, это был армянский город Гандзак. Из него, между прочим, родом Ованнес Саркаваг, поэт. И учёный, математик, календаревед, замечательный историк Киракос Гандзакеци. Кстати, среди арцахских рукописей сохранилась одна, изготовленная в Гандзаке, она была там в армянской церкви, чудом дошла до Матенадарана.

Алексан и Грайр обследовали это кладбище, спустились к руинам церкви, прочитали надписи на надгробных камнях, хачкарах, которые рассказали: здесь был похоронен настоятель (слышите!) Майреджурского монастыря. Ни слова об Ошинах. Но где тот Майреджур, стало ясно – вот он, в Карабахе! Значит, и Ошины отправились в Киликию из Караба-

ха, отсюда. Значит, мы с Акопом и Алексаном – на их родовом кладбище.

– Кладбище непростое, уникальное. Связано с Киликией, хотя это и может показаться невероятным. Связано, как исток реки с устьем. Как известно, в Киликийском армянском царстве правили две династии: основатели царства – Рубениды и Ошины, Гетумиды. Так вот Ошины, Гетумиды родом из Карабаха.

Остальное время Алексан посвятил изучению хачкаров, очень древних – годы 1068, 1069, 1073.

Путь Ошинов до Киликии, конечно, был очень долгим. Проходили они через Грузию, через земли, подвластные Византии. А как добрались до Киликии, то решительно стали на сторону императоров Комнинов. Для такой ориентации важно и то, что Ошин I женился на дочери византийского наместника, того самого Абел-хариба, и получил в качестве приданого две крепости – неприступный Паперон и совершенно неприступный Ламброн. Вот как он выглядит на позднейшей гравюре – подлинно орлиное гнездо. Эти две крепости стали прочной опорой Ошинов в их многолетнем противостоянии и борьбе за власть с Рубенидами.

Случилось так, что тринадцатилетняя девочка, дочь киликийского царя Забел, Изабелла была выдана замуж за шестнадцатилетнего принца Филиппа из соседней Антиохии с тем условием, что он, взойдя на престол, будет править по армянским обычаям и не станет вмешиваться в дела государства. Но тот не только не выполнил этого условия, но и через несколько лет был уличен в том, что вывозил ценности из Киликии – царскую корону, царский трон из золота и серебра. А потому был лишен престола, заключен

в крепость и вскоре умер (отравлен?). Встал вопрос, кому быть во главе Киликии? И было решено отдать Забел в жены, хотя и против её желания, одному из Ошинов Гетуму I-ому. Так князья из Карабаха, у могил которых мы сидим, стали царями в Киликии.

«Чашоц царя Гетума II» – это, пожалуй, первый манускрипт, который я увидел и восхитился, полвека назад приехав в Армению. Это было время, когда о Торосе Рослине много знали, но мало видели в нашем замкнутом советском царстве-государстве, и каждую выдающуюся рукопись, в том числе и Чашоц, приписывали ему. С тех пор много воды утекло, и теперь известно, что в Матенадаране хранятся две подлинные, с его подписями, рукописи Рослина.

Мне выпало счастье в Соединенных Штатах увидеть рукописи Рослина – в Вашингтоне и Балтиморе. А в Нью-Йорке – побывать в музее-библиотеке Пирпонта Моргана, буквально переполненном сокровищами мировой культуры, на коллекционирование которых сам миллиардер денег не жалел, и, в результате, все подарил – городу, народу. Там, у Пирпонта Моргана, армянских манускриптов собрано немного, но все они – отборной ценности. И один из них – Евангелие маршала Ошина. Он ведь тоже Гетумид, младший брат Гетума I-ого, предки его, а может и он сам родом из Арцаха.

Как всё со всем связано! И вот еще пример. Недавно я был в Израиле. Там, особенно в Иерусалиме, заметна благородная роль царя Гетума II. Армянам принадлежит исключительное право заботиться и ухаживать за могилой пресвятой Богородицы, Матери Божьей. Ключевая роль принадлежит киликийскому царю в построении храма Успения Богородицы

и армянской колокольни, над которой гордо развевается армянский трехцветный флаг. Прочтём царскую надпись на западной стене могилы Пресвятой Богородицы: «Я, по милости Божией царь армян Гетум II, после победы над египетским султаном пришел в Иерусалим и построил этот алтарь, прилегающий к Пещере Святой Гробницы Богородицы, в честь народа армянского, в году 1300 от Рождества Христова, 13 июля».

Сохранилось несколько портретов Гетума II. Один из Чашоца. Другой из Скеврского реликвария, который хранится в Эрмитаже. Есть ещё третий портрет – фреска в Венеции, где Торос Рослин изобразил семью Гетума – жену, дочерей и сыновей, среди которых, конечно, мальчик – будущий Гетум II. Торос Рослин был любимым художником Гетума II и не раз в своих манускриптах изображал Гетумидов, изготавливая манускрипты по заказам Гетума II и его ближайших родственников.

Так мы вернулись в Арцах, чтобы отпраздновать тесную связь – ведь всё со всем связано – имена Гетумов, Рослина и этого отдалённого уголка Арцаха, что близ села Айтах. Да нет, не нужны какие-то ещё дополнительные доказательства, что здесь мы находимся на исконно армянской земле! Какие ещё доказательства, когда вокруг нас эти хачкары XI века, когда не то что азербайджанцев, но и кавказских «татар» здесь в помине не было. Верю, что, когда стихнут их безумные притязания на армянский Дом, будущие поколения не только армян, но и азербайджанцев станут гордиться такой связью между Киликией и Арцахом, между речными долинами Куры и Аракса и аметистовыми просторами Средиземного моря.

Глава девятая ЗАПАХ ПШАТА

Утром привычно гляжу в окно – как там погода. Где там? В Мартуни, в Гадруте вроде, ничего... Это я утешаю себя и поскорее – в путь. Выезжаем на Юг по знакомой магистрали. Минуем туманную Шушу на плоскогорье с колющей небо колокольней Казанчецоца. Дорога хорошая, чуть влажная. Колхозашен, Кармир Шука – знакомые по прежним поездкам богатые спокойные сёла. Это уже Мартунинский район. Но нам туда не надо.

Отмечаю про себя, что тут где-то неподалёку расположено село Гиши старинное, можно сказать, древнее с его кувшинными захоронениями, село древних гончаров. Мне же оно интересно тем, что в нём родился дорогой мне человек Самвел Самвелович Григорян. Он мне рассказывал, что недавно был в Гиши, поставили на могиле отца фарфоровый медальон с его портретом. Родился Самвел в Гиши, а всё детство и раннюю юность прожил вместе с матерью в селе Ванк Гадрутского района, куда мы и направляемся.

Побывать в этом районе у нас есть ещё одна веская причина – с нами нет нашего постоянного спутника Рубена Осипова. Он как раз находится сейчас в Мартуни, в тамошней школе, вспомним, ведь он инспектор.

Рубен рассказал мне, что Юрий Лужков им выделил деньги из Москвы на игру – соревнование двух

команд КВН. Они передали эти деньги в отдалённый район, в Гадрут, где есть прекрасная школа. Они разработали интересный сценарий; соревнуются не вообще команды, а именно две русских команды в национальных русских фольклорных костюмах, тематика соревнований – Россия, её история, её культура, её великая литература, вековая дружба русского и армянина. Ребята должны проделать огромную для них исследовательскую работу. И присутствие на их празднике человека «из самой» Москвы (то есть, меня) будет для них неожиданным подарком. Мне не надо было повторять это приглашение дважды, я вообще с волнением отношусь к примерам, когда несмотря на частую неуклюжесть нашей российской политики сами армяне поддерживают нашу дружбу. Да ещё где? В среде молодёжи, школьников.

Итак, едем в Гадрут. По дороге нам встречаются памятные места, о которых стоит рассказать. Это прежде всего Керт, около которого расположена часовня-сурб, т.е. святилище, Кармир Аветаран. Об этом ещё будет сказано. Затем это церковь Кармир, т.е. «красная», Кармир Екехеци. Это усыпальница меликов Варанды Мелик-Пашаянов.

Стоит также упомянуть церковь Сурб Таргманчац – Святых Переводчиков Библии. Размышляю о том, как разнообразны названия церквей в Карабахе, вернее, всё, чему они посвящены. В коренной Армении церкви чаще всего Сурб Аствацацин, Пресвятой Богородицы и святого Григора Лусаворича. В Арцахе же это может быть церковь Бари Бжишк – Добрый Доктор и уже упомянутая Кармир. А вот, въехав в область Гадрут, мы проезжаем деревню Драхтик (от армянского «драхт» – рай). А в ней высоко в горах

как-то я осмотрел церковь с замечательным именем – святого Григора Нарекаци, построенную в 1245 году.

Видно, её давно никто не посещал, рука реставратора и не касалась её. Буйная природа этой вершины лесистого холма приняла святого Григора Нарекаци в свои объятия, сделала небольшую церковь частью своего существа: так всё заросло, что и входа было почти не отыскать среди путаницы деревьев и кустов. А если к этому прибавить разноглосьий гомон птиц, недовольных нашим вторжением, и жужжание диких пчёл, монотонностью звука усиливавшее ощущение летнего зноя, то вы как раз окажетесь в местности Драхтик, что переводится как «маленький рай».

Но мы проехали мимо рая. Мимо счастья? Быть может!

И вот уже справа от дороги через неглубокий овражек потянулась Азохская пещера, сначала один её вход, а спустя приличное время – другой. Пещера огромная, с доисторическими находками, например с той знаменитой челюстью первочеловека. Челюсть эта пользовалась особой любовью у азербайджанцев, наверное, для них это знак незапамятного присутствия их народа в этих местах. О чём они всё время мечтают.

Так мы ехали, пока не оказались в Гадруте перед зданием школы. На звук остановившейся машины выглянул обрадованный Рубен Осипов, чуть ли не под руки ввёл нас в вестибюль. И тут ребята мне поднесли «хлеб-соль» – впервые в моей жизни. Они были одеты в русские костюмы – так, как они их себе представляли, лица у маленьких девочек – ангельские.

Я вглядывался в эти красивые и одухотворённые лица, и меня переполняла гордость за то, что я русский и что мы дружим. Потом я сидел у всех на виду в первом ряду и следил за соревнованием двух команд, одна называлась «Добры молодцы», другая – «Гой ты, Русь». Сидел – повторяю – и сдерживал-глотал подступающие слезы. Мне стало еще хуже, когда дали в руки микрофон. Что я мог им сказать? Что в необъятном нашем мире у моей родины только один искренний друг – армяне, что хочу от всего сердца поблагодарить их – ребят и девочек, обе команды – не хочу знать, кто победит. Знаю, что вы победили меня, вы живое замечательное доказательство нашей искренней дружбы. И этого я никогда не забуду! Я не уверен, что говорил именно такие слова, но что-то похожее рвалось наружу. И я рад был победе над собой – что не заплакал! Это было бы нелепо и непонятно окружающим.

В заключение ребята подарили мне акварель большого формата, на которой с любовью и старанием была изображена Спасская башня Кремля.

Но нас ещё ждала родина Самвела – монастырь Спитак Хач и село Ванк. С таким же названием мы видели село у монастыря Гандзасар.

Монастырь Спитак Хач – Белый крест виден с холма, где стоит школа. Мы недолго искали дорогу к нему и вскоре остановились перед въездом. Уже видны были сооружения монастыря, расположившиеся на обрыве, в виду Гадрута.

Пока вокруг нашей машины собирался народ, я вспомнил рассказы Самвела о его родном доме. Посреди двора привольно раскинула ветви белая акация. В пору цветения, когда свешивались ее

снежные, с зеленью, гроздь, она буквально гудела от пчел, как закипающий самовар.

У забора росло огромное дерево пшата – лоха сребролистого (дикой маслины), искривлённое соседством с загородкой. Когда пшат цвёл, запах его мелких золотистых цветков разносился по всей деревне. И уже скоро можно было попробовать его сладковатые плоды – мучнистые финики.

Однажды в Москве, когда я пришел к Самвелу в институт, он с видом заговорщика попросил меня спуститься с ним вниз. Сели в машину, немного проехали и, как я понимаю, оказались на территории университетского ботанического сада. Вышли. И волнами на нас пошёл медовый запах цветущего пшата. В Москве? Да, есть два дерева. И они цвели. Надо было видеть счастливое лицо Самвела! У каждого в жизни есть свой запах пшата, только он называется по-другому. У Самвела это был запах детства, запах Родины, далёкого Арцаха, монастыря, высоко вознесённого над Гадрутом.

Это было тяжелое, опасное время для Самвела Самвеловича. Он вот уже несколько недель ожидал операции. Шунтирование сердца. Боится. Говорит, что прекрасно знает, что они там будут делать, понимает риск для жизни, связанный именно с его сердцем. «Так что это осознанный страх», – заключает он. Но это не мешало ему появляться на всех публичных мероприятиях. И каждый раз я удивлялся: какой твёрдый, волевой человек! Последний раз это было на открытии выставки работ художника Гвидона в Политехническом музее, где Самвел блестяще выступил.

И вот я узнал, что он лёг. А потом жена сказала, что шунтирование сделали. Он в реанимации.

После операции Самвел движется уверенно, без оглядки и опаски. Осень, Ереван. Жара на удивление не спала. Живем в гостинице «Ширак», включаю кондиционер. Самвел приходит на завтрак из Дома Москвы, где его поместили в знак особого уважения. Шагает быстро, как молодой, не поспеваю за ним, особенно вверх по лестнице или в гору.

Привез с собой замдиректора космического института: молодого, современного, в лёгких очках. Самвел обаян новой идеей. Запустить спутник – чисто армянский или совместно с Россией. Это лишь вопрос денег. И Армения станет космической державой, притом в самой продвинутой новаторской области. Лазерное измерение расстояний до земной поверхности. Предсказание землетрясений.

Для этого втроем едем в Гарни, в подземную станцию слежения за землетрясениями и атомными взрывами. С нами еще зав. этой лабораторией: едем на его старенькой машине.

Заезжаем в храм Гарни. В два счета Самвел объясняет возникновение столбчатых – как трубы органа – структур. Я все время удивлялся, как они могли образоваться? Так остывал, оказывается, расплавленный базальт. Завлаб (геолог?) подтверждает. По краям базальт остывал, а в центре расплав всё поднимался, всё остывая и по краям, труба росла.

Отъехали от храма, миновали посёлок. Показалась заброшенная территория когда-то процветавшего научного учреждения. По давно не хоженным ступеням вошли в здание. Завлаб хвалится, что даже сохранил мебель в кабинетах давным-давно здесь не работающих сотрудников. Пыль на полирован-

ных поверхностях, нежилой запах. Завлаб открывает двери своими ключами.

Подземный тоннель. Даже наши обычные 36 и 6 температуры тела нарушают тепловой режим. Американцы установили здесь аппаратуру для определения подземных атомных взрывов (а мы – у них). Аппаратура бесперебойно работает и с крыши посылает информацию прямо на спутник. А вот и вертикальная шахта, где можно установить маркер, на который пролетающий спутник будет посылать сигнал. Измерение с точностью до миллиметров, такова сегодня феноменальная точность! В местах, подверженных землетрясениям, где поверхность земли чуть приподнимается, это укажет на приближающийся подземный толчок.

Но тут надо что-то сказать о теории плавающих под земной поверхностью гигантских тектонических плит. С этой теорией не все согласны. Оказывается, современная наука знает многое про эти плиты: их конфигурацию, с какой скоростью и куда движутся, где сталкиваются, давят, разрушают друг друга. Землетрясения как раз и снимают напряжение в отношениях налезавших друг на друга плит. Внешне нарастание напряженности сказывается в небольшом вспучивании поверхности земли над областью будущих землетрясений. Конечно, требуется установка не одного, а многих маркеров, отражающих луч лазера. Так что, одного в Гарни не хватит. Но пусть это будет началом. Об этом Самвел сделает доклад в Институте механики армянской Академии наук и захочет встретиться с Премьером правительства.

Из села Ванк вышли многие славные люди. Самвел с гордостью перечисляет мне имена и почти каж-

дый раз, как бы осекшись, прибавляет: «умер» – Яков Григорьевич, Юра Мкртичев, к сожалению... Мардик Саркисян жив, занимается бизнесом. Это мой друг детства, дом его стоял у родника...

Вскоре к нашей машине подошел человек, назвавшийся тоже другом детства Самвела. Он был интеллигентного вида, правда, с некоторым привкусом злорадства, непрерывно курил, рассказывая нам, как Самвел-юноша из мелкашки, мелкокалиберной винтовки, убил докучавшую всем лису, которая повадилась таскать кур.

Рядом с селом Ванк находился монастырь Спитак Хач. Самвел вспоминает, что в церкви хранили зерно, и мальчишками они протискивались сквозь щели окон церкви, прыгали на зерно – он помнит его пыльный и особый душный запах.

Я-то его замечательно помню, этот запах по целине, где после Университета работал трактористом в совхозе имени Чехова, помню зерновые тока, пирамиды свежего зерна. А раз даже спал в сеялке, подгребая зерно под бок. Не помню, почему это я спал в сеялке? Я ведь должен был сидеть и дергать рычаги трактора. Ах, да! Ну, конечно: работали без перерыва сутками. Я и посадил временно за рычаги сеяльщика, чтобы вздремнуть часок. Зерно под бок всё убывало, я проваливался. Не пойму – в сон или на дно сеялки, где безостановочно вращались шестерни, разбрасывающие зерно.

Мы идём, прогуливаясь, по монастырю Спитак Хач, рассматриваем надгробные камни окружающего кладбища, хачкары с барельефами, расставленные по территории, читаем надписи на них. Они все XIV века, а сам монастырь основан скорее всего,

в XIII веке. Особенно красив изысканной резьбы хачкар, чуть закопчённый снизу от множества сгоревших свечей и вставленный словно драгоценность в оправу, в нишу из тёсаного камня: надпись на нём указывает на 1330 год. Вижу церковь, омегаобразный портал, лёгкую колоколенку на крыше и узкие оконца, через которые протискивался Самвел с друзьями, чтобы купаться в зерне. И даже лестница приставлена – словно из детства Самвела. Пытаюсь представить себе то время и тех ребят, но ничего не получается.

Мне надо ещё выполнить один долг, ради которого я выхожу на самый край обрыва над Гадрутом. Там, на узкой полосе кладбища, на высоком постаменте установлен бюст женщины – у неё крупные черты лица, а её равнодушный взгляд, словно у изваяния острова Пасхи, устремлён куда-то в даль над Гадрутом, к до сих пор захваченным азерами армянским землям, к долине Аракса, к заречным персидским далям... Это мать Самвела Самвеловича: такой памятник он ей недавно поставил. Оглядываюсь беспомощно – где бы цветочек, хоть какой-нибудь... Уже осень, и пригорок под ногами усеян бледно-голубыми тонкими, слабыми цветами примулы. У нас они расцветают ранней-ранней весной, а в Армении осенью. Я сорвал несколько...

Спустя время, в Москве, когда мы праздновали 80-летие Самвела Григоряна, я подарил ему эти фотографии с памятником матери. Он заплакал и обнял меня. Как это забыть?..

Хотя осенью темнеет рано, нам предстоит ещё поездка в деревню Цор. Там хранился Чашоц 1040 года, целиком он до нас не дошёл, сохранились

лишь пергаменные листы из него, используемые как защитные в совсем другой рукописи; нашел их – замечательно приметливый глаз! – великий армянский учёный Гарегин Овсепян. Я их посмотрел перед отъездом. В тексте заказчик Аристакес-кахана (священник) просит помянуть своих родителей в молитвах.

Мой друг Артюша – Арташес Матевосян – бесспорный знаток древнего армянского письма, рассказал мне, что эти листы, кроме всего прочего, важны тем, что переписчик Мхитар употреблял несколько очень древних букв, идущих прямо от Месропа Маштоца.

Три буквы от Месропа Маштоца, из шестого века! Пергамен покоришневел, будто обуглился. Ищу и нахожу эти три буквы, о которых говорил Артюша. Но я не настолько знаю шрифты, чтобы оценить открытие Артюши.

Мы садимся в машину – поедem в Цор. С нами садится показывать дорогу «старый» друг Самвела. Оказывается, по короткой дороге проезда сейчас нет, надо двигаться по краю ущелья горы Дизапайнт. «Надеюсь, ваш водитель опытный?» Мы тоже надеemся на нашего Марата. Ему действительно нелегко было вести «Ниву» по узенькой дорожке, по существу – тропинке на живописном краю очень глубокого ущелья, где, не дай Бог, если встретится машина – не разъедемся!

Ущелье поросло дикими фруктовыми дeвeвьями, шиповником, непроходимыми зарослями ежевики, Осень всё расцветила золотым и оранжевым. Несмотря на тесноту в машине, мы всё любовались картинами пейзажа, которые раскрывались с каж-

дым новым поворотом. Но не останавливались, чтобы фотографировать, торопились в Цор.

Цор – древнее село, в его центре стоит очень высокий храм – базилика, сложенная из грубо наколо-того камня, на известковом растворе. Хотя надпись относит её к X веку, то есть ко времени, когда создавался Чашоц 1040 года (в это время храм уже существовал, и в нём мог работать переписчик), специалисты всё же относят его к позднему времени, когда храм был уже восстановлен после разрушения.

Естественно, о столь далёком прошлом люди ничего не знают, зато с удовольствием рассказывают о двух танках, которые стояли в селе, и об их водителях-украинцах (стыдно слушать – братский, вроде, народ). Силы обороны села отрезали (подорвали) путь отступления танкам. Украинцы убедились, что на танках они не уедут, и без лишнего шума сдались. Так мирно закончилась оккупация Цора.

Обратный путь наш был отдан фотографированию. Природа блистала, звенела, была в медные, золотые и серебряные бубны. За каждым поворотом нас ждали выставочные фото. Ранняя темнота скрыла от нас ущелье Дизапайнта и весь его сказочный осенний мир.

Глава десятая ВСТРЕЧА В МОСКВЕ

Бесконечно затянувшаяся весна никак не может перейти в летнее тепло. Памятное мне метро «Университет», я жил когда-то здесь, на улице Строителей. Студенческое многолюдье при переходе через проспект. Девушки, ребята текут, не уступают дороги автомобилям. Слава Богу, здесь установили светофор.

Еду в троллейбусе, затиснутый меж двух рослых молодых, не замечающих меня.

Остановка троллейбуса «Площадь Индиры Ганди». Нависающее над половодьем машин на отшибе от университетского городка, здание Института механики МГУ. Базальтовая лестница, мудро устроенные ступени: каждый марш начинается с четвертинки, удобно ступать. По привычке начинаю считать свои шаги. Всегда считаю их, когда в Ереване поднимаюсь по лестнице в Матенадаран – 98 ступеней. Вот и здесь...

Представляю, как каждое утро поднимается по этим ступеням академик Самвел Самвелович Григорян. И ему по дороге приходят в голову светлые мысли, может быть, даже решения задач. Может быть, с этих базальтовых площадок (подобно яблоку, падающему на голову Ньютону) ему открываются миры, которые так поразили меня. Что-то меня тянет сегодня на трафаретные мысли, на штампы: Ньютон с его приевшимся яблоком, светлые мысли на лестнице...

Вспоминаю, что Самвел очень редко всходит по ступеням, он подъезжает на своей машине – прямо ко входу. Сбиваюсь со счета, бросаю это дело. Автомобиль ему подарила дочка, великолепная скрипачка, которая сейчас живёт в Германии.

На третьем этаже, как всегда, иду не в ту сторону направо, возвращаюсь налево. Говорят: «Самвел Самвелович ушел в столовую, подождите.» Жду.

Оглядываю длинный, какой-то неряшливый даже не кабинет, а просто лабораторный угол с доской, на которой что-то написано, видно, с трудом, плохим мелом, который ее исцарапал. Бюст Самвела работы знаменитого Фрида Согоеяна стоит как-то нелепо в стороне, на шкафу. А как же он еще должен стоять? На пьедестале? При живом-то хозяине?.. Что ещё вижу?.. Телевизор. Рукомойник. На столе, не письменном, а просто доска и четыре ножи, разложены требования представить отчетность об итогах работы лаборатории, которой руководит Самвел.

Многие годы он был директором (и хорошим!) института, но ханжеское руководство нашло повод, чтобы его унизить и снять с должности. Уничтожить? Но не так-то просто сломить карабахца, да ещё из Спитак-хача!

Вот Самвел пытается открыть ключом уже открытую дверь, обнимаемся. Рассматривает подарок – мою новую книгу, я очень её люблю и горжусь: большая, красочная. Но он с ходу находит в ней небрежность – отсутствие запятой в первом же письме спонсора. У него цепкий редакторский глаз, глаз-ва-терпас, как говорят. От греха подальше откладываем рассматривание книги на потом. Долго говорим о здоровье. Вспоминаем.

Это было в летние месяцы, когда мы с ним не виделись. Несколько раз он лежал в больнице в предынфарктном состоянии, несколько раз выходил из этого «пред-» и снова впадал в него – увозили на скорой. Наконец, случился инфаркт. Встал вопрос о коронаграфии: узнать, какие артерии у сердца сузились? Теперь можно их расширить, вставить протезы. По большому ходатайству он попадает в кардиологический центр, ему делают это исследование на самом высоком уровне. Результаты не утешительны: у него из артерий, питающих сердце, открыта только одна, остальные закупорены. Вот почему его мучают аритмии, вот почему их не удается снять.

Консилиум на высшем уровне рекомендует сделать шунтирование. Его будет делать Акчурин, когда-то его сделавший Ельцину. Но это вопрос и его занятости, его отсутствия в Москве, постоянных поездок. То есть речь идет о будущем годе – январе-феврале. А ведь до этого надо ещё дожить!

Перед Самвелом этот вопрос стоит реально: он сознает, что завтра опять, может быть, начнется аритмия, и случится инфаркт, может быть, последний. В таком вот состоянии, в больнице, он совершает свое открытие. Он еще раньше мне рассказывал о своей работе, где дает новое объяснение загадочным объектам в космосе, именуемым «черными дырами». В свойственной только ему манере объяснять сложные и загадочные явления простым способом, основываясь на хорошо известных в науке законах, он и здесь таков же. Вспоминаю его объяснение физической природы шаровой молнии.

Кстати, может быть, здесь мне следует припомнить, откуда у меня у самого интерес к физике эле-

ментарных частиц и в целом к космогонии. На самом деле, я увлекался астрономией еще в десятом классе. И не пошел в этом направлении из-за своей слабости в математике: хотя получал пятерки, но с великим трудом. Потом в моей жизни был отдел науки журнала «Огонек», поездки в Дубну, на разные международные конференции по физике элементарных частиц и т.д. Даже поспорил с академиком Мигдалом о том, скоро ли будет создана единая теория мироздания.

Но возвращаюсь к Самвелу. Я зову его так, это в книге он Самвел Самвелович.

Так вот, ответив на вопрос – из чего состоят эти черные дыры, притом безо всяких усложнённых эйнштейновских допущений, без использования его ОТО – общей теории относительности, он также показал, что в данном конкретном случае эйнштейновская ОТО не применима, вполне достаточно старика Ньютона с его законом всемирного тяготения. Самвела даже стали упрекать в том, что он замахивается на Эйнштейна. Он все время задумывался над тем: а как они живут, черные дыры? И в результате открыл круговорот – только не воды в природе, а материи в космосе. От холодных чёрных дыр – к горячим взрывам. И от них вообще – к великой космогонии, где нет первовзрыва, где огромные массы «темной» материи – это сгоревшие звезды, которые в свой срок снова зажгутся. То есть увлекшая меня несколько лет назад его теория строения всего мира, а не только нашей вселенной, у него наполняется конкретным содержанием.

Он вел технические дневнички в больнице – какое давление, какие лекарства принимает и т. п.

И там он записал: нельзя умирать, пока не закончу статью. Теперь эта статья уже у машинистки. Но она печатает не ее, а торопится-печатает годовой отчет их лаборатории, несколько раз приходила, смотрела на меня выразительно: мешаю, отнимаю горячее время. Я откланялся через два часа встречи с Самвелом Самвеловичем.

Вышел и с высоты пригорка увидел в весенних сумерках медленно движущийся поток автомобилей с зажженными фарами. Еду в автобусе, затертый студентами, вглядываюсь в лица ребят, думаю об их молодости, серьезности. Поколение, которого не знаю, но от которого многого жду.

Зимой мы с Самвелом пошли и отыскивали деревце пшата в снегу. Перевезённое сначала из Персии в Армению, а затем в Москву, оно терпеливо ждало весны, чтобы вновь зацвести и заблагоухать. Помните, как в стихотворении Аполлона Майкова «Емшан» от одного запаха пучка этой сухой степной травы хан возвратился на родину, «в благоухающие степи»:

*Ему ты песен наших спой, –
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему – и он вернется.*

Глава одиннадцатая САМОЕ ДАЛЬНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Сегодня, **25 октября 2006** собираемся с Алексом Каноняном отправиться в самое дальнее мое путешествие по земле Арцаха – в монастырь Дадиванк и дальше, в район Кельбаджара, теперь он называется на армянский лад: Карвачар.

С утра по привычке смотрю в окно, какая погода: хорошо, безоблачно. Оранжевые полосы тянутся по небу. Вчера все время звонил Алексу, не мог его отыскать. Но сегодня его мобильник откликнулся, оказывается, Алекс подъезжает, сейчас уже недалеко, в районе Гориса, обещает быть к десяти.

Надо сказать, кто таков Алекс Канонян. Мы познакомились с ним у Соса Саркисяна, который рассказал мне об этом замечательном патриоте Армении: жил в Тбилиси, почувствовал зов отчих мест, самостоятельно выучил армянский язык, а потом и древне-армянский, грабар. Переехал жить в Карвачар – в свой дом, там создал школу для молодежи по изучению истории Армении и её древнего языка и письменности. Сос, рассказав мне об Алексе, пригласил его после к себе – познакомить нас.

Пройдёт несколько лет, и в журнале «Анив» («Колесо») появятся статьи и фото Алекса Каноняна, он предстанет передо мной как глубокий и оригинальный *армянский* философ.

...Выехали мы в девять утра. Марат за рулем, Алекс, как ведущий, рядом с ним. «Нива» блещет

чистотой и внутри (какие коврики!), и снаружи – немой упрек мне, не так я содержу свою старенькую «Ниву». Миновали места уже совершенных поездок, спускаемся к долине реки Хачен. По моей просьбе Алекс делает краткий экскурс в историю.

– В период Великой Армении III-II веков до н.э. Арцах, Сюник и часть Утика составляли одну административную область. Потом произошло разделение между Сюником и Арцахом. В Арцахе, на всей его исторической территории, правила одна династия, которая принадлежала высшему нахарарскому разряду. В него входили Карвачар и вообще все ныне освобожденные территории, даже с юго-восточной частью бассейна озера Севан. Постепенно, особенно в период арабского владычества, происходило феодальное дробление династии, уже они назывались Араншахик, продолжая несколькими своими ветвями управлять этой территорией. Это феодальное деление длилось, и постепенно образовалось Хаченское княжество. Отдельно было княжество Верхний Хачен, которому принадлежал Гандзасар. К XIII веку меликам Верхнего Хачена принадлежал также Дадиванк, весь Карвачарский район, Зод (у Севана), часть Мардакертского района – долина реки Тартар, мы называем ее по-древнему – Трту.

Алекс объясняет извечную принадлежность Карвачара, куда мы едем, к Арцаху.

Судя по «Ашхарацуйцу» V века (доказано, что это не VII век, только правка этого века), то был гавар Арцаха – Вайкуник. И постепенно он утрачивал армянское население, как это было вообще в Карабахе. А схема такова: до начала XVIII века здесь везде преобладал армянский элемент, пока не началось

заселение этих земель тюрками скотоводами. Они постепенно вытесняли коренных армян из долин. Армяне также мешали им и на высокогорных летних пастбищах – и вот армяне уходят жить в срединную лесную полосу. Этот процесс продолжался и углублялся при русском владычестве: со второй половины XIX века царское правительство начало политику навязывания оседлости тюркам-скотоводам, а то, мол, то за ними не уследить. И в результате ими были заселены даже высокогорья!

С приходом советской власти, со времен, когда Сталин отдал Карабах Азербайджану, началось уже насильственное переселение армян из Карвачара, чтобы между Арменией и Карабахом образовался зазор, промежуток, перешеек. Чувяли азербайджанцы, что права их на эту землю зыбкие. Тогда-то Карвачар стал целиком тюркским Кельбаджаром.

Так мы ехали... Слушали Алекса. Где-то в неприютном месте он попросил остановиться. Съезжаем на обочину, выходим. Шумит неширокая река, которая все это время бежала рядом с дорогой, нам навстречу, но мы не слышали ее гула из-за шума мотора, и вообще машина – это изолированный звуковой мир.

Теперь же слитный спокойный гул реки объемлет нас, отделяя от всего городского, искусственного, надсадного, возвращает к деревьям с желтыми осенними облаками крон и чернью стволов на той стороне реки. И к каменной тверди гор – на этом берегу. Машина почти вплотную приткнулась к скальной стене.

Идем по металлическому мостику, перекинутому через реку, громыхая ботинками по железному

настилу. Ступаем на тот берег. И странным образом, начинаясь именно с этого туманного мыса у реки, в непроглядных, тонконогих, каких-то сорняковых древесных зарослях, наше путешествие обретает нешуточную серьезность.

Идем по заросшей, давно не торенной тропинке, окруженной дикими камнями и обломками строений, местами сохранивших гладкотёсаность камня. Створы деревьев открываются – перед нами церковь. «Кусац Анапат», – говорит Алекс. Я уже знаком с армянским звучанием слов, это «Пустынь Святых Дев», женский монастырь?

– Какого времени? XIII века? – «Да, приблизительно...» «Анапат», вспоминаю, это пустынь, уединенное место, где обитают пустынноики, здесь же, наверное, пустынноица?

Поразило одиночество церкви, ее полная заброшенность. Вид камней, густо поросших мохом, остатки какой-то грубой кладки. Храм окружен стволами деревьев словно людьми, пришедшими на поклон. Большое дерево у восточной, алтарной стены уже переросло церковь.

С особым чувством я прихожу к руинам женских монастырей в Арцахе. Думаю, какими они были – насельницы этих обитателей? По каким причинам пришлось им покинуть мирскую жизнь и затвориться? Принять постриг. Да, вера, тогда все веровали. Но могло ведь быть и что-то другое. Утрата мужа, детей, разорение очага. Времена-то были какие! Ещё, может быть, несчастная любовь. Или, наоборот, никаких надежд обратить на себя внимание, выйти замуж. Представляю, как они жили в этих кельях, сложенных из грубого камня. Как осенью со страхом

ждали зимы, как мерзли в морозные ночи, как вставали затемно на службу. Молились, непрестанно молились... Как однажды молодая монашенка, одна из самых скромных, всегда тихая, в тот раз, когда все пели, увидела – Пресвятая Богородица летит к ней по воздуху храма, нежно улыбается, зовет к себе. О своем видении девушка побоялась рассказать, а время погодя, на Страстной неделе стала покашливать... И умерла тихо, как жила.

Где теперь монастырское кладбище с серыми источенными косточками под плитами, где ее камень, тихой девочки? Всё затеряно в чаще, мохом поросло... Остался нам этот пустынный мыс и одиночество пустыни.

Сажусь в машину с твердым убеждением, что путешествие это для меня – не просто посещение достопримечательных мест. Это и грустные встречи, и судьбы давно ушедших людей, которые жили в этих краях, молясь, надеясь на лучшее. Как-то выживали среди этих лесов, гор, камней. И мой долг – по мере сил моих – вспомнить их и о них написать. Памятуя завет старинного книжника: «Мысли и дела, если они не записанные бывают, тьмою покрываются и гробом забвению предаются. Записанные же – как одушевлённые...»

Добрались до **Дрмбона**, где добывают золото, запасы очень ничего – несколько тонн золота! К сожалению, в самом Арцахе его не выплавляют, вывозят. Вид предприятия современный, «заграничный». Алекс хвалит организацию работ, заботу об экологии, уровень зарплаты. Золотодобыча дает работу этому селу и соседним селам, ещё приходят издалека.

Выезжаем на берег водохранилища **Сарсанг** на реке Трту, что дает электричество. А прежде вода шла на орошение хлопка в Азербайджан. Для орошения в Карабахе пока что не используется. Едем по правому берегу (по течению реки), левому по направлению нашего движения. Вода языками заходит в неглубокие ущелья, что-то в ней есть сказочное, высокогорное.

Алекс обращается к цели путешествия – Кельбаджару, ныне Карвачару. Слегка преувеличивает значение его взятия армянами (он там теперь живет), считая, что оно было исторически даже важнее освобождения Шуши. Начался процесс уже не постоянных потерь и утрат, а возвращения армянских земель в лоно родины. Надеется на дальнейшее возвращение?..

Едем по той же стороне и на высоком плоскогорье видим село. Это Атерк, мы уже были там, когда доставали автомобиль «Урал», чтобы переправится через Трту.

– Атерк – это Верхний Хачен, историческое место, – говорит Алекс. – Это название найдено в урартских надписях, сохранившихся на территории Армении, где есть более древнее название Атерка, вот когда он уже был! Арцахские князья называли себя владетелями Великого Хачена и всего Атерка: такое значение ему придавалось, что название этого села входило в титулатуру князей Верхнего Хачена.

Это крупное село Мардакертского района. В советские времена в нем, говорят, тысяч 30 населения было! В июне 1992 года оно было захвачено азербайджанцами, на время отбито, но в том же июне снова захвачено. И только в марте 1993 село было окон-

чательно освобождено. Оно было сильно разрушено – азеры при отступлении сожгли дома, взорвали инфраструктуру. Так что сейчас здесь живет едва ли половина села. «Война, – думаю я, – то же делали немцы. И мы, когда отступали, взорвали ДнепроГЭС... И даже дом сожгли в Полотняном заводе, где жила Наталья Николаевна и бывал Пушкин».

– Арцахцам присущ непоколебимый оптимизм, – говорит Алекс. – Особенно – жителям освобожденных, а прежде захваченных азербайджанцами, районов. Мы никому не собираемся отдавать эти наши земли. Подробнее поговорим в Карвачаре: увидите, как люди обосновываются, собираясь там жить. И так возвращаются армяне на древнюю свою землю.

Так говорит Алекс.

Обращаю внимание, как свободно течет Трту.

– Это среднее течение реки, – продолжает Алекс, – здесь Трту широко разливается по межгорной долине, но вот доедем до села Гетаван – буквально через несколько километров ущелье сожмет реку, она забурлит, помчится!

Алекс ведет свой рассказ об этих местах: как известно, земельных угодий в этих каменистых местах было мало, поэтому армяне дома свои возводили на склонах, как в Атерке, а ровные участки использовали для земледелия. Алекс называет по пути многие придорожные села, они почти год были в плену, много потеряли, не успеваю запомнить все, успеваю схватить – Верин Оратаг, Вагуас...

...Сижу на терраске моего нового маленького домика в деревне близ Тарусы. Жаркий июнь, сей-

час, в 9 утра градусник, для объективности надежно спрятанный за входной дверью, показывает +25. Днем, конечно, будет к +30-ти. Мимо пролетают птицы, свищут. Пара ласточек хватает мошек, снижаясь на лету. Это примета к дождю. И правда, к вечеру собрались тучи, чуть пробрызнуло, издали погрохотало. Но сушь таки осталась.

Доехали до Гетавана. Я заговариваю о Грузии, где прежде жил Алекс. Начинаю с грузинского языка.

– Я когда-то грузинский знал идеально, – говорит Алекс. – Мы жили в населенном грузинами районе Тбилиси, я ходил в грузинский детсад. И даже обижался: почему меня не отдали в грузинскую школу вместе с моими грузинскими друзьями. Но с годами, особенно с 91-го, живя вдали от Грузии, я стал утрачивать без речевой среды речевые навыки. Хотя для меня речевая практика на грузинском не так важна, важнее понимать язык, читать книги – я даже умудряюсь читать грузинские лапидарные надписи. Когда мы с Самвелом Карапетяном работали над книгой «Джавахк», я составил наиболее полный свод древне-грузинских, вернее, грузиноязычных надписей на территории Джавахка, всего их более 150-ти.

– А армянский Вы не знали? – приступаю я к главному.

– До 89-го я не знал, только два слова: «че» – «нет», что правильно и «воч» (тоже «нет») – думая, что это «да». Моя мама до сих пор не владеет армянским, хотя с 2000-го живет в Армении, я сумел ее кое-как убедить, и она переехала сюда.

– И она живет в Ереване вместе с вами?

– Ну, я уже с 2002-го живу в Карвачаре, так что живем мы отдельно.

– Вы часто бываете в Ереване?

– Бываю, когда есть работа, переводы – это мой личный бизнес. Иначе просто невозможно жить в Арцахе, содержать семью и маму в немолодом возрасте.

– А что это за переводы?

– Ну, это переводы для итальянских делегаций. Иногда это работа с туристическими группами.

– Вы итальянский знаете?– Дурацкий вопрос, попытка таким образом выразить удивление.

– Я четыре года учился в Италии, так что владею им, как русским и армянским.

– А как Вы там оказались, в Италии?

– В Италии? Ну, я учился в Эчмиадзинской духовной семинарии первые три года после окончания школы... – Час от часу не легче! Какие вещи открываются! До сих пор его религиозность никак не проявлялась. Что, впрочем, совсем необязательно.

– Я очень люблю древне-армянский, зубрил его в свое время, переписывая десятки книг. И уже в семинарии им овладел настолько, что мог писать сочинения. Обо мне узнал архиепископ мхитарист ... (Не тот ли, мой любимый, из Сан Лаззаро?)

Алекс учился в известном университете, специализировался по двум направлениям – теология и политология, такая вот, казалось бы, сумбурная специализация. На самом деле, они друг друга взаимно дополняют. Очень часто считается, что знания первоисточников и истории вполне достаточно. На самом деле, кроме знания исторических фактов, необходимо понимать закономерность исторических процес-

сов. Существует философия исторических процессов, есть целая наука – философия истории.

В этом вижу направление его ума: Алекс не кабинетный ученый, что и подтверждается его сегодняшней деятельностью в Арцахе и в Джавахке, куда он ездил уже, что называется, на моих глазах, был связан с лидерами. Мне неясно, в каком качестве он выступал, может быть, теоретика-консультанта? Интересно, есть ли у него стремление к самостоятельному действию как лидера политического? И в этом тоже явление современности – физики и математики принимали активное участие в армянской революции, а позже – и в арцахском движении.

– И вот это знание философии очень важно: когда ты, благодаря духовной культуре, можешь проникнуть в ментальность древних людей, сопереживать им, мыслить в их категориях... Философия тут только в помощь, но не более. Самое главное – детали бытового поведения, споры, словечки, очень и очень многое, что можно найти в первоисточниках.

Задаю ему вопрос: можем ли мы представить себе духовный мир средневекового армянина или византийца или латинянина?

– Это очень тяжелый вопрос! Может быть, ответ мой прозвучит самоуверенно, но, безусловно, в определенных чертах – да, я могу его себе представить! Латынь я очень люблю, после грабара это второй язык, который я обожаю, причем латынь христианской эпохи – после святого Августина, латинской патристики и латинского богослужения. Меня особенно интересовала история крестовых походов: я прочел почти все латинские первоисточники и представил себе, что чувствовал латинянин, когда видел визан-

тийский обряд или когда попадал в мусульманскую арабскую среду в Передней Азии. Ясно представлял себе психологию византийцев, их неприязнь к этим варварам-латинянам, которые прибыли к ним. Меня интересовали антигреческие латинские трактаты и антилатинские греческие, я прочел их во множестве, эти бесконечные диспуты: о тесте, о квасном хлебе, о безбрачии духовенства, о том, может или нет некто быть священником, если у него выбрита борода. Все эти споры сегодня кажутся абсурдными, но тогда они очень искренне волновали сердце и ум, да, важно – не только ум, но и сердце. Когда я учил греческий, то учил его, в первую очередь, чтобы читать патристику (творения восточных отцов церкви на греческом, – поясняю от себя). И еще затем, чтобы понять, почувствовать византийское богослужение. Потому что – Алекс был убежден в этом! – таким образом можно проникнуть во внутренний мир византийца.

Я подумал, а сколько слез было пролито гимназистами в дореволюционных классических русских гимназиях по поводу латыни и греческого! Все эти бесконечные спряжения, аорист, супин – ужас! Да и я на филфаке МГУ не очень-то бился над изучением латыни, уверенный в том, что она никогда мне не понадобится. Вот уж впрямь – никогда не говори «никогда». Пример Алекса показывает, как могут быть увлекательны эти древние мертвые языки: когда понимаешь, что они зачем-то тебе нужны. Когда ставишь определенную цель. Когда с их помощью может осуществиться какой-то жизненный интерес.

Алекс продолжает развивать свою мысль: он считает, что духовная культура каждой нации самым тесным, глубинным образом связана с внутренним

духовным миром человека, поскольку внешнее проявление духовности – обряд, церковная музыка – являются символическим отображением реального внутреннего содержания. Византийская музыка, византийское богослужение ярчайшим образом отображают в материальных формах все то духовное мировоззрение, которое есть в византийской духовной и светской культуре. Соответственно, вот эту помпезность, царственность богослужения эти тяжелые, кажущиеся чрезмерно витиеватыми мелодии – они четко отображают... Когда я слушал византийское богослужение, я чувствовал за всем этим базилевса, второй Рим, где наместник Бога на земле – не как папа Римский, а как император, помазанник Божий, назначенный властвовать.

Я отвлекаюсь, гляжу на дорогу, рядом с которой, словно встречая нас, бежит река Трту, и все продолжаю слушать Алекса, протянув к нему диктофон. И уже передо мной храмы Константинополя, Айя София. За ней – соборы Рима, святого Петра, но не того, что все мы знаем, а его предшественника.

– Тоже самое: возьмем латинян. Более того, григорианские хоралы, григорианские песнопения абсолютно уникальны, объясню почему. Например, если византийские песнопения отражали византийский дух, византийскую традицию, то...

«То» так и не было досказано, потому что мы увидели село **Гетаван**, о чем тут же сообщает Алекс.

– Это последнее село Мардакертского района по современному административному делению. Здесь, в Гетаване, кончались армянские села, – говорит Алекс, – дальше, до восточного Севана, жили азербайджанцы. Вся эта территория до 1988 года была

заселена азербайджанским этносом (о чем я и не подозревал). Это турки, которые себя называют азербайджанцами, – продолжает Алекс, повторяя широко бытующее среди армян мнение, но при этом он более благоразумен. – С этим не надо спорить, пусть называют себя, как хотят.

– Но вернемся к григорианским хоралам. Они ни эмоциональны и ни национальны, вернее, они наднациональны. Если в армянском, византийском и русском богослужении эмоциональная окраска есть – радость, покаяние, горе и т.д., то в григорианской традиции вы не различите Пасхальная ли это радость или Страстные дни? Все – под одной безэмоциональной окраской. И эта наднациональность позволяла служить любой нации. И не мешала иметь собственные традиции – французские, итальянские, испанские, с их национальной окраской и своей эмоциональностью. Не следование ли это слову апостола Павла: «Нет ни эллина, ни иудея...»

Алекс отвлекается и обращает внимание на внешний мир и говорит:

– Вот сейчас мы пересекли тот условный барьер между средним течением реки Трту и ее верхним течением. И мы видим вход в ущелье, оно будет все больше и больше сдвигаться. И протянется до самого Карвачара и еще дальше – на 25 километров до селения Цар. Скоро мы окажемся в глубоком каньоне, «мрачном», как было указано в Большой Советской Энциклопедии.

Алекс произносит это уже с легкой иронией и с легкой же обидой. Ах, эти армяне, даже самые объективные – даже те, что всё знают про григорианский распев...

Тут из каких-то внутренних побуждений и как будто без видимой связи с предыдущим разговором Алекс сообщает о себе, что никакого участия в карабахской войне не принимал. Впрочем, как бы слегка оправдываясь: тогда он учился в духовной семинарии в Эчмиадзине. Увлеченный воспоминаниями о том молодом времени, он говорит, что знал Карабах наизусть, без конца рисовал карты Карабаха – для себя и своих друзей, отмечая на них ход войны, сданные или возвращенные, отвоеванные территории, села. Он, в сущности, тогда был мальчиком, делал то же самое, что и я во время Отечественной.

И карта у меня была и я отмечал на ней – жирной чертой – линию фронта. Во время наших наступлений прирезал кусочки. Почему-то я очень хотел, чтобы отвоевали Ялту и Балту. Ну, Ялту еще понятно, столица Крыма и всё такое. Но отвоевание нашими крохотной Балты, населенного пункта где-то в сухих степях на юге Украины казалось мне признаком окончательного, полнейшего освобождения от немцев. А когда наши подошли к Польше, пересекли границу с Германией, о Балте я позабыл.

– Долгое время я даже не бывал в Арцахе, хотя, казалось, знал и помнил его наизусть, – это продолжает Алекс.

Только приехав из Италии, первым делом он отправился в Арцах и облазил его весь, вдоль и поперек.

– Когда приехал в Карвачар, понял одну вещь: у каждого человека есть своя мечта о некоем месте, где ему хотелось бы жить. И когда я увидел Карвачар, понял, что это то самое место, о котором я всегда мечтал. Тут еще, конечно, было попутное патри-

отическое соображение – надо заселять эти территории. И я решил, не хочу сказать, по глупости, а по очень доброй наивности – создать здесь молодежный центр и заниматься преподаванием древне-армянского языка и армянской истории, чтобы максимально сблизить здешнюю молодежь с этими землями, чтобы она воспринимала их как свою родину, свой исток... На этом пути было много трудностей, в том числе искусственных... Одну минуту! Смотрите в окно – это скала!..

Мы давно уже едем по ущелью, над дорогой нависла опасная скала. Здесь есть что-то очень живописное, напоминающее гравюры немецких романтиков XVIII века. Стремительно несется река Трту. Вот мы переезжаем на другой берег по железному гремящему мосту. Под ним туманно-голубые, цвета необработанных изумрудов воды. Вот проехали мимо брошенной и разбитой БМП, чудом сохранившей свои гусеницы.

Алекс называет приближающееся село – Чаректар, с него-то и начиналась полоса азеров – вплоть до южного берега Севана. Село основали армяне, есть в нем руины монастыря Чаректар XII-XIII веков. Монастырь был местом паломничества: люди верили, что поклонение этому месту спасает от злых сил, само название «Чаректар» можно перевести как «тот, кто отгоняет злых духов». Но сам монастырь это от злых сил и ненависти не спасало: в селе постоянно жили азеры, планомерно разрушая монастырь, разбивая хачкары. А в небольшой церкви еще при «великой дружбе народов» был хлев. Этот храм мы и видим на холме, эта двускатная базилика потому и сохранилась. По той же причине сохранилось не-

сколько исторически важных лапидарных надписей. Семья пристроила к используемой как хлев базилике еще одно помещение для скота. После освобождения, естественно, хлев упразднили, пристройка пока сохранилась. В селе живут беженцы из Геташена и вообще из Шаумянского района, который до сих пор у азеров.

В фильмах режиссера-документалиста, замечательной женщины Цветаны Паскалевой я видел, как изгоняли армян из Геташена, Мартунашена, Шаумяна. Как женщины тащили грудных детей, падали – шёл дождь, и было скользко. Они покидали свои ещё не остывшие очаги, а уж на их железных воротах были написаны имена новых хозяев – какой-то мамедов, оглы... оглы... Каждый должен посмотреть эти правдивые потрясающие фильмы!

А в соседнем селе Эркеч, названном по имени покинутого шаумянского Эркеча, тоже обосновались беженцы. Невольно вспомнил эту характерную для армян черту: давать те же названия селам, городам и целым провинциям и областям в память утраченных очагов, покинутых ими под угрозой гибели, в годы вынужденных переселений. В Ереване много таких районов, только теперь к старым названиям прибавлено «нор», то есть – «новый, новая» – Нор-Киликия, Нор-Мараш, Нор-Малатия и так далее, далее... А по дороге в аэропорт из Еревана есть холм под названием Муса-лер – в память героических защитников на горе Муса, долго, стойчески отбивавшихся от турецких войск. Об этом есть роман «Сорок дней Муса-дага» австрийца Франца Верфеля.

И теперь вот еще один, наверно сотый, пример памяти народа – село Эркеч... Едем вдоль

села, во всю длину протянувшегося по течению Трту. Алекс говорит, что такая вытянутость характерна для сел у этой реки. Вижу много незаселенных домов, оставшихся от прежних хозяев. На фоне запустения чрезвычайно свежо выглядит здание школы.

– Правительство отремонтировало, – говорит Алекс. Я удивляюсь – найдется ли в селе достаточно детей, чтобы заполнить среднюю школу. Оказывается, на это идут сознательно, ибо армянина не приручить к месту, если для детей его не будет условий для получения образования. Поэтому школы строятся даже в маленьких селах. У меня будет множество возможностей убедиться в правдивости этих слов.

Алекс говорит, что в Армении количество школ становится меньше из-за нехватки учеников, в Арцахе оно растет. В его Каравачарском районе во всех селах, кроме одного, есть школы. Ребятам не приходится в зимнее время ходить далеко. Школа – это и рабочие места, и зарплата для постоянных жителей, она плюс ко всему имеет и такое социальное значение.

Мы приближаемся к следующему селу. Его историческое имя нам известно: это Хутаван или Хут, что означает «холм». В последнее время, после его освобождения оно зовется по имени монастыря – Дадиванк.

Но прежде Алекс просит остановиться у места, которое считает очень красивым. Шумит река, стелется горький дым опавших листьев. Алекс задумчиво подходит к воде, к прибрежным камням, следит за течением – как бурлит река на подводных камнях, за каждым короткий пенный хвост... На другом берегу видно белесое, седое, вертикально обрезанное ложе, над ним почти отвесная каменная стена.

Гляжу на Алекса и – в который уж раз! – словно отмахиваюсь от впечатления его какой-то неуместности тут. Вернее, его чужеродности, что ли – так смотрятся японские туристы у собора Сан-Марко в Венеции. Поясню: я прекрасно представляю Алекса в какой-нибудь процветающей фирме или в банке. Я видел многих молодых людей этого типа – худых, подтянутых, одетых скромно, но модно. Хорошо образованные, дисциплинированные. Кажется даже тип лица сложился за эти годы определенный – сухощавы, внимательны, серьезны, в очках, сухой смехок... На берегу мчащейся Трту Алекс выглядит как эксперт или член какой-нибудь международной комиссии. А вовсе не как житель здешних мест.

ДАДИВАНК

Остаток пути до монастыря Дади – Дадиванка был мне хорошо знаком. Несколько дней назад мы пролетали над ним на вертолете. И еще в этот наш приезд в Арцах мы заглянули в монастырь – ненадолго, сказать ему: «Здравствуй!» и насладиться им без излишних углублений в историю.

Я приезжал сюда еще раз десять лет назад, когда не было нынешней, современной дороги, по которой едем сейчас, а змеился разбитый путь, весь в остатках боевой техники. Помню, меня поразил танк с оторванной башней – его башня с пушкой валялись в стороне. Чей же он был – армянский, азербайджанский? Определить невозможно. С обеих сторон воевало без опознавательных знаков советское оружие. Тогда мы ехали долго – по отрезкам-огрызкам асфальта, тормозя у глубоких ям. Шумела река, гро-

зя смыть всю дорогу. У монастыря мы оставили машину далеко внизу, вскарабкались по кремнистому подъему. Казалось, ни следа человеческого. И чудо монастыря представлялось личным открытием, что многократно увеличивало его красоту и прелесть.

...И вот теперь мы подъезжаем к монастырю по новой дороге, которая ловко взбирается на подъем. Останавливаемся на почтительном отдалении от входной арки и руин защитной стены. Спасибо шоферу, нашему Марату, он понимает такие вещи.

Входим – впереди Алекс – под сень арки и далее. Но, к моему удивлению, мы попадаем не в главный храм, собор, а заходим как бы во двор, огражденный стенами. Я начинаю понимать, что это храм без покрытия, и вот мы останавливаемся перед вертикально стоящим, гладкотесаным прямоугольным камнем. Я вижу его впервые, прежде не обращал внимания.

Алекс начинает издалека, словно отвечая на мой невысказанный вопрос: не всегда главный алтарь – самое почитаемое место в соборе. Вот в Эчмиадзине – не то торжественное, что мы видим впереди, а Алтарь Сошествия, он как раз под куполом. На это место, по церковному преданию, указал Господь Григору Лусаворичу: строить здесь первый армянский храм. Так и здесь, в Дадиванке.

Он указывает на камень и храмовое пространство вокруг нас:

– Это самое древнее место в монастыре, согласно преданию. То, о чем я сейчас буду говорить, это предание (не знаю, зачем он так подчеркивает это, а что тогда остальное – научный факт?). Эта каменная стела, согласно древнему священному преданию армянской церкви – памятник Дади, ученика Фаддея,

апостола Христа. Одни утверждают, что Дади был здесь обезглавлен, другие – здесь похоронен, единой традиции нет. Этот камень, так или иначе, связан с деятельностью Дади, который, согласно традиции, был учеником первого апостола, проповедовал в Армении христианскую веру. Дади вел проповеди в этих местах, за что был казнен. Первые верующие, которые восприняли от него учение Христа, установили этот памятный камень. Время установки камня – конец I или, что менее вероятно, начало II века. И эту стелу архаической формы можно считать первым памятником армянской христианской культуры. Как вы видите, он находится на земле Арцаха. Что очень важно во многих отношениях.

Замечаю кресты на стеле.

– Можно ли считать их предшественниками хачкаров?

– Ну, во-первых, неясно, когда они высечены, может быть, значительно позже... А во-вторых, надо различать хачкар и крест на камне. Хачкар – это не просто крест на камне, это особая скульптурная форма, отражающая богатую духовную сущность. На хачкаре – и знаки вечности, и каменные узоры, которые тоже имеют свое значение, и евангельские сцены, и Богоматерь... А самое главное – это особая оригинальная форма, художественное единство, имеющее свои законы. Как известно, в таком виде хачкар сформировался к IX веку. А до этого основной формой благочестия в камне были каменные колонны. Армянские христиане ставили высокие четырехгранные стелы, как мы это видим в Агуди и в Одзуне. На них – кресты, фигуры святых и т.п. Возвращаясь к камню, который мы видим, можно с большой степе-

нюю вероятности считать его первым христианским памятником на армянской земле, предшествующим эпохе Григория Просветителя и крещения Армении в 301 году.

Я сделал протестующее движение или даже сказал, что не согласен с этой датировкой. Алекс ответил:

– Да, мне известно ваше мнение, вас многие критикуют, но не будем сейчас... Не о том речь.

Но почему собственно, не будем? Я хочу его напомнить, высказать. Это я пишу сейчас, на терраске домика, а тогда перед памятным камнем Дади я и в самом деле не стал развивать эту тему крещения Армении, потому что меня заинтересовало оригинальное наблюдение Алекса.

Он назвал это асимметричностью – то, что церковь и святое место поклонения у армян часто не совпадают. К уже приведенным примерам он еще привел церковь св.Рипсимэ, где сама церковь и остатки мартриума, места мученической смерти, находятся рядом, но не совпадают. И в Хор-Вирапе яма, в которую был заключен Григор Лусаворич, хотя и находится при самой церкви, но в стороне от храма. По латинской и греческой традиции храмы должны быть возведены непосредственно над сакральным местом. Как видите, не так у армян. Конечно, какая-то мистическая логика в такой асимметрии есть, но Алекс не в силах ни понять ее, ни объяснить.

В процессе разговора проясняется, для меня, по крайней мере, имя Рипсимэ. Ведь девы-рипсимиды были римлянками сирийского происхождения. И имя Рипсимэ, скорее всего, арменизированное имя Кристи. Так могли называть своих дочерей по-

томственные христиане, христиане уже в нескольких поколениях.

– А что это за пространство, где находится стела Дади, это – церковь?

– Может быть, церковь базиликального типа, датировка неизвестна. Или, может быть, зал без алтаря, который накрывал святыню.

Мы идем к самой древней из целиком сохранившихся церквей. По дороге вижу кучи темного песка, наш деревенский – светлый, желтоват. Пахнет бетоном: по всем признакам видно, ведутся работы по расчистке от напластований земли. Алекс здоровается с дюжими загорелыми людьми, перекидываясь с ними словом. Он всех здесь знает, его тоже, и это приятно. Однако вот она – церковь VII века. Алекс объясняет:

– Что интересно здесь – это то, что мы видим один из наиболее древних сохранившихся образцов гавита, притвора. В Средние века притвор имел огромное литургическое значение: там совершались все богослужения покаянного типа, собирались советы монастыря, церковные соборы. В нем переписывались манускрипты и т.д.

Здесь же мы видим гавит не квадратной формы, как мы привыкли видеть, но гавит как помещение, предворявшее вход в церковь.

Алекс обращает наше внимание на пилоны в храме. Говорит, что они напоминают колонны в Одзуне. Это все указывает, считает он, на VI-VII век.

Мы идем от памятника к памятнику. А вот и галерея с колоннами, более поздняя, XVI века. Входим в Катогики, Кафедральный собор – Сурб Хач или Сурб Ншан, как его определяют источники. Мы рассмат-

риваем конструкцию здания – как распределяется тяжесть купола.

А вот и фрески.

– Здесь изображен Николай Чудотворец, – говорит Алекс. – Это впервые определила Лидия Дурново.

По этому поводу исследователями были высказаны сомнения, да и я напомнил, что при Папе Иоанне-Павле II было как будто установлено, что такой персонаж Николай Мирликийский исторически не существовал. Да, кроме того, в Армении я не слышал ни о каком увлечении образом Николая Чудотворца. Хотя его образ мы видим, по Ирине Дрампян, в Чашоце Гетума II. Иное дело в России. Даже у Анны Васильевны, моей соседки по деревне, дома есть его огромная икона. И всегда, провожая меня в Москву, она крестит то ли меня, то ли мою машину и приговаривает: «Храни святой Никола Угодник!».

Но вот слова Алекса:

– Самвел Карапетян, когда исследовал фрески, сантиметр за сантиметром, обнаружил надпись белой краской: «Сурб Никогайос», то есть «Святой Николай».

Алекс восхищен Лидией Дурново – какова была ее художественная интуиция, как глубоко познания в иконографии, что она смогла определить этот образ. Ведь надпись до Самвела никто не замечал, а Дурново, если бы и заметила, не смогла бы прочесть.

Десять лет тому назад, когда я увидел впервые эти фрески, мне кажется, они были яснее и четче. Алекс обращает внимание на интересное обстоятельство: при дневном, сквозь руины проникшем свете фрески почти не различить, а стоит их осве-

тить искусственно – они словно восстанавливаются и проявляются в прежних красках! Они ведь и писались в расчете на искусственное освещение. А не на свет дня.

Вспоминаю их по книге Бориса Баратова: они им изумительно сняты. Рассказать бы о том, как он снимал их. И вообще о нем, о его книгах. О потрясающей «Армении». О нашем общем фильме «Круглый стол» давно прошедших времён. О его, Бориса, прозорливости. И еще сказать громко о том, что его значение в армянской культуре недооценено! Он не просто фотографирует, но создает в своих книгах **зрительные образы** убедительной художественной силы и правды.

Но хочу вернуться к нашему разговору о святом Николае – почему все-таки его образ есть на стенах Дадиванка? Алекс связывает это с правлением Иванэ и Закаре в Армении, которые были заинтересованы в сближении с Грузией, особенно церковью обеих земель, отношение которых друг к другу было прохладным. И культ Николая был своего рода дружественным жестом армянской церкви по отношению к церкви грузинской. К этому напомним, что князь Гасан Джалал Дола по материнской линии был родственником Иванэ и Закарэ.

Мы стоим перед двухэтажной колокольней, на высоте ее стоят два изумительных хачкара, о которых кто-то сказал, что не хочет утверждать, что они самые лучшие, но лучших он не знает. Алекс с этим согласен, хачкары – одни из лучших. Он обращает внимание на жесткость камня – это не тuff, и такие узоры было очень трудно вырезать. Было время, предлагали из заграницы – продать им хачкар. Слава

Богу, что не согласились, хорошо и то, что тюрки, в то время жители этих мест, их не повредили.

Колокольня – современница Арза-хатун, строительницы Кафедрального собора. Муж ее Вахтанг, а с ним один из сыновей погибли в войне с кочевыми племенами, другой же сын был болен и умер в юном возрасте. Трагедия матери. Ее смирение в надписи на алтарной наружной стене собора.

Мы подошли к малой церкви. Это XVIII век.

Алекс рассказывает:

– Я скажу вам то, что, скорее всего, вам еще никто не говорил. Всякий более или менее значительный армянский монастырь имел, кроме большой основной церкви, еще и церковь малую. Почему? Потому что, в отличие от Запада, который эту традицию утратил к VII-VIII вв., на Востоке это литургическое правило сохранилось: нельзя в одной церкви на одном алтаре вести более, чем один раз в день, службу. Это связано с тем, что богослужение – это не просто произнесение священником и причтом определенных слов и совершение обрядовых действий, это – восхождение, священное повторение того великого **единственного** акта Жертвы Христа – как тогда на кресте на Голгофе. Недаром армянское слово «патараг» означает не только литургию, но и жертву. Жертвоприношение Христа интегрируется в общедневной цикл молитв в церкви – всенощная, заутреня, у армян еще есть «аревагал», специально посвященная восходу солнца молитва; потом есть третий час, шестой час, девятый час – часы эти как раз посвящены Жертве, Страстям Господним. Потом идет вечерняя служба, за ней – всенощная. Поскольку алтарь символически это Голгофа, таково глубоко

мистическое восприятие алтаря, он означает Голгофу, а Христос не может быть распят дважды в один и тот же день, и поэтому божественная литургия на одном алтаре не служится. В малой церкви одновременно с большой можно было служить по другим поводам – рождение или смерть, война, голод, напасты, мор, засуха ... Чтобы вести внекалендарные богослужения, всегда была необходимость в малой церкви.

Алекс сказал мне интересную вещь: в армянской церкви запрещалось хоронить лиц не канонизированных, как например Гаянэ, Рипсимэ, Месроп Маштоц. Если бы это произошло, церковь лишилась бы своей сакральности, в ней нельзя было бы вести службу. Поэтому достойных людей хоронят в приходе, вокруг церкви, но не внутри нее.

Алекс читает замечательную надпись Арза-хатун. Потом объясняет, что за кресты вырезаны на стенах: паломникам иногда разрешалось в память своего посещения святых мест и молитв оставить безымянный крест на стене. Людям же, внесшим богатый вклад, разрешалось оставить и краткую надпись. Эти надписи сейчас особенно ценны как исторические свидетельства. Помимо обширных владений вокруг монастыря, князя, оставившие надпись, могли иногда подарить и сады, мельницы, села в отдаленных районах. Так, большие земельные владения были подарены ими в Вайоц-Дзоре.

Алекс рассказывает о принципах построения армянской церкви в те века, ныне утраченных. Тогда же главенствовал монашеский принцип: правила епархиями не поместные епископы, а глава монастырей. Тот, кто становился настоятелем главного мо-

настыря определенной области, к примеру, Ахпата или Дадиванка, становился одновременно епископом, духовным владыкой всей епархии. Так, Католикос Всех Армян духовный предстоятель не потому, что он католикос, а потому что он настоятель главного монастыря Армении – Эчмиадзинского. И настоятель Дадиванка был архиепископом Северного края Арцаха – Хачена, Верхнего Хачена и т.д.

– А хорепископы?

– Это в сирийской и армянской церквях (сейчас сохранились только в сирийской) были как бы помощники архиепископа, иногда это священники, даже не посвященные в епископский сан. В католической церкви они сейчас есть и называются вспомогательными, не являются предстоятелями, а лишь первыми заместителями епископа.

Мы в усыпальнице князей Дюпянов, владельцев Верхнего Хачена. Ее можно рассматривать как гавит: на это указывает архитектурное строение. Обсуждаем прекрасно украшенный интерьер. Обращаю внимание на сталактитовый мотив, связывая его с влиянием мусульманской архитектуры. Алекс возражает, это, мол, на саму архитектуру мечетей повлияло искусство сасанидского Ирана. Что ж, в этом есть большой смысл. Иран вообще формировал мировоззрение ранних завоевателей-мусульман. Так что Алекс мотив сталактитов связывает не с арабами, а с домусульманским Ираном.

Спускаемся на нижнюю ступень террасы, куда я до сих пор не ступал, и где (оказывается лишь для меня!) находятся многие, самые разные, как духовные, так и светские строения. Они были вне защитных стен. Здесь и гостиница, и трапезная, и – пред-

положительно! – покои настоятеля. Все это еще надо отрыть из земли, отреставрировать, определить – что было там? Идем по земляным тропинкам: а что под ногами, в глубине?.. Алекс говорит, что уникальность этих строений в том, что они хоть и полуразрушенные, но сохранились, а в других монастырях они исчезли. Это правда: всякий раз я задумывался, храм – да, а где же люди жили? Здесь же можно себе представить монастырское богатство.

И, конечно, среди всего – библиотека-матенадаран, где создавались и особенно хранились манускрипты. Здесь была переписана рукопись Сочинений Григора Татеваци, которая ныне находится в Ереване под №2067. В библиотеке Дадиванка даже есть комната, в которой, по предположению, могли работать над созданием манускриптов гричи. А когда надвигалась опасность, книги прятали. На левом берегу Трту есть огромная пещера. О ней никто ничего не знал. Только случайно ее обнаружил охотник, а в ней – спрятанные книги!.. Охотник перевёз книги в Шушу и передал архиепископу.

Матенадаран Дадиванка...Ух, какая большая комната! Четыре колонны, XIII век. Вспомнил другие виденные мной матенадараны в Гошаванке, Таддейванке, Санаине. В Вене, небольшая комната. В Алеппо, за спиной настоятеля...

Покидаем Дади, спускаемся, автомобиль снова втягивается в дорогу. Но вскоре стоянка, дальше идем пешком. Стеной поднимаются скалы, все заросло деревьями, дубы. Мы идем к Сурб Аствацацин Кусаноц. И вот мы уже у стен обители. Разбитые хачкары – их взорвали азеры, отступая. Минуем самую древнюю часть монастыря – однонефную бази-

лику с притвором, там на тимпане была надпись, что церковь построена царицей, дочерью царя Кюрике в 1174 году, ее звали Мама. Мама-хатун?

Главная церковь монастыря неплохо сохранилась. Обходим ее. Считается, что она поздняя, XVII века. В стене глубокая трещина, сквозная, даже часть стены отошла. Входим. Трехнефная базилика. Видны следы штукатурки на стенах. Алекс высказывает важное соображение по этому поводу: поскольку в Арцахе мало вулканических пород типа туфа, строительного камня, а твердые камни плохо поддавались отесыванию, то часто с ними применялась штукатурка. И соответственно появлялись на стенах фрески. Гладкотесаные камни не нуждались в украшении. Так что же, фрески – это не влияние православия?

– Нет, – говорит Алекс, – хотя так часто думают, нет, это вопрос штукатурки. Там, где она была, появлялись фрески. Поэтому в Арцахе фресок сравнительно больше.

Осматриваем руины других сооружений: они почти не сохранились, здесь выросли деревья, камни обросли мохом. Природа не выносит присутствия следов человека, старается их зарастить. Алекс говорит, что монастырь становится особенно хорошо виден зимой, когда облетает листва. Вот мы видим стену, где были выломаны, взорваны хачкары. Это ведь не по приказу из Баку и не генералы делали, это, что называется, темные люди. Какая злоба! Бессильная злоба невежественных.

Но не только их. В 1982 году один из бакинских «ученых» без доказательств, что у них стало естественным и привычным делом, объявил монастырь

албанским (агванским). В 1987 году Самвел Карапетян с двумя другими исследователями опубликовал результаты своих работ в монастыре, в частности 13 армянских надписей тех, кто строил монастырь, кто его восстанавливал, делал богатые вклады. Эта публикация вызвала гнев в Баку, хотя не оставалось никаких сомнений в принадлежности монастыря Сурб Аствацацин армянской культуре. И вот в 1993 году, придя сюда после освобождения этих мест от азеров, Самвел увидел, что все надписи – на стенах церквей, на штукатурке, на хачкарах – в целом, все! – были стерты!

Ай да просвещенные азербайджанские ученые, нашли мощный аргумент!.. По этому поводу и в назидание приведу начертанные когда-то в монастыре, но исчезнувшие слова: «Тот, кто повредит (сию надпись), да станет обладателем грехов моих.» Аминь!

...Очень уединенное красивое место. Думаю об уединении и представляю себе самую старшую – в последней зрелой молодости, сведущую, мудрую. И этих монахинь, молившихся здесь.

Шумит река, зовет нас в путь. Напротив за рекой, там, где гордо вздымаются скальные стены, затерялся еще один монастырь, безымянный. Сколько таких в Арцахе!

Уже из машины Алекс указывает на ущелье:

– Там находилось шесть деревень, они были собственностью женского монастыря Сурб Аствацацин. Монастырь жил на эти доходы. Видите, остаток дороги? Там выше сохранились руины церкви XVI века.

Алекс обращает наше внимание на то, что движемся мы по древней дороге, которая соединяла

Партав – древний город, столицу Утика, с Двином, столицей Армении. Скоро мы подъедем к месту, где в Трту впадает река Дудху. А завтра мы поедем посмотреть горячий гейзер и увидим нижнее и верхнее течение реки. Там есть такое место, где ущелье настолько сжимается, что оставляет место только для реки. Нет ни дороги, ни тропинки. Пришлось рядом пробить дорогу, а от нее в одном месте пробит специальный короткий тоннель, чтобы увидеть это сдвинувшееся и сжавшее реку ущелье.

Алекс привёл нас в Карвачар. Мы переночевали у его друга и его дочери, с увлечением изучающей грабар. Дом, украшенный искусными руками хозяина, стоит как раз на берегу реки Трту, и всю ночь я слышал её неудержимый бег. Утром познакомился с главой администрации района, заботы у него те же, о которых говорил нам Алекс – укоренение жителей на новой (старой армянской) земле. Потом мы собрались и поехали в Цар.

Это было место, где собирались окрестные жители в минуту опасности, зная его неприступный характер. Это была крепость, но в отличие от крепостей – орлиных гнёзд на вершинах гор, Цар был достаточно вместительным, чтобы защитить испуганное многолюдье. Но прежде чем я мог бы понять всё это, мне предстояло еще одно – взобраться на головокружительную высоту. Я всё время повторял про себя пушкинский стих: «Отселе я вижу потоков рожденье...» И вправду отсюда берет начало река Тартар-Трту.

Наша «Нива» ревела и задирала нос, при этом надо было делать такие крутые повороты, что если не впишешься в них, полетишь в пропасть. Ко все-

му прочему занимала мысль: если все эти ручейки, обильно текущие навстречу, завтра замёрзнут, то никакая «Нива» не довезёт, может быть, только гусеничный трактор...

В самом Царе меня удивило как раз обилие воды. Страшно было ступить, не разбирая дороги, чтобы не провалиться по колено. Вокруг всё было голо, пустынно. Никаких величественных развалин, только несколько церквушек, сложенных из грубо наломанного камня, скреплённого известковым раствором. Всё великое прошлое Цара, о котором сообщают историки, исчезло.

Приметным оказалось лишь длинное школьное здание – без окон и дверей. Я зашёл внутрь и остановился пораженный. Всё оно было построено из... хачкаров! Вот куда делось прошлое Цара! Используются как строительный материал вандалами-азерами. Вот именно! Если нужен пример варварства – то он в Царе, эта школа. Интересно, что чувствовало азербайджанское «племя младое, незнакомое», ежедневно взирая на армянские крылатые кресты и на армянские письма, в которых говорилось (они этого не понимали) о спасении, о милосердии, о доброте.

Я подошёл к самому краю обрыва. И снова вспомнилось:

*Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины.*

Сложная – сложно-сочинённая и сложно-расчленённая – горная страна расстилалась передо мною. Меж ущелий серебряными нитями струились

и сверкали реки. Легкие облака клубились и заполняли впадины. Орлов не видел, врать не стану. Так же, как не увидел следов присутствия человека.

Вот эта величественная красота повернула мой угол зрения, обратила меня к природе этих мест. Уже как одержимый турист, я прошел тот короткий тоннель и увидел бурную Трту и скалы, сжавшие её. И что действительно невозможно пройти вдоль реки: нет не то, что тропинки – негде ногу поставить. И гейзер я видел – гейзер как в долине гейзеров на Камчатке. Он бурлил и чмокал. И не нужно лететь на Дальний Восток, чтобы полюбоваться этой экзотикой. Достаточно прийти сюда, в Арцах, в Карвачар. Это будущим туристам на заметку.

Да, красива эта земля – дикой, первозданной и гордой красотой!

Глава двенадцатая НЕИЗВЕСТНАЯ МИРУ КРЕПОСТЬ

Мы жили в Кашатахе, в Берд-дзоре, в доме гостей, который нам предоставил нынешний губернатор в знак уважения к прежнему, а прежним был не кто иной как наш друг Алексан Акопян, с которым мы вместе путешествуем. Он, конечно, крупный учёный, но в нашей совместной поездке есть и привкус ностальгии: Алексану приятно вернуться в места, которым было в своё время отдано так много забот и таланта, его ума и сердца. Сколько незавершённых планов он оставил здесь...

Не помню кто и что сказал, но прошёл верный слух, что охотники где-то здесь нашли, своими глазами видели неизвестную миру крепость. У этого слуха имелось конкретное имя – Мамик Сараджян, председатель кашатахского охотсоюза, личность неординарная – он участник войны с азерами, геташенец, а значит и защитник армянских сёл с депортируемым армянским населением, и насильно заселяемых азербайджанцами – всё это было запечатлено в фильмах Цветаны Паскалевой.

«Ну что? Едем?» – «Конечно! Едем искать и снимать». Но надо выполнить одно условие: охотник отказывался ехать без оружия. «Кто же в такую поездку едет без оружия?..» Чтобы выполнить это требование, понадобилась встреча с главным пожарником района, совместное дружеское фотографирование «с коллективом», в чем опять сказался непоколеб-

ленный авторитет нашего Алехсана, и в результате «калаш», автомат Калашникова оказался у нас (честно говоря, не понимаю зачем).

Выехали как всегда рано, охотник впереди, как надежный проводник. Мы особенно не торопились. Осмотрели в селе Харар прекрасные руины (если можно так сказать) церкви с порталом из тёсаного камня, красивыми хачкарами. Церковь возвышается над домом, где живёт большая семья, которая кроме ведения своих многочисленных дел, по-хозяйски присматривает за храмом, заботится о нём. Алехсан разложил на капоте нашей «Нивы» свои записи – где, какие центры рукописных книг находились в Берд-дзоре.

Потом мы ехали – любовались долиной реки Хакари, самого полноводного притока Аракса. Спустились в долину и на вершине горы увидели церковь Амутех, проехали через мелколесье и остановились перед обширным полем, покрытым сухими, в человеческий рост, колючими травами. И тут я понял, что наш «чичероне» позабыл куда дальше ехать. По крайней мере, что он сомневается. Он вышел из машины и, раздвигая грудью колючки, устремился вперёд. В какой-то момент он внезапно поднялся над сухими зарослями, будто вынырнул из воды, вероятно, набрёл на пригорок. Орлиным взором огляделся окрест и показал нам жестом, мол, двигайтесь сюда, вперёд.

Мы подобрали его по пути в машину и вскоре выехали на чистое место у опушки леса. И снова наш охотник устремился по едва заметной тропинке в чащу, и вскоре раздался его свист. А вот и он сам подает нам знак двигаться за ним.

Тут Акоп Берберян собирает свои тяжеленные сумки с фотоаппаратурой, критически смотрит на бессолнечное предвечернее небо с высокими перистыми облаками и говорит осторожно, чтобы, не дай Бог, меня не обидеть: «Может, ты останешься? Дело к вечеру, мало светлого времени на съёмку...» Я всё сразу понял. Вспомнил, как мы шли от деревни Айтх к кладбищу князей Ошинов, и я всё время присаживался, и Алексан садился рядом и ждал, пока я переведу дух. Я всех тогда задерживал, но это не было столь критично, как сейчас. И я сказал, как можно легче и беззаботней: «Идите, идите, ребятки, с Богом, не теряйте времени, мы вас подождём. Успеха!»

– Ты правда не обижаешься? (Это Акоп.) – «Иди ты к чёрту!»

Они устремились в лес. Наш шофёр включил радио на весёлой волне. А я подумал, что мне пора осмыслить свой возраст, критически отнестись к себе, научиться рассчитывать свои силы. И что я сам должен был предложить им пойти без меня, ведь неизвестно, каков там подъём и сколько сил он потребует от молодых по сравнению со мной моих товарищей. И вообще...

Вот теперь, в праздном ожидании, я сидел в машине, возвращаясь мысленно к руинам церкви в селе Харар, к гостеприимному дому под горой, к фотографии, которую я задумал, когда попросил всю семью на минуту выйти из дома: «На фоне храма снимается семейство».

...Вот что потом напишет Алексан Акопян в газете, где расскажет о крепости, открывать которую мы отправились вместе: «В конце сентября группа в составе московского писателя Кима Бакши, фотоко́ра

Акопа Берберяна и автора этих строк по приглашению главы администрации Кашатахского района НКР Эрнеста Гевондяна посетила центры средневековой арцахской письменности в Кашатахе.

Этих центров армянскими текстологами выявлено пока шесть. Три из них – Арташиби, Арахиш и Ховатус (в каждом из них было переписано или реставрировано по две рукописи) – находятся в бассейне реки Шалуа, левого рукава Хакари, в историческом гаваре Вайкуник, провинции Арцах, согласно «Ашхарацуйцу» Мовсеса Хоренаци. И еще три – Харар (с четырьмя рукописями), Параджанц (с двумя) и Гетуз (с одной рукописью) – находятся южнее, по левобережью реки Хакари в древнем гаваре Берд-дзор (это название ныне носит райцентр Кашатаха – бывший Лачин), который в позднем средневековье именовался Хакари.

Группа исследовала и окрестности отмеченных сел, три из которых – Арташиби, Арахиш и Харар – и ныне заселяют переселенцы из Кашатаха. Были осмотрены и подробно сфотографированы позднесредневековые церкви в селах Вакунис и Зорахач, а также церковь XII-XIII вв. недалеко от Арахиша, с сохранившимся названием Сурб Аствацацин, которую азербайджанские дорожники взорвали в 1983 г. От самого дальнего села Айтах (в 55 км от райцентра) в сопровождении сына главы общины Роберта, недавно вернувшегося после службы в пограничных войсках НКР, группа отправилась к полуразрушенному Ахбрадзорскому или Майреджурскому монастырю. Здесь находятся могилы предков князя Ошина, переселившегося из этой вотчины в Ламброн «вместе со своими братом, матерью, супругой, вассалами и подвластным людом» в 1073 г. (это сообщение хро-

нографа XII века Самуэла Анеци), а там от него пошли киликийские цари Хетумиды...»

Все манускрипты из шести центров армянской письменности, открытых в Кашатахе, в большинстве своём хранятся ныне в Матенадаране, а подсчёт Алексана имеет невысказанный подтекст: все церкви, которые мы увидели, и все сёла и кладбища с разбитыми хачкарами неопровержимо свидетельствуют о том, что вся эта земля – издревле армянская. Была и должна остаться, несмотря на все претензии турко-азеров и всех их европейских подголосков с их двойными стандартами (Косово+албанцы и сербы – за албанцев. Армяне+Карабах и азербайджанцы – за азеров).

В таких размышлениях я пребывал до тех пор, пока в лесу не послышались свист и два одиночных выстрела. И показалась вся наша группа. Алексан снял с плеч тяжеленный заплечный мешок с аппаратурой, который он взвалил на себя, чтобы облегчить путь Акопу, и сказал мне: – Ты бы, конечно, не выдержал подъёма...

Охотник аккуратно убрал свой «калаш» в кабинку «Нивы»: – Там наверху сейчас кабанов много и медведей. Видели лежбище кабанов, клочья шерсти – о деревья чешутся. Хрюканье слышали. Жаль, не было времени пострелять...

Алексан Акопян: – Представь, из глубокого ущелья, из каньона поднимается громадный базальтовый столб, почти на вертолётную высоту. Его вершина – площадка метров двести квадратных, видны остатки укрепляющей кладки. Какое-то похожее описание крепости, помнится, есть у епископа Макара Бархударянца в его книге «Арцах», изданной в 1895 году...

Акоп был воодушевлён: – Успели! Еле-еле! Вышли на самый край ущелья, а замок – вот он, как раз чуть ниже, высота огромная! А солнышко уже садится...

Позже, в Ереване, я рассматривал съёмку Акопа – и замок, и небо с его прощальными облаками. Теперь и у вас есть возможность поглядеть на всё это, а главное, взглянуть на крепость!

Мы пустились в обратный путь уже в полной темноте. Я, человек городской, всегда удивляюсь, как это шофёры находят дорогу, пусть и обратную, в темноте, в незнакомой местности. Алексан, я и Акоп сидели в тесноте на заднем сиденьи, и я упустил момент, когда на дорогу (так после рассказывали) выскочил зайчик. Шофёр затормозил, охотник выбежал, выстрелил, промахнулся. Но дела так не оставил, бросился в кусты, где скрылся зайчик, дал несколько очередей и, к моему великому удивлению, появился, держа подстреленного зайчика за уши. Дальше всё происходило на моих глазах. В огне фар охотник быстро и ловко освежевал добычу. Как рубашку через голову, легко снял шкурку. Тут мне показалось, что в кустах на мгновение показалась широкая, с узкими лисьими глазами голова волка. Охотник вскинул «калаш», но стрелять не стал: «Волчица голодная, видно, деток кормит, она и выгнала зайчика на дорогу».

Я вспомнил зоосад Левона Айрапетяна и осиротевшего оленёнка на дрожащих ножках, храбро приносящегося ко мне сквозь стекло вездехода. Волка с перебитой капканом лапой. Как хорошо, что я не охотник! И не хочу я даже попробовать убитого зайчика. Правду сказать, никто мне его и не предлагал.

Глава тринадцатая ГОРОД-ПРИЗРАК (ШУША)

Сижу в маленькой квартирке, которую уже много лет мне с радостью предоставляют друзья, семья умершего моего старшего друга Григора Асратяна. Она в самом центре Еревана, на проспекте Маштоца, рядом с Матенадараном – место которое любят дети и хорошо знают взрослые, короче, это у Пончиканоца. Перед Новым годом сладкая фирма «Гранд кенди» поставила под моим окном рождественскую ёлку. Это был вообще водоворот детских восторгов – вспыхивали фотоаппараты, крохотные девчушки осторожно брали ёлочку за искусственные иглы и зачарованно улыбались. А я радовался, глядя на это детское половодье – пусть растёт, множится этот любимый мною народ, пусть живёт в мире!

На фоне таких мыслей кажутся невозможными, жестокими окружающие Армению ненависть, неприятие. Разве её окружают верные друзья? Из Азербайджана катится потный вал ненависти. Из Турции – враждебное непризнание очевидной трагедии в истории – геноцида. Из Грузии – за плотной завесой слов о дружбе и добрососедстве – неприятие, нелюбовь к армянам, что особенно заметно на примере населённого армянами Джавахка. Невольно обращаешь надежды на свою родную Россию. Понимаем ли мы, что Армения – наш единственный искренний друг?..

Сегодня я видел, как крохотная девчушка сама пыталась надеть перчатки, тоже крохотные с разноцветными пальчиками. Старалась, но неудачно: то два её пальчика попадали в один, то перчатка падала в растаявший снег.

Я должен начать рассказ о Шуше – очень красивом, но, увы, разрушенном городе. Его судьба состоит из тесно сплетённых друг с другом прекрасных и трагических страниц. Шуша – бывшая столица Карабаха, с её высот видна новая столица – Степанакерт. Поэтому установленные азерами системы «Град» могли вести прицельный огонь по этому городу.

Длинные трубы-снаряды азеры хранили в Кафедральном соборе Казанчеоц в центре Шуши: знали, что армяне не будут разрушать его. Какая ожесточенность и осмотрительность! Так и стоял Казанчеоц во всё время войны – без главы, с разрушенной колокольной. Сейчас всё как будто по-прежнему – как встарь собор колет небо своей главой-шпилем, и трубит с восстновленной колокольной ангел, трубит-возглашает в туманно-голубое небо: Бог – это любовь!

Когда едешь в Степанакерт, каждый раз проезжаешь поворот на Шушу: видна хорошая дорога к городу и героический танк на пьедестале, символ войны. Несколько раз в автобусе с какой-то делегацией мы не сворачивали и очень скоро оказывались на площади у главного собора. Заходили в его сквозной глубинный простор, там нас встречал духовный глава Арцаха – Паргев Србазан. И каждый раз я со страхом замечал, что в бороде его и усах прибавилось серебра.

Когда же возникла эта крепость – Шуша? На этот счёт есть верные исторические источники. Они го-

ворят, что существовал прочный союз пяти меликов Карабаха – братство хамсы. В то время, когда повсюду в Армении независимость была уничтожена иноплеменниками-иноверцами, Карабах оставался последним прочным островком – твердыней армянской независимости. Потом один из меликов, Варанда поссорился с остальными. Но он понимал, что один не справится. Чтобы защитить себя, он призвал на свои земли тюркское кочевое племя, возглавляемое Панах-ханом. Это происходило во второй половине ХУШ века. Панах-хан быстро укрепился, объявил себя ханом всего Карабаха, стал строить неприступную крепость Шушу. Но вот оценка, данная этим событиям Александром Васильевичем Суворовым: «Мелик Шахназар может собрать войска около 1000 человек. Сей предатель своего отечества призвал Панах-хана... отдал в руки свой крепкий замок Шуши-кала...»

Азербайджанские историки, мастера фальсификаций, пишут, что Панах-хан основал крепость и строил её чуть ли не на голом месте. Но это не так, на самом деле крепость Шуша уже существовала и успешно отразила в начале ХУШ века нападение турок-османов. Об этом сотник крепости докладывает русскому командованию. Вот к какому давнему времени относится русская ориентация в крепости Шуша!

Дополнительным аргументом длительного существования Шуши до Панах-хана послужат и мои собственные наблюдения. В один из приездов в город я участвовал в раскопках, которые велись на древнем шушинском кладбище. Сенсацией были найденные хачкары IX-X веков. И я наткнулся на неизвестный хачкар. Когда я расчистил его от мха и

земли, стало ясно, что он относится к XIII веку. Какой там Панах-хан! Тогда и следов не было кочевых тюрок на арцахской земле. Никаких тем более азербайджанцев. Историки из Баку могут отдыхать!

Когда бродишь по хорошим мостовым города, мимо мертвых особняков, глядящих на тебя безглазыми окнами, невольно думаешь, сколько миллиардов долларов надо вложить, чтобы ожил этот некогда прекрасный город, а ныне город-призрак. Некогда это был центр армянской культуры, просвещения, типографской деятельности. Я просматривал длинные списки армянских манускриптов, которые хранились в библиотеках города. К великому сожалению, далеко не все из них оказались в коллекции ереванского Матенадарана. В трагические минуты, навсегда покидая Шушу, жители увозили книги, спасали их от разъярённой толпы тюрок, которые разрушали город, резали армян.

Последние (увы, не последние!) трагические события произошли в 1905 году – злодейские, бессмысленные убийства, предвестия геноцида 1915 года. Имеющие и то сходство с ним, что преступные стороны отрицают сам факт геноцида, а руководство азербайджанцев выдумывает какой-то ещё геноцид армянский и русский. Что касается 1905 года, то тогда в течение одного дня в Шуше был разграблен и сожжен армянский центр города, от театра остались руины. Но не менее чудовищной и разрушительной для города была резня 1920 года. Вот что писал об этом погроме Серго Орджоникидзе: «Сегодня я с ужасом вспоминаю те картины, которые мы видели в мае 1920 года в Шуше. Красивый армянский город был разрушен до основания и лежал в руинах...»

Однажды я уговорил директора Музея Шуши пройтись вместе со мной по городу и рассказать о нём. Мы осмотрели руины трёхэтажного здания реального училища, рядом – двухэтажная больница. Шушинская епархиальная школа... Шелкомотальная фабрика... Как раз в то время в мире был бум производства шелка, отличались, естественно, китайцы. Вот бы восстановить былую славу шелкоделов Шуши! Сейчас из шёлка делают удивительные вещи.

Был туманный осенний день, туманы нередки в Шуше. Мой спутник называл цифры, характеризующие город. До 1920 года выходило 22 газеты, работало 6 школ и училище. Три типографии. В театре ставили Шекспира, на гастроли приезжал великий Папазян. В армянской части города находились библиотеки, бани, аптеки, Здесь была проведена первая в Закавказье канализация, тоже разрушенная в 1920 году погромщиками.

Мне очень понравился город Шуша. Там до сих пор сохранились прелестные уголки, которые так и манят бросить надоевшую мою московскую городскую жизнь и навсегда поселиться здесь. Так всегда бывает со мной, когда место мне почему-то особенно нравится. Я хорошо помню, как я хотел провести остаток жизни в караимской крепости Чуфут-кале в степном, пропахшем полынью Крыме. То же самое было со мной, когда я оказался в Гарни лет пятьдесят назад, среди обрушенных капителей, заросших сухой травой частей античного фриза – наедине с вечностью и красотой. Отдаю себе отчет – я нисколько не верю в реальную осуществимость этой мечты, хотя реальней всего, как говорится, на сегодня – это все-таки Шуша. Я сидел бы на деревянном балкончике среди зелени, а вокруг творилась бы жизнь...

Глава четырнадцатая АББАТ СЭВЕН ПОЛУЧАЕТ ЗАДАНИЕ

«Непризнанная» республика Арцах. Я не согласен с этим! Я видел это высокое признание, но для этого мне надо было прилететь в Париж, из Парижа – в Лондон. Затем перелететь океан, увидеть полярную Канаду, приземлиться в районе Великих озер – в Чикаго.

Но прежде мы собрались в квартире Таты Хромченко в районе Проспекта Мира в Москве, чтобы найти самый дешёвый маршрут туда и обратно. Тата – великий спец по этим делам, и через день она объявила самую выгодную авиакомпанию – это был солидный «Бритиш эйрвейс» и она даже заказала мне гостиницу – тоже недорогую – в Париже и Лондоне и даже в Чикаго. Итак, можно стартовать! Но старту предшествовало вот что.

Мы собрались у посла Арцаха в Ереване (официально у «представителя Арцаха») Карлена Ишхановича Аветисяна обсудить маршруты зарубежной поездки. С нами был и Карлос Петросян, за эти годы ставший очень близким мне человеком. И вот, когда речь зашла о финансировании поездки (а сумма немалая!), Карлос достал из кармана пачку долларов и протянул её послу: «Хочу стать хоть частично спонсором будущей книги Кима Бакши.» Его расчёт оказался точным. На это обращал моё внимание ещё Григорий Асратян: армяне ценят широкие благородные жесты, не может быть, чтобы в ответ армянин

не ответил тем же или даже чем-то более щедрым. Так и получилось, так и поступил Совет Министров Карабаха в ответ на спонсорскую инициативу Карлоса Петросяна.

Кстати, о его спонсорстве. У него есть прекрасный обычай – каждое воскресенье вместе с друзьями отправляться в Эчмиадзин, в церковь св. Гаянэ VII века, там молиться, возжигать свечи. И я, грешный, ездил с ними и – спасибо демократизму армянской апостольской церкви! – тоже молился, ставил свечи во здравие и за упокой моих близких в Москве и Ереване. Так вот при мне за спонсорскую помощь Петросяна, за огромные деньги, в этой древней церкви поменяли полы – не какой-нибудь наборный паркет, а уложили каменную плитку на манер древней, которой износа не будет. В 2008 году святейший Патриарх – Католикос всех армян за это ли или за другие благодеяния наградил Карлоса Петросяна высшим церковным орденом Святого Григора Лусаворича.

...Мы остановились на том, что Ереване я вышел из квартиры семьи Григория Асратяна, на мой взгляд лучшего мэра Еревана, моего друга – друга не только в дни его величия, когда мы во время его приезда в Москву ночью ездили в Серебряный Бор слушать соловьёв, но и в те тяжелые дни его унижений, когда из низкой мести и зависти его снял с поста внезапно возвысившийся партбонза. Этого я так ему и не простил!

Итак, говорю, я пересек улицу и вскоре ступил на первую базальтовую ступень лестницы Матенадарана. Мне не нужно было их считать, я и так знал – их 98! И началась совершенно интересная жизнь. То ли дело рассматривать рукописи с их миниатюрами,

переворачивать деревянно зазвучавшие пергаменные листы.

Центром моего внимания стали всякого рода каталоги. Задача ясна – найти то, что среди древних армянских манускриптов относится к Арцаху. Это не просто чтение каталогов – надо перебирать наподобие чёток те их разделы, где указано откуда рукопись: из какого города, села, церкви или монастыря она. При этом надо учитывать, что такие, ныне полностью населенные азербайджанцами города, как например, Шамхор или Гандзак–Гянджа были когда-то населены армянами и были активными центрами создания армянских манускриптов. Это же относится к Гетабеку и Дашкесану, многолюдному армянскому селу Бананц, ныне опустевшим монастырям Кармир Ванк, Таргманчац Ванк. К осквернённому селу армянских маршалов – Чардахлу. Население во всех этих местах преобладало армянское, это позднее оно было вытеснено, изгнано и даже вырезано, особенно в период расцвета алиевской «дружбы народов».

Так, с утра до вечера, я словно сквозь сеть с мелкими ячейками просеивал каталоги, но улов не радовал. Но все же кое-что попало. Во Франции надежда была на многочисленные сборники, содержание которых не расшифровывалось. А в Англии был расчет на Врежа Нерсеяна, автора трудов, посвященных армянским манускриптам в Британской библиотеке. Было решено лететь.

Вот я и вылетел в Париж с пересадкой в Лондоне, снабжённый подробными советами Таты: как не потеряться в огромном мире лондонского аэропорта Хитроу, вплоть до того, что в Париже лучше не са-

даться к шоферам-арабам. Лететь до Лондона почти так же долго, как до Еревана. Еще пересадка отняла время. Вылетели в Париж уже в ранних, но быстро сгущавшихся февральских сумерках. Под крылом внизу – галактика огней, густо заселена английская земля. Внезапно огни оборвались, мы зависли над чернотой. Я понял: мы над проливом Ламанш – Паде-Кале. Скоро проявились редкие огоньки – мы во Франции.

На следующее утро я не торопясь встал в уютном отельчике в районе Бастилии, на метро доехал до центра, задержался на площади у Дома Мольера, «Комеди Франсез». Отсюда, в перспективе улицы уже виднелся угол старинного здания Национальной библиотеки Франции, бывшей королевской, императорской. Это одна из самых грандиозных библиотек мира. Одних армянских манускриптов здесь более трёхсот сорока – не называю точную цифру, учитываю, что она может измениться, пока эта книга выйдет и пока ещё будет ждать читателя на полках магазинов. 340 + это одно из крупнейших собраний в Европе! Здесь хранятся не только книги и манускрипты, но и географические карты, старинные гравюры, исторические портреты, фотографии.

Забегая вперёд, скажу: когда я выбирал и заказывал скопировать нужные для книги страницы армянских манускриптов, мне встретился портрет Сары Бернар. Я, конечно, знал, что это великая актриса, но зрительно её себе не представлял. Теперь мы все можем полюбоваться этой красавицей. Вот она в пьесе «Рюи Блаз».

А вот как выглядел один из исторических читальных залов... Его интересно рассматривать...

Мне же довелось работать в небольшом зале для научных сотрудников, куда мне доставляли манускрипты.

Даже поверхностное знакомство с историей Национальной библиотеки показывает, что успех и даже расцвет таких мощных массивов культуры, как опера, театр, картинная галерея связан и даже зависит от внимания, заботы, весомой материальной поддержки правительства, власти. Яркий пример – Эрмитаж в Петербурге: русские цари заботились о пополнении коллекций, при этом не скупились. Это соображение в полной мере относится и к библиотекам. И тут лучше парижской библиотеки примера не найти.

Собирание книг – это серьёзное дело, и одновременно неизлечимая страсть. Этой благородной болезнью болели знаменитые французские короли, включая короля-Солнце, Людовика XIV-го. Само собирание книг он поручал самым близким и доверенным лицам. Одним из таких был кардинал Мазарини, хотя Дюма сделал из него чуть ли не злодея, врага трёх мушкетёров. В библиотеке есть Галерея Мазарини, с богато расписанным потолочным плафоном. Мазарини тщательно следил за пополнением коллекции королевской библиотеки редкими рукописями и книгами. Именно благодаря огромному интересу к армянским манускриптам, проявленному всесильным премьер-министром Мазарини и его коллегой – министром Кольбером, впервые на Западе поняли, как важны армянские рукописные книги, как ценно их содержание. Сколь многим они могут обогатить культуру Европы!

Видите, как давно – ещё во времена Людовика, Мазарини и Кольбера – за много веков до незави-

симой Армении и суверенного Карабаха – было осуществлено признание – на самом высоком европейском уровне – значения культуры армянского народа. А что есть в сущности, книга, манускрипт? Это концентрация Памяти народа, сгусток его культуры.

Но, конечно, не этими философскими мыслями, характерными скорее для нашего века, руководствовались во французской Королевской библиотеке, повсюду разыскивая и приобретая армянские рукописи. Они ожидали узнать в них об уникальном содержании – открыть страницы поздней античности, более подробно исследовать раннее христианство на примере такого народа, как армяне.

Пожалуй, наибольший вклад в собирание именно армянских манускриптов внёс в свое время всесильный министр финансов Людовика XIV-го Кольбер. Коллекционирование рукописей было его страстью. Он наладил целую систему их поиска и приобретения, рассылая специальных агентов на Восток, в Оттоманскую империю, от Истамбула вплоть до границ Карабаха, который тогда был в пределах Персии. Он даже давал своим агентам суммы на приобретение книг – правда, не слишком помногу, что естественно для министра финансов! А давая их, просил отыскать и доставить сочинения армянского историка Моисея. Ясно, что речь шла о Мовсесе Хоренаци.

Агенты, прикрываясь то духовным саном, то под видом купцов, путешествовали по странам и городам и скупали, в основном, по дешёвке армянские манускрипты. Не гнушались обманом, иногда могли и подворовывать сами или нанимать похитителей, если попадался особо дорогой манускрипт. На них жаловались. Но Кольбер на это смотрел сквозь паль-

цы. Он был страстный коллекционер со всеми положительными и отрицательными чертами этого беспокойного племени.

В Париже я посетил собор Сент-Эсташ. Перед ним стоит модернистская скульптура под названием «Слухач»: тот как бы прислушивается к истории, связанной с собором, а она связана со многими славными лицами, с Мольером, например. В головокружительную высоту вздымаются его стрельчатые арки... Сент-Эсташ блещет витражами... Славен собор и могилой Кольбера, которому мы благодарны за его любовь к армянским манускриптам. Это он сформулировал требования к своим агентам, чем руководствоваться при поиске рукописных книг. Обращать внимание не столько на богатство переплётов, окладов, красочность миниатюр – главное в них содержание. Я вижу, что этот принцип соблюден в целом во французской библиотеке армянских манускриптов.

История сохранила нам имя, пожалуй, самого активного агента и помощника Кольбера – аббата Сэвена, который служил в библиотеке хранителем. И часто выезжал «в командировки на Восток», привозил армянские манускрипты. Они подвергались просмотру и реставрации, одевались в тончайший красный сафьян с отпечатанным на нем золотом гербом с королевскими лилиями. Внутри был вклеен листочек, рукописный отчёт Сэвена – где и за какую цену приобретена книга. Сколько я видел таких листочков внутри парадных сафьянов! В каталоге они обозначены кратко – миссия Сэвена. В одном из листочков аббат сообщает, что приобрёл комментарий Григора Нарекаци к библейской «Песни Песней» за 45 золотых пиастров.

Так в европейское сознание вместе с этими комментариями на листах, исполненных в строгой монохромной манере, вошел замечательный армянский святой – поэт Григор Нарекаци, автор вдохновенной «Книги скорбных песнопений», брат Блаженного Августина, образец мудрости и непоколебимой веры. Не могу не привести его слов, полных космогонических пророчеств и предсказаний для дня сегодняшнего:

*... О Господь, Господь сил небесных,
Ты мера всего непостижимого.
Ибо твёрдое для тебя текуче, а жидкое плотно.
О могущество всепобеждающее, страшное!
Огонь – это роса освежающая, и дождь – пламя
сжигающее.*

*Грешника, молящего, достаиваешь почёта,
И мнящего себя чистым, рассудив, справедливо
осудишь,*

*Много воздыхающего, недужного, испепелив,
осчастливишь.*

И тень, надвигающуюся на нас, вспять воротишь...

*Верую, о Всемогущий, Слову Твоему и потому
говорю:*

Внемли, Господи, молчанию сердца моего!

Выполняя задание Кольбера, агенты приобрели три манускрипта Мовсеса Хоренаци, с ними был аббат Сэвен.

Сочинение Ованнеса Драсханакертци «История страны Агванк» находится в Париже в четырёх экземплярах. Сам Ованнес родом из Арцаха, об этом

он сообщает в своей истории, рассказывая о сопротивлении завоевателям-арабам. Во время путешествий по Карабаху я побывал в том месте, где в VII веке находилось его родное село. Вы понимаете, что тогда и слухом было не слышать, да и быть не могло никакого слуха о современных азербайджанцах, хотя они и присваивают себе сегодня албанское происхождение. Сущий вздор, конечно!..

Естественно, французы, не интересуясь кто авторы, откуда они родом, в своей коллекции хранят сочинения многих славных выходцев из Арцаха. Это Ованнес Имастасер, поэт, философ, математик, календаревед. Это Ованнес Гандзакеци (рукопись №108 – Объяснение Праздников). Это и Киракос Гандзакеци, замечательный историк. Оба родом из Гандзака, бывшего крупного армянского духовного и культурного центра.

И Мхитар Гош – из Арцаха. В Париже хранятся три рукописи его «Судебника», особенно интересна первая под №173. Она из Венеции, с острова св. Лазаря, переписана с оригинала мхитаристами и подарена Национальной библиотеке в Париже. А сам по себе этот оригинал замечателен вот чем: он содержит посвящение, написанное рукой Мхитара Гоша и адресованное Вахтангу, царю арцахского княжества Хачен. Гош жил у него несколько лет, пока работал над рукописью. А Вахтанг тем временем строил для Гоша монастырь Нор Гетик вместо разрушенного землетрясением. Там Гош и основал свою Академию Права.

Поскольку мы установили, что династия Ошинов, царей киликийских Гетумов, родом из Карабаха,

даже побывали на их семейном кладбище, то нам интересно узнать, какие представители этой фамилии есть в Парижской библиотеке.

Это Смбат Спарапет, главнокомандующий армией Киликийской Армении. Когда на историческую арену вышли монголы, киликийские Гетумы решили вступить с ними в союз, чтобы избежать сокрушительного набега. На край света, в столицу Чингисхана Каракорум отправился Смбат Спарапет. Там он был встречен очень ласково, смог заключить необходимый союз. Вернулся домой через несколько лет с подаренной ему женой-татаркой и с сыном, которого называли Васил-татар. Вслед за Смбатом в Каракорум и тоже через Карабах отправился царь Киликии Гетум, которого в Карабахе ждала торжественная встреча. Ещё бы, приехал царь независимого армянского государства, о чём веками мечтали армяне!

Я потому так подробно рассматриваю путешествия киликийских владетелей, что приступаю к рассказу об удивительной рукописной книге, которую без преувеличения можно назвать сокровищем Национальной библиотеки. Это «Книга чудес». Я её видел лишь однажды много лет тому назад, когда мы снимали в Париже 16-ую (французскую) серию фильма «Матенадаран». Но и тогда рядом стоял сотрудник библиотеки с секундомером: нам разрешили освещать рукопись для съёмки считанные секунды, чтобы – не дай Бог! – не выцвели краски изумительных миниатюр, украшающих манускрипт.

А в этот последний раз, о котором я рассказываю сейчас, мне даже не разрешили пообщаться с этим манускриптом. С каждым годом всё строже ограничивается режим, всё выше осознание ценности ар-

мянских рукописных книг, конечно, включая и те, что связаны с Арцахом...

Вот я и говорю: Арцах как независимое государство ещё не признано. Но признана – и в высокой степени во Франции – европейская ценность культуры Карабаха!

Теперь мы снова возвращаемся к принцу Гетуму как историку-патмичу. После смерти Смбата Спарапета его титул главнокомандующего должен был принять на себя он. Но у Гетума были другие замыслы и он, приняв католичество, поселился во Франции в одном из монастырей. Папа Климент У поручил Гетуму написать историю монголов, и тот выполнил поручение, создав рукопись на старофранцузском языке, которую быстро перевели на латынь, и книга приобрела большую популярность.

В XIV веке герцог Бургундии Жан Бесстрашный заказал сборник разных сочинений, где были бы сконцентрированы все тогдашние знания о Востоке. Сюда были включены путешествия на Восток Марко Поло, Гийома Мандевиля и этот труд армянского историка Гетума о монголах. Украсить книгу рисунками герцог пригласил талантливого художника. Так родилась «Книга Чудес».

Гетум начинает свой рассказ с Чингисхана. Художник представил нам его обширную палатку и самого хана на смертном одре. Чингисхан собрал своих сыновей и дал им последний совет: держитесь вместе как связка стрел. И помните: одну стрелу переломить легко!.. Гетум рассказывает о нравах и обычаях монголов, об их невероятно меткой стрельбе из лука – на полном скаку лошади, обернувшись назад. О беспощадных и жестоких приёмах боя. Речь в книге Гетума

идёт о трагических временах Киликии, о внезапном нападении египетских мамелюков, когда основные силы армян были отвлечены. О неравном сражении, в котором погибли принцы, многие придворные, в их числе и Васил-татар, а наследник престола Левон был взят в плен. Одна из миниатюр в «Книге Чудес» посвящена этому событию. Это так поразило воображение народа, что даже возникла песня, начинавшаяся словами: «Левон в тюрьме сырой ...»

Армянские манускрипты в Париже хранятся не только в Национальной Библиотеке. На авеню Фош, что отходит от площади Звезды, расположен музей Френкяна. Его основатель, богатый армянин, сформулировал задачи музея: собирать и бережно хранить наследие отечества. В музее 23 армянских манускрипта, один из самых любопытных – «Книга гаданий». Её подарил императрице Екатерине II житель Санкт-Петербурга Макар Гегамян Ходженц. Неожиданное продолжение ждало нас в Национальной Библиотеке. Оказывается, что тот же Гегамян Ходженц подарил книгу Наполеону. Как видим, в этом весь человек – с его трепетным отношением к книге. Он не сомневается в том, что арабская грамматика на армянском языке – достойный подарок императору французов, как «Книга гаданий» – русской императрице. И впрямь, каких-нибудь сто с небольшим лет назад такая драгоценность как рукописная книга была лучшим подарком! Особенно верно это для армянской народной традиции.

Среди армянских манускриптов в Национальной Библиотеке очень много сборников. Один из самых оригинальных – Сборник Словарей. Чего здесь только нет! Словари медицинских и грамматических тер-

минов. Словарь синонимов, употребляемых разными поэтами. Объяснение выражений на персидском у армянского историка V века Егише... Всё это говорит о широчайшем круге интересов заказчика книги. В конце книги стоит имя заказчика – Ованес. Этот Сборник, на мой взгляд, отразил в себе целую судьбу человеческую. Его заказчик Ованес жил в Польше, писал армянскими буквами по-кипчакски, интересовался Гомером, Грамматикой Дионисия Фракийского, историей своего народа, хотя и не владел родным языком, подобно многим армянам Львова и Каменец-Подольска. Кем он был, этот Ованес, армянин, живущий вдали от родины?

Среди сборников, которые коллекционировал Кольбер, доставленных аббатом Сэвенем и другими агентами, выделяется и №167 «Переписка армянских католикосов со священниками и нотаблями персидского Тавриза». Речь идёт о реконструкции храма в Тавризе, о назначении Никогайоса из Нахичевана епископом, главой христианской церкви в иранском Азербайджане.

Вид у этих посланий весьма праздничный, многоцветный, с красивыми буквицами в начале текста, каллиграфически выведенным строем армянских букв. Размером сантиметров 20 на 30. В активном употреблении здесь золото и кармин, отчего послания неуловимо напоминают почётные грамоты наших прежних советских лет. И в каждом обязательно указано, откуда послано письмо – из дворца католикоса в Эчмиадзине, или, например, из монастыря Ахпат. Но вот радость: вижу, что письмо №93 католикоса Ефрема послано из Шуши, а также письма №94

и №96! Недаром я предполагал именно в сборниках найти манускрипты из Карабаха.

В письмах католикосов Лукаса и Ефрема частенько звучат слова – Азербайджан, азербайджанский. И это естественно: Тавриз был и остаётся столицей иранского Азербайджана. А вот одна из наших бывших союзных республик, а ныне независимый Азербайджан, получила своё имя от англичан (утвержденное, правда, большевиками), как агрессивный намёк на претензии к Азербайджану персидскому (иранскому). И эти претензии, как известно, всё громче высказываются в Баку. Поистине, если боги желают наказать кого-то, то лишают его разума...

Моя последняя встреча с Арцахом в Париже произошла в связи с Григорисом, внуком Григора Лусаворича, при котором Армения первой приняла христианство как религию государственную. Григорис вёл проповедь в Арцахе, основал духовную школу в Амарасском монастыре, стал первым католикосом Восточного края Армении, мученически погиб и был канонизирован армянской апостольской церковью.

В Париже я нашел Григориса в рукописи XIV века «Жития Святых». Когда-то её приобрёл аббат Сэвен. Имя Григориса встречается и среди святых в многочисленных Синаксариях – сборниках полезного душеспасительного чтения на круглый год. И нередко здесь стоит имя их приобретателя: «аббат Сэвен». Яркий след оставил аббат Сэвен в Национальной Библиотеке Франции! В Константинополе он приобрёл рукопись «Сочинений» Нерсеса Ламбронци. Напомним, что неприступная крепость Ламброн была получена первым князем Ошином как приданое, после того, как он пришел из Карабаха в Кили-

кию. Нерсес Ламбронаци был крупным религиозным деятелем и поэтом. Тот же Сэвен приобрел и его поэтические сочинения. А вот купленная Сэвеном «Апология» – Похвальное слово автору «Божественных элегий» Нерсесу Шнорали! Католикос Нерсес вёл важные диспуты с императором Византии о сущности армянской веры, доказывая, что в ней нет ничего еретического.

С именем аббата Сэвена связано появление в Париже «Книги вопрошений» армянского философа Григора Татеваци, сочинений великого армянского поэта Григора Нарекаци и ещё многих и многих манускриптов, характеризующих вершинные достижения армянской культуры: религия, философия, история, медицина, право, поэзия... Он любил армянские рукописные книги и был их увлечённым собирателем. Рассказывают, как однажды в некоем городе в Анатолии, где он уламывал одного из владельцев манускрипта продать ему понравившуюся книгу, вспыхнула эпидемия чумы или холеры (болезнь не уточняется). Все бывшие там европейцы в страхе покинули зараженный город, кроме Сэвена, оставался здесь, пока не приобрел книгу... Манускрипты, которые «числятся» за Сэвеном, не блещут изысканными красками – золотом, кармином и лазурью, это сплошь тексты и тексты, царство однообразных бумажных листов. Главным для Сэвена было с о д е р ж а н и е манускрипта – та, быть может, крупица мировой культуры, которая есть в нем, частица истории, свидетельство своего времени.

Так совпало, что во время моего пребывания в Париже, вручалась широко разрекламированная премия – «Приз памяти». Мне было очень прият-

но, что на этот раз приз вручался Матенадарану, и в Париж из Еревана прилетел Сен Аревшатын, сам его директор. В торжественной обстановке был вручен приз Матенадарану, который «смог сохранить не только память армянского народа, но Память Человечества...»

Во время торжественной части во дворце Шайо были высказаны важные мысли о Памяти. Память это не просто антоним забвения. Это сопротивление, восстание против смерти. Наша память – это наша общая сила, наш разум, наши деяния. Без памяти жизнь не жизнь. Народ без памяти – народ без свободы. Изящно выражаются французы...

И сам этот праздник был по-французски изящным и в то же время глубоким по смыслу. Он невольно настраивал на философский лад. Думалось: память всеильна и необходима, и в то же время очень хрупка, постоянно находится под угрозой – слишком многие силы хотели бы стереть ужасный след геноцидов XX века, слишком много пишется и издаётся лживых, псевдонаучных трудов, стремящихся исказить историю, представить палачей – жертвами.

И ещё во всех моих размышлениях о Памяти проглядывала чёткая связь с теми арцахскими манускриптами и с тем их духом Арцаха, которые я встретил в Париже, в Национальной Библиотеке Франции.

Глава пятнадцатая ЧТО ТАМ, В БРИТАНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ?

Эти размышления о памяти не покидали меня и когда я уже через несколько дней был высоко в воздухе, пролетая над французской землей.

– Да и что такое, в сущности, книги, древние манускрипты? – размышлял я. – В чём их заветный смысл? Это же великий ковчег памяти! Вот почему эти мудрые рукописи так нужны нам сегодня. И так же необходимы, как вчера. Как всегда!

Был светлый высокий день. Под крылом проплывали фермы, маленькие уютные городки Северной Франции. Внезапно, как обрыв, возник пролив Ла-Манш со многими пароходиками. Вот и Англия. Обширный как город, только населенный самолетами, а не людьми, аэропорт Хитроу.

Меня встречал Артур Багдасарян, брат Гарса, моего московского и ереванского приятеля. В своей прекрасной машине Артур включил навигатор, набрал адрес отеля, который мне нашла и заказала ещё в Москве Тата Хромченко, и мы пустились в путь, постоянно предупреждаемые навигатором о пробках на соседних улицах, из-за которых долго виляли по городу к моему великому удовольствию. Отель оказался гостеприимным и маленьким, номер удобным. Но самое главное достоинство отеля я оценил на следующее утро: он был расположен бук-

важно в десяти минутах пешего хода от Британской библиотеки.

Каждое утро, ожидая зелёного света – перейти Юстон-роуд, я любовался чугунной (не знаю точно – чугунной ли) ажурной решеткой ворот библиотеки, составленной из слов BRITISH LIBRARY – «Британская библиотека». Позже я узнал, что фото этой решетки часто используется в рекламе библиотеки. И, ничтоже сумняшеся, я воспользовался прекрасной идеей, или как говорят фотографы «точкой», и сделал свой снимок.

Прямо за входом стоит исполненная в стиле модерн скульптура Исаака Ньютона, действительно великого учёного мирового масштаба, определившего развитие науки не только прошлого, но и сумевшего поспорить со своим великим соперником в будущем – Альбертом Эйнштейном, все мои знакомые и друзья учёные преклоняются перед ним. Его закон всемирного тяготения определяет все события во Вселенной – рождение звёзд и галактик, чёрные дыры в Космосе, взрывы сверхновых звёзд и т. д.

Я спрашивал у академика Самвела Григоряна: а что такое это тяготение, уловлены ли, наконец, частицы тяготения – гравитоны, да и вообще, что за жадные взоры и силы, которые через невообразимые расстояния притягивают звёзды и галактики друг к другу? И нашу Землю к Солнцу и нас к Земле? Он отвечал, что это великая загадка, что Ньютон раскрыл её *количественно*; но *качественно* это до сих пор великая тайна природы.

Думаю, это Господь Бог хранит её, скрывая от нас главный механизм устройства Вселенной. И какое это в сущности чудо, что на маленькой частичке, вра-

щающейся вокруг крохотной провинциальной звёздочки живут, движутся крохотные разумные существа, стремящиеся постигнуть великий акт Творения.

Но я отвлёкся. Во всяком случае англичанам есть чем гордиться, и скульптура Ньютона более чем на месте именно здесь – на пороге великой библиотеки, одной из трёх крупнейших вместе с Парижем и Вашингтоном в мире – в ней 150 миллионов единиц хранения. В состав библиотеки входят не только рукописные и печатные книги, но и автографы, газеты со всего мира, фотографии великих людей, их звучащие голоса и многое другое, что заключается в обширном понятии «человеческая культура».

Раньше Британская библиотека была в составе Британского музея. В 1973 году для неё было построено новое замечательное здание, куда я стал ходить каждое утро. А подо мной простирались невидимые глазу километры подземных хранилищ. А рядом в вестибюле, чуть поднимаешься на несколько ступеней, расположен музей книги. И там в специальном затемнении, чтобы не выцветали чернила и краски, одно за другим сменяя друг друга, бывают выставлены сокровища Британской библиотеки – то автограф Леонардо да Винчи с его проектом парашюта, то автограф Вильяма Шекспира, то памятная книжка Моцарта, где он записал свои увертюры, и ещё многое, очень многое, от чего нет сил уйти – рассматриваешь и радуешься счастливой возможности всё это увидеть. И я благодарен демократизму Британской библиотеки, не таящей своих сокровищ, подобно скупому рыцарю. Действительно, в периодических экспозициях библиотеки есть всё «самое-самое»: например, самая первая печатная книга –

Библия Гутенберга, один из трёх имеющихся в целом мире экземпляров.

Или, скажем, самый древний сохранившийся манускрипт – Синайский кодекс IV века. С ним связана история, характеризующая нравы нашего недавнего советского отечества. Синайский кодекс, тончайший пергамен, унциальное письмо, греческий язык, древнейший вариант Священного писания, был в XIX веке вывезен с Синайского полуострова из православного монастыря святой Екатерины. Император Александр II передал его как документ огромной ценности в петербургскую императорскую Публичную библиотеку. Там рукопись пробыла до 1933 года, когда и была продана за 100 тысяч фунтов стерлингов и перевезена уже из Ленинграда в Библиотеку Британского музея. Характерно, что эта фантастически огромная сумма была собрана в Англии за один день. Есть такая легенда, очень похожая на правду. Когда Молотова спросили, зачем он продал рукопись, будто бы он ответил: «Всё равно будет мировая революция, тогда и заберём обратно...» В неё легко поверить, если учесть холодный и циничный догматизм прежних вождей.

Конечно жаль, что Синайский кодекс покинул пределы России. Но, честно говоря, неизвестно какова была бы его дальнейшая судьба с 1933 года в закрытой антирелигиозной стране. А в Англии ему было обеспечено тщательное хранение, изучение силами большого коллектива европейских исследователей, что в СССР было бы невозможно. Таково моё мнение и в отношении к армянским и арцахским манускриптам, по разным причинам покинувшим родину. Оказавшись в Париже или в Лондоне, они

только возвеличивают культуру создавшего их народа и, в конечном счете, сам народ. Армянский. Об этом мы говорили с Врежем Нерсесяном, известным арменоведом. В Британской библиотеке он курирует христианские рукописи и печатные книги Ближнего Востока, восточные коллекции: не только армянские манускрипты, но и коптские, сирийские, византийские, персидские и т.п. Он автор замечательной книги «Армянские иллюстрированные Евангелия в Британской библиотеке» и столь же необходимого нам всем Каталога ранних армянских книг за 1512-1850 гг.

Вреж Нерсесян, мой старинный знакомый, встретил меня очень тепло. Что сказать? Время никого не красит и не щадит. И у Врежа заметно прибавилось седины. И хотя с предыдущего моего посещения в Британской библиотеке заметно ужесточились условия выдачи армянских манускриптов для просмотра и изучения, на моём листочке-требовании он каждый раз накладывал резолюцию – разрешить. Так что я не испытывал никаких затруднений в своей работе.

Вместе с Врежем мы рассматриваем сравнительно позднюю рукопись времён шаха Аббаса I и насильственного переселения армян в Новую Джугу. Обращаю его внимание на миниатюру «Сошествие Святого Духа на Апостолов». Этот сюжет повторяется у большинства иллюстраторов Евангелия, он один из необходимых. И хотя каждый художник рисует по-своему, но общие черты у всех миниатюр есть.

Апостолы сидят где-то на втором этаже, а под ними, под аркой собралась странная группа людей. Кто-то полуодет, на некоторых странные головные

уборы. А кто и с песьей головой. Кто они, почему так выглядят? Много лет меня смутно занимает этот вопрос, при этом я удовольствовался общепринятым объяснением: сошел Дух Святой на Апостолов, и Апостолы заговорили на разных языках.

Вреж берётся ответить на мой вопрос. Полуодетые персонажи на миниатюре – это демоны. Сошествие Святого Духа дало Апостолам власть над ними. Люди в странных красных шапках – это мусульмане; европейцы были озабочены тем, чтобы подчинить их себе.

– А люди с пёсьими головами?

– Я заметил, что этот сюжет появляется в манускриптах, начиная с XIII века. Он целиком связан с появлением на исторической арене полчищ монголов. Европа содрогнулась от этой опасности и хотела знать о них всё. В это самое время Гетум пишет историю монголов, помещённую в «Книге чудес». Но кто был самым большим знатоком «народа стрелков»? Несомненно, Киракос Гандзакеци, выходец из Карабаха, замечательный историк. Он добровольно пошел в плен к монголам, следуя за своим учителем вардапетом Ванаканом. И бежал из этого плена, когда Ванакана выкупили. Монголы и были для него людьми с пёсьими головами. Тем сказочным народом, который живёт далеко-далеко на Востоке на краю света. И с ними благодаря Сошествию Духа Святого и обрели общение Апостолы – стали понимать язык монголов.

Так трагические события, которые переживала захваченная и разорённая монголами Армения и её восточный край Карабах, отразились не только на Гандзасаре и его строителе – славном князе Гасане

Джалале Дола, но и стали сюжетом для сотен и сотен миниатюр не только в Армении, но и в Риме, в Константинополе – во всем христианском мире. И не простых миниатюр, а находящихся в составе главной христианской книги – Священного писания.

Взгляните, как изобразил великий Торос Рослин «Сошествие Святого Духа на Апостолов».

По подсчетам Врежа Нерсесяна, в мире сохранилось около 26 тысяч армянских манускриптов. В Британской библиотеке их всего около двухсот. Кажется, что сравнительно небольшая коллекция, но в ней представлены основные направления развития армянской книжной культуры и литературы, основные очаги письменности.

Вот я вижу немало киликийских рукописей, начиная с очень ранних, XII века, их стиль только складывается, но обещает блестящий расцвет в XIII веке с его художественной вершиной – Торосом Рослином. В британской коллекции представлены такие цветущие центры создания манускриптов в Киликии как столичный Сис, Грнер, Вахка, Дразарк. К ним в XIV веке присоединяется Гладзор, представленный выдающимся мастером Торосом Таронаци, и Султания – город-призрак, до сих пор не найденная столица туркменских племен, захвативших Армению. Где она находилась? В Арцахе или на Севере Ирана? Где Султания, мы не знаем, но кто украсил эту рукопись, знаем очень хорошо: это Аваг, творец редких по красоте и скрупулёзности, столь небольших по размеру, но монументальных по духу миниатюр.

В моем рассказе о парижской Национальной библиотеке до сих пор ещё ничего не сказано об армянской средневековой медицине, хотя врачи-армя-

не славились от Киева до Гибралтара. А книги армянских врачей Мхитара Гераци и Амирдовлата Амасиаци пользовались огромным авторитетом: в них сконцентрирована вся врачебная мудрость античности, арабской и вообще восточной медицины. В прошлые века, как и в нашем XXI веке, люди любили лечиться. Врачевание особенно было необходимо и насущно для постоянно разоряемой Армении. Со страниц древних манускриптов в памятных записях постоянно слышны голоса, исполненные заботы о сохранении медицинской книги. Так известный врач из XVII века Бунят Себастици, бежавший из горящего города, еле спасший книгу Амирдовлата, пишет: «Мы прибыли в Марзван и велели переписать эту книгу с Божьей милостью. Отцы и братья! Умоляю вас, если будете читать её или переписывать, обращайтесь с нею очень бережно. Это очень ценная, достойная всяческой похвалы книга. И кто с любовью изучит это искусство, увидит много пользы...»

Благодаря Врежу Нерсесяну я смог получить для изучения и развернуть замечательную рукопись Британской библиотеки – главное сочинение Амирдовлата. Название его проставлено как в медальоне в орнаментированной заставке: «Если хочешь стать учёным, воспользуйся книгой, её недаром зовут – Ненужное для неучей». Книга переписана при жизни Амирдовлата в 1490 году по его заказу. Сам врач рассказывает о ней в стихах:

*Четыре года, день и ночь,
Без усталы работал я.
Из многих списков завершил я этот
Из слов врачебных всё, что смог найти,*

*Собрал и написал я
На многих языках – их пять:
Армянский (мой родной)
И греков, и арабов речь,
И персов, тюрок языки,
Латыни тоже есть немного.
Расположил я все слова,
Названья всех лекарств и трав,
Как повелел армянский алфавит:
И с буквы «Айб» начав,
Я завершил словарь в конце
Словами, что приведены на «Фе».*

В книге множество рецептов на все случаи жизни. Их достоинство – все они составлены на основе натуральных ингредиентов – это травы, цветы, плоды, минералы. Никакой химии, которой нас сейчас травят. Все эти растительные и другие натуральные вещества в книге Амирдовлата даны на пяти языках! Стихотворение Амирдовлата заканчивается так:

*Я врач Амирдовлат и сын Егии,
Рождённый в граде Амасии,
Живущий ныне в Византии,
Молю перед Христом отцом,
Чтоб милосердным был с писцом
И мною – книги сей творцом...*

Амирдовлат много путешествовал, изучал природу на Балканах, в Иране, в Малой Азии. объездил вдоль и поперёк Армению и Западную, и Восточную, бывал в Карабахе с его обилием трав и цветов, кристально чистыми водами, с зарослями шиповника

и ежевики, обильно плодоносящими тутовыми деревьями. Он был поэтом и географом, ботаником и астрологом, знал взлёты и падения. И в конце жизни мог сказать: «Много я видел зла и добра, и теперь дошёл до такого состояния, что ни богатству не радуюсь, ни в бедности горевать не буду».

...Я заканчиваю перелистывать манускрипт Амирдовлата, рассматриваю его не слишком богатые украшения, книга-то научная, требует максимально точного воспроизведения растений. Но вот последняя страница и на ней скорбная приписка: «В четверг 8 декабря 1496 года скончался во Христе врач Амирдовлат, автор сей книги...» Книга-памятник, книга-хачкар... Судьба человеческая уместилась в эти две строки. Долго стою с этим манускриптом в руках...

Дни шли за днями, и вскоре я смог убедиться, что наиболее изученной частью английской коллекции армянских манускриптов Британской библиотеки являются книги Евангелий. Недаром Вреж Нерсеян посвятил своё фундаментальное исследование именно им, это, как говорится, его конёк. И тут уже не суть важно, где создана рукопись – в Арцахе или в Киликии, к Священному писанию прибегали христиане повсюду в Армении.

Вот и это Евангелие создано в Аваг-ванке – монастыре, расположенном неподалёку от Ерзинджана, на горе Сепух. Оно так и называется Евангелие Аваг-ванка.

У меня по этому поводу есть одно дорогое воспоминание. Много лет назад мы с моим другом Арташесом Матевосяном, великим знатоком рукописной книги, собирались отправиться в Англию, в Британскую библиотеку. Естественно, Артюша все-

ръем (как всегда!) взялся за изучение армянских манускриптов в Великобритании. Тогда-то он высказал предположение, что и манускрипт Евангелия Аваг-ванка и всемирно известный Мушский Чарынтир, двухпудовый великан, самая большая пергаменная рукописная книга, переписаны тем же гричем Варданом-дпиром. В пользу этого предположения говорило и совпадение имени, и время их создания – 1200-1202 годы. Решающий аргумент – совпадение почерка, одна рука, но для этого надо бы Артюше побывать в Лондоне. А вот этого-то, к сожалению, не произошло: Артюшу не пускали за рубеж (был в плену!). Боже, от какой чуши зависит порой судьба науки! Так он и умер, Артюша, нигде не побывав. И я был счастлив прочесть в книге Врежа Нерсесяна то же предположение, что Вардан-дпир и есть тот самый! И подвигом было не только спасти манускрипт, донести его, разделив на две части, до русской границы, но и сесть и переписать обе книги – Мушский Чарынтир и Евангелие Аваг-ванк.

Или вот еще одно Евангелие, которое доверил мне подержать в руках Вреж – Евангелие из замечательного средневекового Университета Гладзора. Имя художника, который украсил своими миниатюрами текст, стоит под одним из портретов Евангелистов – это имя ведущего художника Гладзора Тороса Таронаци. В США в Лос-Анджелесе нам предстоит интересная встреча с ним.

Итак, Евангелия, возлюбленные Врежем... Его приверженность имеет глубокие причины, это не просто увлечение. Факт в том, что из 26 тысяч армянских манускриптов большинство составляют именно Евангелия. Об этом раньше как-то стыдливо

умалчивали. Но это так: тысячи и тысячи рукописей содержат один и тот же текст. И ради этого священного текста рукописи преумножали, берегли, спасали, выкупали из плена.

Я хочу сказать о том, какую великую роль сыграли Евангелия в судьбе армянского народа. Сохраняли веру? Да, конечно. Сберегали родной язык? И это так: Евангелия разговаривали по-армянски, не давали забыть родную речь, когда всё вокруг звучало на персидском, на турецком...

Но и не только! Постоянно переписываемые, тысячи раз повторяемые, эти бесчисленные Евангелия несли армянам духовные ценности христианства. Всем униженным и разорённым эти книги говорили о великом значении человека, о бесконечном милосердии, о Божией искре в его душе, придавали силу духа, мужество выстоять. Эти святые книги с тем же самым текстом навсегда связали армян с обширной семьёй христианских народов, сохранив их в лоне европейской цивилизации.

Эти тысячи манускриптов – и не что иное – спасли армян как народ.

Чтобы вы могли глубже почувствовать то, о чём я говорю, приведу один лишь евангельский сюжет «Тайной вечери», из любимых и часто варьируемых в мировом искусстве – вплоть до Леонардо да Винчи.

Хочу заметить, что миниатюристы Арцаха выработали для «Тайной вечери» особую форму: стол в виде окружности, а вокруг него уселись Христос и апостолы. У нас такое впечатление, что мы наблюдаем за ними откуда-то с высоты, словно из-под потолка – так решен этот сюжет в нескольких созданных

в Арцахе Евангелиях, как показал Гравард Акопян в своей книге «Искусство средневекового Арцаха».

Волнующим событием Тайной вечери, безусловно, является Омовение ног. Иисус зная, что скоро пройдёт его час, явил **делом** свою любовь: Он препоясался полотенцем и начал омыwać ноги ученикам. Когда же омыл ноги им и надел одежду, то возлегши, сказал им: «Ибо я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что я сделал вам.

Заповедь новую даю вам: да любите друг друга! Как я возлюбил вас, **так** и вы да любите друг друга.»

Глава шестнадцатая КАК Я УЗНАЛ О КРАСНОМ ЕВАНГЕЛИИ

Я услышал о Красном Евангелии в Матенадаране. Рассказал мне о нем Геворк, Юра Тер-Варданян, главный хранитель.

После того, как вместе с Артюшей мы просмотрели рукописи, созданные или хранившиеся в Арцахе, Юра аккуратно внес эту солидную стопку в хранилище и расставил по местам. Затем он присел за свой стол, указал мне место за близко стоящим столиком и начал говорить с таким видом, как будто все, что я видел до сих пор, это, конечно, очень интересно, но у него для меня есть нечто выдающееся. Именно с таким выражением он спросил: «А о Красном Евангелии Гандзасара ты слышал?» Я не слышал. Тогда Юра начал излагать мне историю потрясающей книги.

С трудом дождался я паузы в его рассказе и попросил скорей показать мне рукопись, при этом строил мину: мол, сам знаешь, лучше один раз увидеть... Я был уверен, что Юра отвалит тотчас же дверь хранилища и вернется с манускриптом. Но Юра только улыбнулся:

– Вот если мы с тобой когда-нибудь вместе отправимся в Соединенные Штаты, в Чикаго...

В 1988 году это звучало как: «Если мы с тобой полетим на Марс...» Тот давний разговор так ничем и не закончился, и я забыл о нем. Вспомнил об этом Евангелии полтора десятка лет спустя, по поводу не

совсем обычному. Уже была задумана эта книга, уже я совершил не одно путешествие по Арцаху, и вот, готовясь к очередной поездке, разрабатывая маршруты, натолкнулся на необычное название церкви в центре Арцаха – Кармир Аветаран. Оно переводится на русский как Красное Евангелие. Тут-то я и вспомнил рассказ Юры, вновь спросил его о манускрипте в Чикаго. Нет ли в нём каких-то указаний, что он находился в этой церкви, ведь недаром же церковь так называется?

Юра пообещал мне кое-что дать. Сказал и не забыл. Через несколько дней с точностью редкой не только для армян, он подал мне ксерокопию своей давнишней статьи. Я с благодарностью ее взял, тогда же прочел, внимательно рассмотрел нечеткие газетные иллюстрации. Эта статья оказалась интересной сразу в нескольких отношениях. Во-первых, так сказать, выходные данные.

Она была опубликована в газете «Советский Карабах» от 13 апреля 1990 года, более двадцати лет назад. Я попытался представить себе, что такое апрель девяностого, да и весь этот год в Армении и в Арцахе. Обратился к своему дневнику. Из него можно было понять тогдашние настроения в Ереване. Все были, конечно, «за» свободный от Азербайджана Арцах, публиковали статьи, выступали по радио, по телевидению, в том числе и я, грешный; как могли мы поддерживали армян в Арцахе, вдохновляли, показывали их многовековую связь с историей, с исторической родиной.

Вот с этой целью была опубликована и статья Юры в подцензурной тогда азербайджанцам газете «Советский Карабах».

Судьба всего одного манускрипта, его история и приключения на земле Арцаха в то время были не просто любопытными страницами истории, но ещё одним живым и достоверным подтверждением древности пребывания не азербайджанцев, а именно армян в Карабахе, несомненной принадлежности этой земли именно армянскому народу. Это был прозрачно завуалированный (ведь, подчеркиваю, газета была под цезурой) призыв: «Армяне! Это всё ваше, родное. Воюйте, защищайте Родину!»

А я по этой статье впервые познакомился с Красным Евангелием: всё для меня было важно – когда и в каком месте была создана рукопись. Ответ был огорчительный – место и год создания Красного Евангелия неизвестны, главный ишатакаран, т.е. памятная запись, утрачен. Но по косвенным признакам предполагалось, что это конец XII – первые 10-летия XIII веков. Среди возможных мест, где мог быть переписан и украшен текст, указывалась столица багратидского царства Ани или окружающие ее монастыри Оромос, Хцконк. Может быть, и влиятельный монастырь АХІпат, многими нитями связанный опять же с Ани.

Но меня, в первую очередь, интересовал Арцах. Однако, слава Богу, одна из памятных записей на страницах рукописи указывала на две важных вещи: в 1232 году рукопись была приобретена и привезена в Арцах, а приобрели ее два брата-священника из монастыря Гандзасар, духовной столицы Карабаха. Кстати сказать, главный собор – украшение монастыря, подлинная жемчужина архитектуры – еще только строился, он будет завершен в 1238 году. Где,

в каких ещё местах, побывал манускрипт за время своей жизни на арцахской земле?

В одной из памятных записей сообщается, что, по неизвестным нам причинам, Красное Евангелие покинуло Гандзасар и переместилось в расположенную на высоком плато близ берега реки Трту (Тартар) крепость Шикакар или в рядом лежащее село Караглух. Точно где оно было, сейчас установить трудно. В одной из памятных записей упоминается церковь Сурб Аствацацин, Пресвятой Богородицы, которая до сих пор сохранилась, хотя и в позднем перестроенном виде в селе Караглух. Но церковь с тем же посвящением могла быть и в самой крепости Шикакар, в цитадели, где ещё видны следы многих строений.

Крепость Шикакар долгие века была прочным звеном в кольце крепостей, которые окружали и защищали княжество Хачен, сей островок армянской независимости. Эти надежные крепости хранили от разорения и сам монастырь Гандзасар. Со своих наблюдательных башен они могли перекликаться друг с другом, перемигиваться, обмениваться знаками, заблаговременно – огнем и дымом – сообщая всей цепи укреплений о приближении врага.

Среди немногих памятных записей, как сообщал Юра, что еще можно прочесть в Красном Евангелии, мы находим имена двух князей, братьев – Марзпана и Мамикона, по-видимому, из младшей ветви рода владетелей Хачена. И хотя в самой памятной записи, посвященной им, не сохранилась датировка, о времени жизни братьев можно судить по надписи на церкви Анапатского монастыря в Кошик, неподалёку от ныне существующего древнего, известного с

IX века армянского села Колатак. Я был в этом монастыре, видел в главной церкви длинную надпись на торце алтарного возвышения, где сообщалось, что братья-князья построили эту церковь в 1265 году.

То было тяжелое время для Армении и Арцаха – засилье монголов, вспышка их особой жестокости. Мы не знаем, при каких обстоятельствах и когда Красное Евангелие покинуло Гандзасар, но скорее всего после убийства Гасана Джалала Дола, когда монголы захватили и разрушили крепости Хачена, ограбили Гандзасар. И это очень может быть. Невольно связываешь перемещение Евангелия с трагическими событиями: сначала со смертью жены «царя царей» Гасана Джалала Дола – Мамкан. Хасан горько оплакал ее – есть надпись на листах манускрипта, ныне хранящегося в Матенадаране.

Перевод этой памятной записи, сделанной рукой Гасана Джалала Дола, датируемой XIII веком, впервые выполненный академиком Иосифом Орбели, даёт нам образец этого стиля – выражения высокой скорби. Подробно об этом рассказывает сам Иосиф Орбели в своей работе «Гасан Джалал, князь Хаченский». Кстати, приведем перевод имени князя по Орбели. Это всё арабский язык, язык культуры того времени, как мы ныне, скажем, носим библейские и древнееврейские имена. Итак, Гасан означает красивый, Джалал – слава, величие, Дола – богатство. Это всё символы, с которыми ассоциировались судьба и деяния знаменитого князя Арцахского или Хаченского. Орбели открывает знатную родословную Гасана Дола, переводя впервые памятную запись в пергаменном Уставном Евангелии, которое тогда хранилось в Эчмиадзинской библиотеке, а ныне в Матена-

даране (№378). Естественно, я взял его в хранилище и много часов провёл над этим манускриптом.

Князь Вахтанг умер ок. 1240-41г. Достраивать Гандзасар стали Гасан и его матушка Хоришах. Сохранилась надпись 1240 г. на одной из стен храма, Дола пишет: «Отец мой при кончине завещал мне и матери моей Хоришах, чтобы мы достроили церковь в Ганзасаре, усыпальницу предков наших...» Она умерла ок. 1260-61г., и в том же году в Казвине по приказу его врага Аргун-хана был зарезан и сам Гасан Дола, чье тело расчленили. Но, каким-то образом, оно было собрано, перевезено в Арцах и захоронено в усыпальнице Гандзасарского собора. Так погиб мощный властитель, князь арцахской земли. Духовные ценности, собранные и охраняемые им оказались в опасности, и кажется естественным желание спрятать Красное Евангелие. И впрямь, решение перевезти столь драгоценный манускрипт из духовной столицы в отдаленную крепость не могло быть принято без серьезных причин. При этом важно, что владельцами его стали второстепенные князья, а местом пребывания – сторожевой Шикакар, церковь Сурб Аствацацин. Всё это косвенно свидетельствует об ослаблении центральной власти в Арцахе. И, косвенно же, приблизительно определяет возможную дату перемещения Красного Евангелия в Шикакар – 1281 год.

Памятная запись, посвященная братьям-князьям, рассказывает нам о том, что, отдавая манускрипт в храм, они освободили эту обитель от подати и оговорили новые обязанности монастырской братии: посвящать регулярную заупокойную службу памяти родителей князей и их близких родственников.

Чтение памятных записей на страницах Красного Евангелия – дело чрезвычайной трудности, в чем мне еще предстояло самому убедиться: неразборчивость почерков, утраты строк и целых абзацев, а иногда и всей записи, которая когда-то читалась и была опубликована, а ныне практически исчезла. Но все это позволяет сделать вывод, что манускрипт был на арцахской земле где-то до XV века. При этом он, что называется, не сидел на одном месте – перемещался из монастыря в монастырь, менял хозяев, попадал в чужие руки, бывал выкуплен. И эта его «непоседливость», непостоянство – ещё один показатель неустойчивого, опасного времени: вслед за монголами, пришел завоеватель Тамерлан, Ленк Тимур, Железный Хромец, а его сменили туркменские племена. О страданиях армян в рукописи прямо ничего не говорится, мы видим их через судьбу самого манускрипта – в ней путь и судьба народа. Я смутно надеялся обрести какое-нибудь историческое свидетельство, связанное с пребыванием манускрипта в церкви с чрезвычайно редким названием (и явно не случайным!) – Кармир Аветаран, Красное Евангелие.

Туда и предстоит моя очередная поездка. По привычке с утра поглядываю в окно: какова погода? Вглядываюсь в цепь невысоких гор на горизонте. Если они освещены солнцем – хорошо! Когда же горы слегка затянуты туманом или кучевые облака толпятся над ними – тоже ничего, на месте может быть сносная погода. Когда накрапывает или даже льет дождь, да и самой цепи гор не видно – это не беда, доедем до места, там поглядим, в горах всё бывает. Этой бесприкрытой мудростью руководс-

твуюсь и на этот раз, отправляясь туда, где находится Кармир Аветаран, но не рукопись, а церковь.

В девять утра белая «Нива» уже стоит у подъезда гостиницы, в ней сидят друзья, сопровождающие меня в путешествиях по Арцаху: «Поехали?» – «Поехали!»

Любая поездка в Арцахе, кроме самых первых, идет сначала по знакомым местам, дорог всего несколько, вот и выбирать, собственно, не из чего: на Север ли едешь, на Юг ли – всего одна стратегическая дорога Север-Юг, сооруженная благодаря зарубежным спонсорам. Вот и эта идет на Юг мимо Шуши, через деревню Шош по пути к Амарасу – древнейшему храму Арцаха, с него началось в IV веке христианство на карабахской земле.

Сворачиваем налево на путь, мной ещё не хоженный, в места удивительные, исторически богатейшие. Здесь по склонам гор, ведущим к Амарасской долине, по берегам реки Амарас и ныне встречаешь многолюдные богатые армянские села. Но всё равно их не сравнить с тем, что было здесь восемьсот–тысячу лет тому назад и даже ранее. Все это пространство было густо заселено, стояло множество церквей, монастырей, резиденций владетельных князей-меликов. На каждой вершине – Сурб, место поклонения и молитвы. Одна из гор и сейчас называется Лусаворич, в честь Григора Лусаворича. Сёла тогда тянулись сплошной лентой, славились промыслами, особенно гончарными. На шумные ярмарки сюда съезжались даже из Дагестана, Баку, Тавриза. Теперь от всего этого осталось то, что в специальной литературе называется «селищем» – неясные следы

на земле, заброшенные кладбища, руины церквей, замков, крепостей.

А какие замечательные названия донесли до нас письменные источники и сберегла народная память! Одна церковь называлась Красной, другая – Евангелием (это кроме Красного Евангелия!); несколько церквей посвящены памяти мучеников; есть монастырь, в котором сохранилась церковь, где по легенде под алтарем был похоронен Егише, героический инок, принявший участие в Аварайрской битве 451 года, а затем воспевший подвиг армянского народа в своей героической истории «О Вардане и войне армянской». Егише, возведенный в святой чин, был погребен – я прежде не знал этого! – в арцахской земле.

Те же исторические источники, которые рассказывают о богатстве окружающих мест, раскрывают и свои черные страницы: как и когда сёла, церкви и вообще вся разнообразная человеческая жизнь с ее вечными надеждами, трудами и борьбой превращалась в мёртвое, едва заметное ныне селище. Они называют и виновников этих опустошений и гибели. Это и арабы, и персы, и монголы, и турки – все те, чьи смертоносные полчища ринулись на эту землю.

... И при советской власти были разрушены многие памятники христианства: так, в храме святого Григориса, летней резиденции амарасской братии был устроен склад, разломано алтарное возвышение, а камень пущен на загородки склада.

В селе Керт, куда мы приехали, церковь Пресвятой Богородицы еще с довоенных времен была превращена в клуб и позже перестроена – снесли церковную главу. Но ее стены и крыша сохранились: ра-

дует глаз красивый портал с хачкаром, вырезанным в стене над входом.

Мы не стали заходить в эту сравнительно новую церковь, спешим увидеть церковь Красное Евангелие. Но никто не знает, где она находится. Как всегда это бывает в сельской местности (да и в России тоже) скоро собралось целое вече, начались споры. Нас отправляли в соседние деревни там спросить. Но мы стояли на своем. Развернули на капоте машины карты, раскрыли книгу Шаэна Мкртчяна, где сказано, что церковь, а вернее, матур – часовня находится здесь.

– Вот смотрите, что написано: «В Керте, в местности, называемой Татунц-тап до сих пор сохранились следы часовни-святилища Кармир Аветаран, Красное Евангелие...»

Где эта Татунц-тап? Никто не знал.

– Может быть, Араби-тап? – высказывались предположения.

– На склоне той горы? Говорят, там, стояли лагерь арабы в УШ веке...

– Пойдемте, я вам покажу, – сказала неожиданно подошедшая к нам плотная, на вид уже пожилая крестьянка. Впрочем, она была в том неопределенном возрасте, который довольно рано наступает у женщин, тяжело работающих. В ширину она была почти такая же как в рост, напоминая курицу-наседку, всем широким телом и растопыренными короткими крыльями берущую под защиту цыплят. Мы стали подниматься вслед за ней по крутой и грязной после недавнего дождя улице с выступающими камнями. Оглаженными тысячами ног.

Поскольку село не кончалось, и окрест не видно было какой-то особой отделённой от него местности

Татунц-тап, а вокруг ничего не говорило о хоть каком-то присутствии храма – справа и слева шли обычные дома, усадьбы, каменные заборы – я не поверил этой женщине. Но вот она отомкнула какую-то дверь, будто бы в сарай и зашла туда как за прилавок; там стала за столом, украшенным дешевыми бумажными иконками, закапанным догоревшими свечками, и ждущей покупателей связкой новых свечей, похожих на тонкие не очиненные карандаши.

Я заглянул внутрь – пространство, открывшееся в глубине за столом поразило меня. Грубой кладки стены уходили вверх. Было непонятно, откуда взялась такая высота в похожем снаружи на сарай помещении. Действительно когда-то это была церковь! Но что это? Где-то в высоте виднелись мощные балки, вставленные в пазы: когда-то они поддерживали пол второго этажа, и еще там видна была дверь, ведущая неизвестно куда. Была ли это попытка использовать церковь под жилье или что-то оригинальное было в строении самой церкви? Ответа на этот вопрос получить было не у кого.

Я оставил денежку и возжег свечки, думая при этом: «Эти во здравие... Эти за упокой души...» Как стремительно с каждым годом растет число поминаемых за упокой!

...Потом женщина повела нас по слякотной и стоптанной тропинке вдоль церковной стены. Мы завернули за угол и увидели крупную кладку стены, очень знакомую, характерную для многочисленных арцахских базилик: полосы грубо обломанных камней на известковом растворе. Там и сям, чтобы сохранить строй ряда, в цемент вморожены мелкие камни. Нарушен ритм. Это как прерывистое дыхание.

Заглядываю в узкое окошко, низкое, вросшее в землю. Да, несомненно, это был храм! Сквозь тьму, в скудном рассеянном свете, льющемся из открытой внизу двери виден высокий взлет стен. Строители этого храма из-за неровности рельефа углубились в тело скалы – вот почему так низко стоит окошко. Думаю, что при последующих перестройках люди захотели использовать высоту зала и устроили второй этаж. Но это было уже тогда, когда церковь перестала существовать как святилище духа. Ныне храм включен в надворные постройки, но дородная его хозяйка добровольно взяла на себя обязанность помогать верующим, приходящим в Сурб, поклониться святому месту.

Эта потерявшая былой облик церковь демонстрирует, кстати сказать, одну важную вещь. Я давно заметил это во время своих многолетних хождений по Армении: это верность армян своей церкви, далекая от всех формальностей. Сколько у нас на российских просторах, среди лесов и полей неразрушенных церквей. Всеми покинутых, молчащих и явно никому не нужных. Пустующих. Они ждут, когда же, наконец, официальная РПЦ найдет средства для возрождения храмов.

Не то в Армении! Сколько раз я видел, как среди развалин, даже при одной сохранившейся стене храма, где-нибудь в малой нише, над которой куполом разворачивается бесконечное синее небо, стоят свечи, огарки, а рядом лежит коробок спичек. А то стоит железный короб о четырех ножках с песком, в который воткнуты уже оплывшие свечи. В округе на много вёрст нет никакого священника, но люди приходят сами. Не по обязанности, а по вере.

Так и в этот, потерявший свой былой облик храм – тем более, что это рядом, близко, в своей же деревне, приходят люди, чтобы помолиться, и добрая женщина эта, добровольная смотрительница храмовых стен, помогает им, согревает добрым словом.

Поняв, что церковь Кармир Аветаран найдена, и успокоясь, я стал снова внимательно и подробно разглядывать пространство и заметил гладкотёсанные камни входа, наводящие на мысль о былом церковном портале. Оценивал высоту внутреннего пространства. Нет, здесь когда-то была именно настоящая церковь, не часовня.

Судя по памятным надписям в Красном Евангелии, которые удалось расшифровать ученым, оно долго и, скорее всего, в XV веке могло храниться здесь, в этой одноименной церкви рядом с селом Керт. Думаю о манускрипте Кармир Аветаране, нашедшем свое пристанище где-то далеко за океаном в библиотеке Чикагского университета. Вспоминаю статью Юры Варданяна о «Красном Евангелии Гандзасара» и не совсем понимаю, почему оно именно «Гандзасара». Ведь оно не было создано в этом монастыре, и большую часть времени находилось вне его стен. Как раз может быть, оно долго хранилось в этой, ныне разрушенной церкви, оставив ей свое имя. Этого нельзя доказать, но нельзя и опровергнуть: в пути манускрипта через века зияют лакуны, пробелы: неизвестно, где оно находилось многие годы. А то, что эта церковь, потеряв свой прежний вид, сохранила свое имя и что здесь до сих пор молятся – это ведь о чем-то говорит?! Неслучайно это.

Возвращаемся. В этой местности повсюду шли дожди – недаром туманились утром горы, когда я

разглядывал их из окна гостиницы. И хотя небо почти всё очистилось, серое тяжелое облако зацепилось за невысокую гору, поит ее своей влагой. А дорога жадно впитала в себя лужи, посветлела, просыхает. Едем весело, спускаемся. Завтра с утра нас ждет новое путешествие.

Но о нем позже, позже! Перескочим через солидный отрезок времени, через две поездки в Арцах, наполненные ежедневными путешествиями. Перенесемся в февраль 2008 года. Я отправляюсь в Америку, лечу в Чикаго с одной-единственной целью – своими глазами увидеть Кармир Аветаран, этот манускрипт с удивительной судьбой.

Глава семнадцатая В СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ

Итак, перенесемся в февраль 2008 года. Хотел сказать: в весну, но какая уж это весна в Москве в феврале – ветры, вьюги, мороз. Но то, что я вижу за окнами микроавтобуса – весна – настоящая, ранняя, как сонная улыбка, весна.

Автобус идет по Лондону в аэропорт. От моей тихой маленькой гостиницы на этот раз свернули налево, на переполненную машинами и двухэтажными автобусами Юстон-роуд. Я же каждое утро сворачивал направо, и через какую-нибудь сотню метров видел сквозную решетку ворот, искусно сваренную из повторяющегося литого имени – «BRITISH LIBRARY» – Британская библиотека. За воротами – двор, Исаак Ньютон – странный человек, склонившийся в три погибели и что-то измеряющий у ног.

Вход в библиотечное здание. Лифт. Тишина небольшого специального читального зала. Армянские манускрипты – один за другим, чтобы найти рукописные книги, созданные в Арцахе или проникнутые его благородным духом. Работа кропотливая и утомительная, право!

Но в последние дни я сворачивал на Юстон-роуд не направо, а налево. По счастливому стечению обстоятельств, второй объект в Лондоне, который я должен был посетить и где хранились армянские манускрипты, была библиотека со странным названием «Вэллком лайбрери», как будто она приветствует

вас, говорит «Добро пожаловать!» Позже я узнал, что доброжелательное название объясняется такой фамилией отца-основателя – сэра Генри Вэллкома, а сама библиотека – крупнейшее, может быть, в мире собрание медицинских текстов различных эпох и народов. Санскрит, древнееврейский, древнегреческий, латынь и ещё многие языки – живые и мёртвые. Несколько манускриптов на армянском. Жаль только, что нет среди них Мхитара Гераци и Амирдовлата Амасиаци – армянских классиков медицины. В этом смысле Национальная Библиотека в Париже и Британская библиотека, расположенная на той же Юстон-Роуд, значительно богаче.

Странная и счастливая встреча была у меня в Вэллком лайбрери. С Николаем Сериковым – Serikoff. Это оказался племянник моего товарища Саши Серикова, с которым мы работали много лет вместе в журнале «Огонёк». Как это часто бывает в подобных случаях за рубежом, мы сразу сблизились с Николаем, нашли общий язык и общие дорогие воспоминания, и скоро я с уважением сжимал в руках отлично изданную книгу его, посвященную коллекции манускриптов из его «родной» библиотеки; было там небольшое количество и армянских манускриптов. Николай позволил мне оперативно проглядеть их. Но ничего интересного для этой моей арцахской книги я не нашел.

Но вот сегодня я снова повернул налево – к аэропорту Хитроу, потому что улетаю в Америку.

...Едем по утреннему городу, который равнодушно провожает нас. Солнце стекает из боковых улиц, перегораживает наш путь ослепительными барьерами, а то жарко бьёт в глаза, вызывая дрему от всего

этого раннего утра. В ярком небе белыми вымпелами летят по ветру растрёпанные облака. А когда мы въехали в край одноэтажных одинаковых домиков, в палисадниках царили густо усыпанные цветами и оттого кажущиеся пухлыми ветви деревьев японской вишни-сакуры. Цвел миндаль. И яблони готовились распустить свои бело-розовые бутоны с кисловатым ароматом.

Я выразил удивление: февраль месяц, не рано ли? В моем представлении Лондон – это что-то более северное. Сидевший за рулем Овик сказал: это нормально. Здесь виноград растёт и даже инжир, правда, не вызревает, тепла мало. Такая здесь удивительная природа.

Я подумал: чего ж удивительного. Римляне были не дураки селиться здесь, в Британии.

– Такая здесь природа, я сам не ожидал...

В голосе Овика вместе с гордостью – вот, мол, в каком месте он теперь живёт – слышится ностальгическая нотка: в Абхазии, откуда армянские родители его бежали во время грузино-абхазской войны, инжир еще как вызревает и абрикосы тоже, и гранаты, а какой виноград! – Изабелла. Сухое вино Изабелла пили?

Пил, конечно. У меня на сей счет свои воспоминания: как однажды по дороге в Армению – дело было ещё в советские времена, и я не раз ездил в Армению на своей машине – у меня полетело сцепление. На автосервисе в Гаграх армяне быстро починили машину, а потом повезли ее обкатать в горы, в деревню, и там мы пили эту самую волшебную Изабеллу. А потом я без сил и без желания когда-либо подняться с земли лежал на голом пригорке и

смотрел в крупные звёзды, сверкающие прямо над головой.

Конечно, об этом я не стал ему рассказывать. Также, как и он мне не стал говорить о том, как они, бросив всё, бежали из Абхазии, хоть это и благословенный край, где вызревает инжир.

...Меня усадили у иллюминатора, и мы еще долго ехали по бесконечно огромному аэропорту Хитроу мимо целой крылатой цивилизации, мимо представителей незнакомых мне стран и даже, показалось мне, планет. Но взлетели точно по расписанию, что было удивительно, учитывая мой опыт полетов родными отечественными авиалиниями.

Мелькнула изогнутая как натянутый лук Темза. Показались уже знакомые мне с земли семейства домиков с их крохотными участками, разделённые улочками, ставшими с высоты нитяными. Чем выше, тем ряды домиков всё более напоминали бусы, нанизанные на нити. Потянулись поля за городом, одинокие дома на холмах, песчаные проплешины на пашнях. Постепенно вся картина стала затягиваться высотным туманом, сначала едва заметным, но постепенно белёсая пелена густела и наконец вся Британия потонула в испарениях весенней земли, как бы ушла в прошлое.

Много лет я не летал на дальних международных линиях, да к тому же на современных лайнерах. И мне был удивителен вид некоего устройства, установленного передо мной на спинке переднего кресла. На экранчике можно было смотреть фильмы, слушать концерты, но всего больше меня привлекла движущаяся карта нашего полета. Вот крохотный самолетик (наш!), не залетая в Шотландию, покинул

Англию, миновал Ирландию и вышел на просторы Атлантического океана, устремился к Гренландии...

Как говорится, свершается мечта идиота! Я лечу в Чикаго, чтобы увидеть Красное Евангелие.

Сначала об этом полёте мы не договаривались с карабахскими друзьями, которые финансировали мою зарубежную поездку. Более того, я сначала сказал постоянному представителю Арцаха, послу в Армении Карлену Ишхановичу, что поездка в Соединенные Штаты мне не нужна. Во-первых, я там был и видел армянские манускрипты в различных библиотеках, а, во-вторых, поездка слишком дорогая. За эти деньги можно многое увидеть в Европе, посетить несколько стран.

Буду откровенен. Вот такой, зарубежный, аспект поддержали два президента Арцаха. Сначала Аркадий Гукасян, а потом и нынешний президент – Бако Саакян. Им понравилось моё намерение поехать по европейским государствам, разыскать армянские манускрипты, созданные или сохранявшиеся в Арцахе, показать, каким уважением они окружены в разных странах, как исследуют их ученые, что даёт их присутствие в западной культуре. Короче говоря, я хотел поставить дары арцахской духовности в европейский контекст. Ведь в конце концов моя книга именно о духовной составляющей Арцаха. Я глубоко убежден, что духовная сила народа, его историческая память, его вера, язык, его храмы и древние книги, отчие могилы – всё это в неразрывном единстве находится в основе всех остальных «составляющих» – политической, экономической, военной, какой ещё?..

В соответствии с этим намерением я перерыл литературу, каталоги, просиживал штаны в читаль-

ном зале Матенадарана и только после закрытия, едва ли не последним уходил в мою квартирку, расположенную в пяти минутах ходьбы от Матенадарана, над «Пончиконоцем» – всему Еревану известному «Миру пончиков», любимому месту встречи школьников, студентов. И счастливых родителей, которые гордо ведут исвоих чад в сладкий пончиковый рай. А я гляжу на них со своего третьего этажа и радуюсь. И немного даже завидую: где-то сейчас мои две внучки? Старшая ходит в школу, в третий класс. Младшая, недавно научившись ходить, осваивает премудрости взрослой жизни.

Что же в результате мне удалось найти, какие арцахские ценности в Европе? В Германии наметился город Галле, где хранится иллюстрированное Евангелие из Арцаха, следует побывать также в Берлине и Мюнхене, там есть любопытные кандидаты-рукописи, надо их посмотреть на месте. По дороге, у истоков Рейна, в Швейцарии в городе Базеле, по некоторым сведениям, находится архив из арцахской Шуши, бывшей столицы Карабаха. Архив принадлежит евангелистам, которые ещё в середине XIX века переселились в Арцах, в основном, это были немцы. Они отправились в далёкий Карабах в ожидании предсказанного конца света, но он не наступил, а евангелисты с немецкой основательностью пустили корни на новой земле. Развели сады, стали делать вино. Но большевики изгнали их, слава Богу, что в лагеря не заключили. Так вот архив их, говорят, в Швейцарии.

А еще до Германии и Швейцарии следует мне завернуть в Бельгию и Голландию: по моим предварительным данным, там тоже в различных библио-

теках находятся один-два армянских манускрипта с неясным происхождением, похоже, что из Арцаха.

Вот такой был мой, прямо скажем, небогатый улов. И от него надо было отказаться ради Чикаго, ради Красного Евангелия, истратив деньги на путешествие в США. Почему?

Я специально еще ничего не говорил о том, как украшена эта рукопись. Но в той памятной статье Юры Тер-Варданяна было напечатано несколько чрезвычайно интересных иллюстраций, правда, по-газетному слепых. Там же Юра писал о работе нескольких художников над книгой. По этому поводу у меня возникли вопросы и желание самому во всем разобраться. Когда же я обратился к каталогу Аветиса Санджяна «Армянские манускрипты в США», замечательному исследованию, но без иллюстраций, я убедился, что Красное Евангелие – шедевр книжного искусства, вызывающий множество предположений и вопросов. Составить о них своё мнение я мог, только взяв рукопись в руки.

...Из Лондона в Чикаго лететь восемь часов, но я не замечал времени. Маленький самолёт на экране передо мной медленно двигался над глубинами Атлантики. Упрямо держал курс к Гренландии, а потом направился в сторону полярной Канады. Когда же мы были над ее закованными в снег и лёд пространствами, стала видна земля – без единого следа пребывания человека на ней. Я вспомнил наши полярные дали – та же картина. В своей гордыне человечество хочет осваивать Луну и Марс. Вот они, Луна и Марс – под самым боком со всеми своими сокровищами.

В Чикаго оказалась зима, да еще какая – с крепкими морозами, с пронизывающими кинжальными

ветрами. Недаром Чикаго так и зовется – «город, пронизанный ветрами». Я поселился на берегу озера Мичиган, одного из Великих озер, в тот период замерзшего, по крайней мере у берега, где я имел возможность это наблюдать.

Это был самый центр города, как раз неподалеку от друзы небоскрёбов (самый высокий небоскреб в Америке, оказывается, здесь), близ богатой картинной галереи, здесь она называется Институтом искусств. Чикагский же университет и интересующая меня библиотека находятся на окраине.

Каждое утро я отправлялся туда на городской электричке, вознесенной над поверхностью города, над его неприглядной изнанкой. А потом еще устремлялся в 57-ую стрит, шел в толпе студентов мимо улочек кампуса, хрустя ледышками и проламывая ботинками лед на лужах.

Вход в библиотеку, снег разметён на стороны. Стойка с пропусками. Вешаю шубу на плечики уже в самой библиотеке...

Предварительно мы, конечно, списались: я получил по электронной почте любезное приглашение и обещание помощи. Так сначала заочно, а вскоре и воочию я познакомился с Алис Шрейер, помощником Директора библиотеки по разделу Специальных коллекций и сохранения рукописей. В тоже время Алис – и это совсем для меня! – Директор исследовательского центра Специальных коллекций. Как я вскоре понял, именно в этих коллекциях и находилось, так и хочется сказать, моё Красное Евангелие.

Строгая, но способная широко и дружелюбно улыбнуться, Алис Шрейер скоро стала для меня примером, какими должны быть библиотекари, а чаще

всего это «библиотекарьши» у нас на необъятных просторах России – скромные, не ахти как, по общему мнению, образованные, на незавидных местах, с нищенской зарплатой. Какой там карьерный рост, «библиотекарьши» боятся потерять своё место, когда вокруг негде работать. Муж прокормит? Хорошо, если так...

Алис Шрейер получила серьезное гуманитарное образование в университете Эмори в Атланте, у нее звание доктора по английской литературе. Она *хотела* стать библиотекарем, поэтому в Колумбийском университете получила ещё специальное образование по темам «История» и «Собирание книг». Сначала она работала рядовым библиотекарем в том же Колумбийском университете, набиралась опыта. Что до зарплаты, она ее не волнует: если ты работаешь, ты достойно обеспечен. Так постепенно, с годами Алис добралась до Библиотеки Конгресса США, одной из трех крупнейших в мире. Работала в Центре книги, писала руководства для конгрессменов, путеводители по огромным коллекциям Библиотеки. С этого престижного места работы она перешла в библиотеку Чикагского Университета, опять же рядовым библиотекарем. И вот уже шестнадцать лет в Чикаго, и сейчас она – директор исследовательского центра специальных коллекций.

Эти коллекции представляют собой огромное богатство. Среди редких книг (а их 260 тысяч!) – издание Галилео Галилея с пометками его рукой, ранние издания прозы Джейн Остин и ранние же издания нот Фредерика Шопена. Особый интерес для меня представил раздел манускриптов, где хранятся фрагменты папируса П в., прекрасно иллюстрированные

Часословы XIV-XV вв. из Франции, 65 греческих, сирийских, эфиопских, арабских и армянских манускриптов Нового Завета.

Ведь Красное Евангелие – это как раз Новый Завет, часть его. Выяснилось, что в коллекции Чикагского университета есть еще одна армянская рукопись из круга карабахских манускриптов, которые меня особенно интересуют – из Шамхора. Теперь эта абсолютно закрытая прифронтовая часть Азербайджана была когда-то густо населена армянами, жили там и немцы-евангелисты. И в своё время она составляла часть равнинного Карабаха.

В коллекции Чикаго из Шамхора было Евангелие Хубана, названное так по имени его заказчика и первого владельца Хубана, сына Саркиса и Тилихан. Она не очень древняя, эта рукопись, XVII века. Как говорится в ее памятной записи, была переписана в 1670 году дьяконом Иованнесом. Мне показалось, что Красное Евангелие надо оставить, так сказать, «на десерт» и начать с более скромной шамхорской книги.

Я не мог рассчитывать на постоянное внимание Алис Шрейер, учитывая ее многочисленные обязанности и занятость. В первый день она недолго побыла со мной, передав меня библиотекарю Юлии Гарднер. И вот милая темноглазая Юлия усадила меня на свободное место в читальном зале и уже несет мне небольшого размера манускрипт...

...Евангелие Хубана – в коричневой кожи переплете с оттиснутым на нем рисунком. Начинается оно не с привычных хоранов, как я ожидал, а прямо с текста Евангелия от Матфея. Портрет Евангелиста отсутствует. Потом я узнал, что нет и других портретов Евангелистов. О чем это говорит? С некоторым

допущением можно предположить, что в создании манускрипта не участвовал художник (недаром он не упомянут в памятной записи); им, правда, мог бы быть и грич-переписчик текста дьякон Иованнес, который украсил манускрипт заставками, декоративными знаками на полях, небольшими рисунками – в основном, это птицы. Но, видимо, он не считал себя достаточно профессиональным художником, чтобы нарисовать портреты четырех Евангелистов или изобразить обычно искусно украшенные арки, порталы, так называемые *хораны*; в Евангелиях в них помещаются таблицы Согласования, помогающие читателю найти одинаковые события в четырех книгах о земной жизни Христа.

Но это предположение чисто умозрительное. С ним вполне равноправно может существовать и другое: Евангелие предназначалось для частного лица, Хубана, который не был князем-меликом или богачом, а создание манускриптов в то время стоило немало – и бумага, и переплет, и труд переписчика. Вот и решили, наверное, заказчики заказать книгу поскромней, подешевле – обойтись без портретов Евангелистов, без хоранов, иными словами – без оплаты труда художника. Правда, сами таблицы Согласования существуют в рукописи, однако же не в виде торжественно оформленных хоранов.

Вспомним, что это конец XVII века, время, мягко говоря, не самое благоприятное в Армении, да и в Арцахе для создания роскошных рукописей. На огромных территориях бесчинствуют турки, уже захватившие Константинополь. Их соперничество с Персией (Ираном) идет в основном на территории Армении, поделенной между ними. Это эхом отзы-

вается и на Карабахе, где армянские владельцы сохраняют относительную, вассальную независимость. Недостаток средств чувствуется и в архитектуре церквей, особенно сельских – я представил себе целый ряд их, они строятся почти без применения тёсаного камня: грубо ломают каменные плиты, из них выкладывают стены, густо связывая известковым раствором глыбы разных размеров. Такая ведь точно и церковь Кармир Аветаран, которую мы увидели на высоко вознесённой окраине села Керт.

Однако, оставим гипотезы, обратимся к самой рукописи: она отмечена ярким талантом своего создателя – ясные гармоничные краски радуют глаз, общий тон весёлый, праздничный. Манускрипт небольшой, размеры украшений в нём и того меньше, но всё четко, резко, почерк мелкий и ясный, легко читается. Портретов Евангелистов нет, но этого не замечаешь: каждое Евангелие открывается изысканным заглавным листом. Он заполнен ярко раскрашенными крупными буквами, блещет инициалом – сложно декорированной, самой крупной начальной буквой текста. И всё это покрыто словно драгоценным ковром прямоугольной заставкой. Рядом, на полях вырастает огромный, во весь лист маргинальный знак с крестом на вершине.

Такое общее наблюдение... Когда только начинаешь перелистывать новый манускрипт, многое сперва не замечаешь. Не понимаешь – что же самое характерное именно для этой рукописи? Что формирует впечатление от общения с нею? Но потом происходит какая-то вспышка, зрение проясняется. Такое произошло со мной, когда пролистав всё Евангелие от Матфея и затем полюбовавшись заглавным

листом следующего Евангелия от Марка, я углубился в текст. И заметил *оранжевый* цвет. Он мне встречался и прежде в рукописи, только я не обращал на него внимания. Я перевернул листы, вернулся назад, затем прошелся дальше по тексту и увидел, что оранжевый в одних случаях был поставлен рядом с салатным цветом, а в других случаях – с цветом малиновым. Это было необычайно красиво, такое гармоничное и благородное сочетание! И я начал замечать его везде – и в заглавных листах, и в маргинальных знаках – рисунках на полях рукописи. А иной раз – на пустынном развороте, где был только текст, без рисунков: его однообразие исчезало, потому что небольшие буквицы, обозначающие начало стихов, были попеременно то оранжевыми, то малиновыми. Эта цветовая особенность, найденная талантливым переписчиком дьяконом Иованнесом, освещала собой весь манускрипт, делала его неповторимым.

В моем поле зрения возникла Алис Шрейер, которая тихо вошла в читальный зал и глянула на меня с молчаливым ожиданием. Я посмотрел на часы – Боже мой, рабочий день почти закончился, я и не заметил! Мы договаривались, что Алис зайдет за мной и покажет кое-что из внутренней библиотечной жизни книг.

Мы зашли за стойку, за которой милые и любезные очень молодые люди принимали требования на литературу, выдавали книги. Наше действие, скорее всего, напоминало проникновение за прилавок магазина, когда заходишь в подсобку, на склад. И как там, здесь не было ничего особенно интересного – столы сотрудников с удобными лампами, ящиками

для бумаг, стойками для книг, компьютерами. На открытых металлических полках вдоль стен – книги с закладками, между ними для удобства проложены красные картонные разделители. Дневной свет, льющийся из ламп на потолке, не создающий теней.

В практически пустом зале мы коротко познакомились с единственными присутствующими обитателями – библиотекарем и ее подопечной, курносой симпатичной студенткой. То ли она, будущий гуманитарий, была здесь на практике, то ли уже сделала выбор, решила целиком посвятить себя библиотечному делу. Внешне одна не походила на другую, сходство их было в скромности облика: прямом, мы бы сказали, «деревенском» проборе волос, в простых очках от близорукости, однотонной одежде. И ещё в явном нежелании чем-то внешне выделяться, вообще довольно редком для женщин качестве. Тем они мне живо напомнили наших родных «библиотекарш», которых неласковая судьба разбросала по необъятным российским просторам.

Я несколько раз заговаривал с Алис Шрейер о том, что мне нужно получить не только сведения о манускриптах, но и снимки их для иллюстрации будущей книги. Самому мне она не разрешила фотографировать рукописи. Даже очень долго не давала разрешения, чтобы я снял ее портрет. Наконец, она завела меня в лабораторию, где пожилой мастер фотографировал отдельные листы из разброшированного манускрипта. Он хлопотал вокруг специального стола, на котором с великой осторожностью был помещен разворот неизвестной мне бумажной рукописи, долго устанавливал освещение, то открывая, то прикрывая металлические заслонки, регулирующие

потоки света. Взяв в руки небольшую резиновую грушу, что-то сдувал с листов, какую-то пыль, не знаю! Над столом был укреплен большой фотоаппарат.

Вся обстановка и объяснения, которые мне дал мастер по просьбе Алис Шрейер должны были убедить меня (и убедили!) что в библиотеке могут сделать прекрасную копию, причем сразу в цифровом виде то что мне было нужно. И скоро не надо будет приезжать в Чикаго и обращаться в Университет, чтобы познакомиться с рукописями. Оказывается, в библиотеке начато важнейшее дело – они намерены оцифровать всё самое ценное из своей коллекции и выставить на всеобщее обозрение в Интернете. И они уже начали эту работу.

– А что-нибудь из армянских уже готово?..

Алис назвала Евангелие Хубана, над которым я трудился всё утро.

– А Красное Евангелие?

– Пока нет... Вы сами увидите, это особый сложный случай. Но мы дойдем и до него. А Вы... Вы сможете с ним познакомиться и без Интернета.

Значит, Красное Евангелие будет завтра! Я вернулся в свой номер отеля в центре города, смотрел в окно на молчащие ночные небоскребы. На ряды светящихся окон в жилых домах с их неизвестной мне жизнью. Слушал нарастающий и убывающий железнодорожный шум проходящих недалеко от гостиницы поездов электрической дороги, вознесённой *над* асфальтом, светофорами, перекрестками. Завтра она снова приведет меня в Чикагский университет. Сидя в своем номере у окна, я немного подготовился к встрече с Красным Евангелием. Перечитал ксерокопию давней статьи Юры Тер-Варданяна, еще

раз внимательно – с ручкой в руках, подчёркивая нужные места, проштудировал всё, что есть о Красном Евангелии у Аветиса Санджяна в его знаменитом каталоге.

Когда человек живет долго и долго занимается чем-то одним, то для него каждое название известной книги по специальности, каждое имя из научного круга тянет за собой ассоциативную цепочку воспоминаний, иногда даже живых картин, хотя, к сожалению, с годами воспоминания всё чаще бывают связаны с уже ушедшими. Вот и Аветис Санджян...

Моя встреча с ним и наша короткая деловая связь тянутся из трагического декабря 1988 года, когда в Армении произошло землетрясение. И мы гадали: ехать – не ехать в Америку? Полетели. И увидели, как потрясло это несчастье с Арменией всю Америку. Тогда мы снимали серию фильма «Матенадаран» об армянских манускриптах в США и куда мы ни приезжали, мы были невольными свидетелями всеобщего сочувствия и желания помочь бедствующей стране. А были и такие поступки, от которых у нас слезы подступали к глазам. Об этом маленьком мальчике, например, нам рассказал в церкви св. Марии в Вашингтоне священник Тер-Вртанес: мальчик принес ему копилку со всеми своими сбережениями. И в те дни у него побывало немало ребят, которые принесли подаренные родителями деньги им на подарок на Рождество (дело было как раз в декабре). Я и сам видел двух молодых чернокожих, которые пришли в церковь – там в задних помещениях паковали посылки для Армении, и парни сказали: у нас нет денег, но есть свободное время; мы готовы помочь, только скажите чем. Мы не чуждаемся любой работы. Что-

нибудь запаковать, принести-отнести, отправить?.. А каким трогательным был бесконечный поток писем с вложенными в них долларами, который шел в адрес Армянского Всеобщего Благотворительного Союза!.. Мы видели это и снимали...

В Соединенных Штатах оказалось много армянских манускриптов. Каждый университет – а их в Америке множество! – считал делом чести хранить в своей библиотеке хотя бы одну рукописную книгу из Армении. Богачи, собиратели исторических и художественных ценностей нанимали специалистов, и те разыскивали и приобретали для них подлинные шедевры, которые я видел в Нью-Йорке в библиотеке Пирпонта Моргана, в Балтиморе в галерее Уолтерса, в Вашингтоне в художественной галерее Фриера.

Но самое большое собрание армянских манускриптов в Америке – 190! – было в Лос-Анджелесе, в библиотеке Университета Южной Калифорнии. Кроме рукописей, там было ещё более 20 тысяч различных книг армянского фонда. Руководил всем этим богатством как раз Аветис Санджян, он же заведовал в Университете арменоведческой кафедрой, которая готовила специалистов по армянскому языку и культуре.

На вид Аветис – типичный армянин. Я хотел привести пример, почему именно он – «типичный», но затруднился. Слегка удлиненное лицо, чуть свисающий нос? Мягкие очертания фигуры, соответствующие уже не молодому возрасту, но не толст. Умное, доброе выражение лица, постоянная готовность что-то сделать для вас. Это всё, согласитесь, черты совсем не только чисто или типично армянские. Но вот в чем он именно армянин – это по судьбе: Аве-

тис потерял свою семью в 1915 году, его шестеро братьев были убиты во время геноцида армян. Он рос в лагерях беженцев в Ливане, Сирии, учился в Иерусалиме. Здесь он сделал первые шаги как исследователь и историк, арменовед. В Калифорнию он приехал уже известным ученым. Наше знакомство с Аветисом Санджяном совпало с волнующим и ответственным периодом его жизни. Он привез из Ирана целую библиотеку армянских манускриптов и старопечатных книг, которую по его рекомендации приобрел его Университет за 200 тысяч долларов. Теперь надо было всё это изучить, освоить.

Когда сейчас я просматриваю свои записи, смотрю на них сугубо «арцахскими» глазами: мне из всего богатства хочется выделить всего один манускрипт. Но какой! И Аветис Санджян нашёл его таким раритетом, что решил осуществить его факсимильное издание. Поскольку меня отделяет от той встречи с Санджяном более двадцати лет, могу сказать, что было потом: сначала вышла книга, целиком посвященная исследованию этой самой, одной-единственной рукописи. А затем было и ее факсимильное издание.

...Но тогда, к моменту нашей встречи, еще только шла подготовка к фотосъемке манускрипта: он был разброширован, отделен от переплета, разобран по разворотам. И мы вместе рассматривали уже не целую книгу, а частями, отдельно переплет с лаковыми миниатюрами персидской работы, отдельно листы с хоранами, отдельно портреты Евангелистов, отдельно миниатюры в тексте, а их было очень много.

Позднее я узнал из книги две вещи, которые очень запомнились мне: во-первых, был произведен тонкий химический анализ красок, которыми

были написаны миниатюры. И состав их отличался от византийских красок и красок латинского Запада – они были армянскими. Во-вторых, над украшением рукописи работали не один, а пятеро художников. И самое главное: среди них впервые в истории армянской миниатюрной живописи встречаются ранние работы Тороса Таронаци. Собственно о Таронаци упоминал еще при нашей встрече Аветис Санджян. В книге было дано научное обоснование этому открытию. Работы Тороса Таронаци в рукописи указывают сразу на два обстоятельства: на время создания манускрипта – в начале XIV в. (молодость художника приходится на этот период) и на место создания – знаменитый Гладзорский университет. Там среди других факультетов был художественный, где обучали мастеров книги – писцов, миниатюристов, может быть, переплётчиков, чеканщиков, ювелиров. Там среди учеников был и молодой Торос, которому суждено было стать одним из крупнейших мастеров армянской миниатюры.

В мире, к счастью, сохранилось немало его книг. Я видел их в Венеции и в Лондоне, в Исфагане и в Вене. А среди богатого собрания книг Тороса Таронаци, хранящихся в Матенадаране, даже есть одна, где художник нарисовал свой портрет.

Естественно, тогда, двадцать лет тому назад я восхищался ранними миниатюрами Таронаци, угадывал в них уже заметную индивидуальную его манеру. Что же заставило меня сегодня вновь взглянуть на манускрипт уже «арцахскими глазами»? Конечно, история его скитаний.

Созданная в Гладзорском университете, позже эта рукопись попадает к владельцам тех мест, князь-

ям Орбелянам, наверняка, в их духовный центр Нораванк. Потом была она захвачена войсками Тамерлана – вот тут-то ее путь пролегал через Арцах – Нагорный или равнинный Карабах. Сколько лет провела рукопись на арцахской земле? В какой церкви или монастыре хранилась? Об этом манускрипт хранит молчание. Неведомо каким путем оказался он затем в Грузии. И вот там его отыскивали и выкупили монахи знаменитого монастыря Айриванка – Гехарда.

С тех пор эта рукопись хранилась там как великое сокровище – в стенах этого заглублённого в скальную толщу монастыря. На страницах книги была сделана потрясающая надпись, Аветис Санджян показывал мне её. По мере сил постараюсь ее перевести:

«Мы, слуги Господа и вардапеты из монастыря Айриванк, перед Богом даем клятву: никто – ни князь, ни миряне, ни духовные лица не имеют власти вывезти эту книгу из Гехарда в качестве ли подарка или кражи. А кто посмеет продать рукопись, пусть его судят Бог и все Святые. Наравне с Каином и Иудой, и вероотступниками пусть его мучает Сатана, и будет он навечно проклят людьми...»

Кто же не побоялся и нарушил эту страшную клятву? Как манускрипт попал в Иран? Надписи в рукописи этого не объясняют. Так или иначе, армянин, продавший свою библиотеку в Америку за крупную сумму, только один манускрипт *подарил* Санджяну, самый ценный – именно это Евангелие. Денег не взял, испугался древнего проклятия.

...Вот и это Евангелие, с молодым Торосом Таронаци в нём, в скитаниях своих не избежало Карабаха, разделив арцахскую судьбу очень многих важней-

ших манускриптов. И среди них, конечно, Красного Евангелия.

Об этом я размышлял вечером в своем гостиничном номере, прислушиваясь к нарастающему, как накат волны, звуку поезда, мчащегося по эстакаде почти под окнами гостиницы – по вечернему Чикаго, уже затеплившему бесчисленные огни в многоэтажных башнях.

А утром во время завтрака в гостиничном кафе я рассматривал солнечный мир снаружи – через окно шло жаркое сияние, и всё там казалось мне праздничным – нарядный парк напротив вел прямо к туманной дымке, к берегу озера Мичиган. Потоки сияющих лаком автомобилей замирали на красный и резко брали на зеленый, мчались мимо моего окна по чистому, мягко светящемуся асфальту, словно размягченному от жары. Празднично трепетал красно-белый со звездами американский флаг, словно рвался в полёт к яркому небу. Впечатление было не зимнее, а прямо-таки летнее. Но когда я вышел на воздух, то задохнулся от ледяного ветра. Не знаю, сколько уж там было градусов мороза, но пока я дошел до входа в тихую подземную станцию электрички, весь заоченел.

Напротив, кампус университета встретил меня затишьем и уже знакомыми студенческими забегалками, крохотными книжными магазинчиками, уютными коттеджами с аккуратно заметёнными дорожками. Ледяные лужицы на асфальте казались голубыми оконцами, и даже льдышки под ногами не так оглушительно крошились, а мирно хрустели как льдинки в стакане с добрым джином с тоником.

Здание библиотеки с именем Регенштейна пропускало сквозь свой крутящийся тамбур веселых студентов, я уже знал это имя благотворителей, собирателей книг, патриотов Чикагского университета: Хелен и Руфь Регенштейн, например, подарили целую библиотеку редких книг.

Может быть, как раз здесь следует рассказать о своем наблюдении более общего характера. Когда познакомишься с историей библиотеки Чикагского университета, с именами дарителей – такими, как Людвиг Розенбергер с подаренной им «Библиотекой Юдаика», Джоном Криером с его обширным даром – коллекцией изданий по истории науки и медицины, и наконец, восходя к истоку самого Чикагского университета, узнаешь имя его первого президента Вильяма Харпера, который приобрел в 1891 году для только еще начинающей жить библиотеки так называемую «Берлинскую библиотеку» – 300 000 книг, редчайшее и богатейшее собрание, включающее в себя уникамы, которых не было ни в Королевской библиотеке Берлина, ни в лондонской библиотеке Британского музея...

Так вот, прошу обратить внимание на время создания университета, организации библиотеки – XIX–XX вв. И вообще все эти американские университеты, библиотеки, музеи, включим сюда также церкви – очень недавние, по сравнению с европейскими, просто как бы основанные вчера. При этом во всем видно стремление строить под старину. В кампусе Чикагского университета это церковь, высоко поднимающая свою англиканскую башню, это здание под готику, связанное с именем Рокфеллера, оно стоит как раз на моей дороге.

Я вспомнил кампус знаменитого Принстона – узкое пространство двора, застроенное псевдостаринными зданиями факультетов и библиотеки с её обширным собранием книг, включающим 16 армянских манускриптов. Это подражание старине, староанглийским университетским традициям, включая плащи и плоские шапочки, которые надевают выпускники во время торжественного вручения им дипломов, – это всё стремление молодой нации пересадить в новую почву корни, оставленные на далекой прародине в Европе.

А готический собор в Вашингтоне в то время, когда я был в нём, почти достроенный? В притворе был выставлен обширный набор обработанных камней, и каждому из присутствующих предлагалось купить хотя бы один из них, чтобы он обрел имя и был вставлен в здание.

И античная римская Вилла Пола Гетти – недалеко от Лос-Анджелеса. Её купил миллиардер и камень за камнем перевез из Европы в Америку. Теперь она стоит на берегу Тихого океана, как раньше стояла перед лиловыми водами Средиземноморья. Очень похожее есть у Тарковского в «Солярисе»: внезапно возникший в глубине космоса родной дом, дорогой сердцу уголок земной жизни. Вилла Пола Гетти для меня – это такое же ностальгическое моделирование иной жизни, Европы, откуда родом – из Италии, из Римской империи судя по фамилии Пол Гетти или его предки.

Это всё вызывает у меня сочувствие и понимание.

Глава восемнадцатая ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В КРАСНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Но вот я уже сижу в зальчике для чтения, и милая темноглазая Юлия Гарднер – не принесла на руках, нет! – везет на тележке, как именинный торт, толстый, габаритный манускрипт, устанавливает его передо мной на пюпитр, даёт длинные мешочки с песком, чтобы фиксировать нужные страницы и не погнуть их, не повредить рукопись.

Передо мной – Красное Евангелие... Наконец-то! Тёмно-коричневой кожи переплёт с выдавленными на нем геометрическими узорами – следы пропавших серебряных украшений, впрочем, кое-где видны серебряные гвоздики. С трудом поворачиваю том на пюпитре, на задней крышке переплета те же следы украшений, разве что декоративных гвоздиков сохранилось больше.

Рядом кладу книгу Аветиса Санджяна 1976 года «Каталог средневековых армянских манускриптов в Соединенных Штатах» – важнейший путеводитель. Буду сверять с ним свои «дорожные впечатления» во время путешествия в глубинах Красного Евангелия.

Сразу же обращаю внимание на листочек машинописного английского текста, сопровождающий манускрипт. В нем, к моему удивлению, указано место, где была создана рукопись – район Дерджана, Эрзерума. Хотя в самой рукописи, как свидетельствует

Каталог, отсутствует главный колофон – памятная запись. И соответственно нет указания, где создана рукопись. Среди этих «нет» еще очень важные: нет – *кто* писец, художник, нет – *когда* было переписано Красное Евангелие. И все эти «нет» – только первые из многих загадок этой знаменитой рукописной книги.

В Каталоге в первых строках вижу о нём: «MS (то есть манускрипт) №949. Четвероевангелие, раньше 1237 от рождества Христова». Эта дата – 1237 год – на самом деле не дата создания, а лишь самая ранняя дата, которую нашли среди памятных записей в самой книге. А слово «раньше» вообще очень расплывчатое понятие, раньше насколько? На десять лет, на сто, еще раньше? По этому поводу в сопроводительной бумажке есть важное указание: профессор Маклер, авторитетный исследователь древней армянской книжности, датирует период создания Красного Евангелия второй половиной XI века. Это серьезное указание, надо будет его иметь в виду.

Дальше события разворачивались вот как. Я развернул манускрипт и не спеша, вдумчиво перелистал его от первой до последней страницы, придерживаясь выработанного с годами правила: не надо пропускать ни одного листа, даже если это кажется однообразным делом. Хотя я знал: богатые украшения бывают в самом начале всего манускрипта и в начале каждой из четырех евангельских книг; в остальной же части монотонно идут – разворот за разворотом – страницы, украшенные лишь маргинальными знаками на полях и разноцветными буквицами. Это всё, конечно, относится к определенному типу рукописей – XI, XII, XIII вв., созданных на территории

Великой Армении. Я понял, что наш манускрипт как раз из этого числа. Что вполне соответствовало тому, о чем я читал в Каталоге у Санджяна. А что до перелистывания всех страниц, то это упорство и терпение неизменно хоть чем-нибудь да вознаграждаются.

При всем моем уважении к Аветису Санджяну следует сказать, что с самого начала рассмотрения рукописи мы разошлись с ним в оценке почерка. Он утверждает, что книга переписана почерком *еркатагир*, я же нашел, что это почерк *болоргир*. Я рассматривал среднего размера буквы, стоящие особицей, не связанные друг с другом, и думал: жаль, что это не еркатагир, это указывало бы на более раннее происхождение манускрипта. И можно было бы и в самом деле заговорить об XI веке как времени его создания...Вопросу почерка ещё будут посвящены специальные изыскания.

Мои первые шаги в Красное Евангелие начались с удивления: книга начинается с миниатюр на целую страницу. Они идут разворотами, парами: «Благовещение» – «Рождество»; «Крещение» – «Преображение»; «Вход в Иерусалим» без парной миниатюры; и снова пара: «Распятие» – «Вознесение». Впрочем, какое тут может быть удивление: многие рукописи, причем именно XI века, начинаются ровно так.

Между разворотами – как бы в виде их изнанки – идут чистые листы. Они важны, на них помещались памятные записи, ныне полностью или частично не читаемые. Я заметил – не только по сравнению с католикосом и замечательным ученым Гарегинном Овсепяном, который держал манускрипт в руках в 1940 году, но если учесть и то, что видел и прочел Аветис Санджян – многое из частично не читаемого

при нём перешло ныне в разряд полностью неразборчивого текста. Таких примеров несколько на чистых «изнанках». Но вот, к счастью, вижу надпись: сама она желтоватая и на фоне желтеющего пергамента уже почти незаметная, но крайне важная. Во-первых, там есть дата – 1281 год, во-вторых, названо место – деревня Караглух и где-то там крепость Шикакар, где наше Евангелие хранилось в церкви Сурб Аствацацин. Есть имена двух князей, братьев Марзпана и Мамикона – его владельцев.

Помните, этот факт упоминался Юрой Тер-Варданяном в его известной статье в газете «Советский Карабах». И моё воображение увлекла картина – как при подходе монголов прятали князя Красное Евангелие и другие ценности в недоступной пещере. – А нет ли опасности от воды? – задает тревожный вопрос князь. – Не зальет ли книгу в пещере, не повредит ли краски? Этот вопрос, придуманный автором, уже не теоретически, а вполне реально возник при просмотре манускрипта в Чикаго. Дело в том, что миниатюры размером на целую страницу, с которых начинается рукопись, попорчены. Такое впечатление, что они намокли и не были просушены, а их краска смазалась, они слиплись при соприкосновении листов.

Объяснение этому ждало меня в самом конце манускрипта, где стало ясно, что манускрипт намок, и конец рукописи был безвозвратно поврежден. Такое впечатление, что рукопись долгое время была снизу погружена в воду, и влага постепенно поднималась и, наконец, подобралась к начальным миниатюрам. Тут разъяснилось и наблюдение, которое я сделал во время просмотра миниатюр. Дело в том, что «Вход в

Иерусалим» выглядел лучше других. И тут стало понятно почему: ему не было пары, это не был разворот. И намокшая миниатюра касалась не другой миниатюры, а чистого листа, частично отпечаталась на нём, но не было смазки и обмена красками.

Еще одним обстоятельством очень важна эта начальная часть книги, эти семь листов. Под миниатюрой «Преображение» вижу еле читаемую, закрашенную надпись на греческом и грузинском языке – имя художника, нарисовавшего эти все миниатюры, рассказывающие о земной жизни Христа. Это имя Абас. При чём здесь грузинский и греческий в армянской рукописи? Эта важная деталь, указывающая частично на место работы Абаса и частично же на время. Подумаем: для чего мастеру было писать на этих языках? Очевидно, чтобы греки и грузины, которые возьмут манускрипт, узнали имя автора столь прекрасных миниатюр. И более того очевидно, что там, где работал Абас было много греков и грузин или, по крайней мере, эти два народа были достаточно авторитетными, чтобы художник дорожил их мнением. Тогда подобным местом была древняя столица Армении Ани, в свое время захваченная ромеями, и окружавшие ее монастыри Оромос, Хцконк, а еще тесно связанный с ней Ахпат, крупнейший духовный центр. Одновременно эти же места находились под сильным грузинским влиянием, армянская армия выступала под грузинскими знаменами, а армянский полководец Закарэ был главнокомандующим объединенного армяно-грузинского войска.

Грузинский язык в надписи, кроме того, указывает на время, когда работал Абас – тот исторический период, когда Грузия была покровительницей

армян, когда под ее защитой армяне освобождали свою землю от власти турок-сельджуков. Тому есть конкретные временные рамки – с конца XII в. до середины XIII в., когда наступавшие на Закавказье монголы не только покончили с сельджуками, но и прошли железной метлой по Армении и Грузии, уничтожая всё живое.

Согласитесь, подобного рода соображения о том, *где и когда работал Абас*, слишком общи. Но это хоть что-то! А ведь он был не первым художником, о нём мы вообще ничего не знаем.

Кончились миниатюры. Вслед за «Вознесением» с нового разворота начинаются хораны – это, напомним, заключенные под своды арок таблицы, в которых согласовываются события, изложенные в четырех Евангелиях. С хоранов обычно начинаются армянские Евангелия. Значит, именно с них по сути должно бы начаться и Красное Евангелие. Значит то, что мы видели в начале – серию миниатюр, есть инородное прибавление. В пользу этого говорит и высказанное Санджяном наблюдение: все эти миниатюры нарисованы на другого рода пергамене, он отличен от листов основного корпуса манускрипта. Я могу лишь подтвердить это наблюдение: пергамен начальных миниатюр заметно толще и тяжелей.

Но и хораны сразу же загадывают мне уйму загадок. В первом же развороте, как это вообще часто бывает в хоранах, в самом верху нарисованы птицы, пьющие из фонтана или из другого источника. Они символизируют души верных христиан, насыщающихся из источника истины. Но в Красном Евангелии головы этих птиц срезаны! Это может означать только одно – при переплетении эти страницы с хорана-

ми оказались чуть больше, чем была вся рукопись, и их подрезали – и под нож попали птицы. Значит, и хораны, которые я вижу, тоже инородное прибавление к манускрипту, который по неким трагическим обстоятельствам утратил свои собственные хораны.

О том же косвенно говорит и такое наблюдение: на этих листах не видно никаких следов воды. Значит, когда рукопись оказалась намоченной, *этих* хоранов еще не было в ее составе. А первоначальные, так сказать, *родные* так пострадали, что нужно было их заменить.

О чем ещё нам могут рассказать хораны? В рукописи Красного Евангелия они, как и большие начальные миниатюры, располагаются на разворотах, которые оставляют чистыми свои изнанки; эти листы, в свою очередь, образуют незаполненные развороты. Вижу: кто-то на них упражнялся, рисовал кресты, отдельные буквы, прочерчивал с изнанки арки хоранов. Но самое главное – это чистое пространство заполняют несколько памятных записей, две из них – краткие молитвы, а третья – с молитвой просит помануть Игнатиоса и Овсепа. Можно предположить, как это делают ученые, что это как раз имена художников, которые нарисовали хораны. Игнатиос и его ученик Овсеп известны в истории армянской книжной миниатюры. Игнатиос – выдающийся художник. В мире известны семь манускриптов, подписанных этим именем. Он работал в Ани и окрестных монастырях Оромосе, Хцконке. Лучшая его книга, богаче всех украшенная – с множеством миниатюр, ныне хранится в Иране, в Исфагане – в монастыре Христа Спасителя. Это важнейший духовный центр армянской церкви в Иране.

То, что я держал ее в своих руках, перелистывал это Евангелие 1236 года, носящее имя Евангелия Игнатиоса, стало одним из самых глубоких моих переживаний. Были в нём, естественно, и хораны. Но ничего общего с хоранами Красного Евангелия они не имеют: просто совсем другая манера – наивная, на первый взгляд, примитивная, сродни народному рисунку, игрушке, узору на ковре. Но это вовсе не значит, что Игнатиос и Овсеп не могли нарисовать хораны в другой манере. Для нас важно, что хораны, которые сейчас вшиты в Красное Евангелие, не были в первоначальном его составе, они, так сказать, не от той книги. Чувствуете, сколько в связи с этим возникает вопросов?..

Спешу рассказать, что я увидел дальше, углубляясь в рукопись. Вслед за хоранами начинается текст Евангелий, и первым идёт, естественно, Евангелие от Матфея. Открывается портрет Евангелиста, но заглавный лист, с которого, как правило, начинается сам текст, с начальной его частью – отсутствуют. Начиная со следующего Евангелия от Марка и вплоть до последнего, Евангелиста Иоанна, вижу и портреты и рядом заглавные страницы. Очень важен переход от Марка к Луке: там на чистом листе, на обороте портрета Евангелиста Луки на трех языках – греческом, грузинском и армянском – стоит имя художника. Это снова, как и в начальных миниатюрах, имя Абаса. По-армянски сказано так: «Помяните художника Абаса, недостойного священника».

Что же получается? Абас, получив в свое распоряжение «раненую» рукопись – без части текста, с вырванными портретами Евангелистов, дополнил её своими художественными работами. В любом слу-

чае, чтобы в составе Евангелия появились портреты, надо было разброшировать манускрипт и вставить их в соответствующих местах. Почему бы тогда Аба-су было не воспользоваться этим случаем, поместив миниатюры, пусть не в самое начало, а после хоранов, как того требовал обычай? Вот вопросы, на которые следует искать ответ...

По ходу текста Евангелия несколько раз встречается просьба помянуть его владельцев Григора и Вардана. Когда же священный текст заканчивается, идет довольно обширная памятная запись, не везде годящаяся для прочтения, но, тем не менее, из неё становится известна очень важная вещь: в 1237 году Красное Евангелие появляется на земле Арцаха, в Гандзасаре, его выкупили два священнослужителя – братья Григор и Вардан.

В 1281 году оно оказалось в руках двух братьев-князей Марзпана и Мамикона, которые и подарили его церкви в крепости Шикакар.

Вот тут я призываю вас задержать внимание. Хочу кое в чём повиниться. И высказать несколько общих соображений. Да, я много раз бывал в Арцахе и очень многое повидал в нём. Но никогда не был в крепости Шикакар. Мне казалось: с ней и так всё ясно – это один из бастионов, защищавших Гандзасар и вообще столицу Хачена. Из источников я знал, что в селе была церковь, а, может, церковь также была и в самой крепости – на это как будто указывали следы в ней, развалины, остатки фундаментов. И даже пещеры были там, на обрывах, при подходе к крепости. Прекрасная возможность спрятать там Красное Евангелие. Чего ж нам боле? Казалось бы... Но судьба – и уже не в первый раз – заставила меня

убедиться в том, что обязательно надо всё видеть своими глазами.

...Пришла осень 2008 года. Вторая половина сентября. Большая группа писателей и журналистов выезжала в Армению на Дни русского слова, которые проводило Общество дружбы и сотрудничества с Арменией. Я бы мог не лететь в Армению, тихо сидеть и писать (что почему-то у меня получалось тогда не ахти как). Но моему другу Сурену обязательно нужно было попасть в Карабах, он был обяян очередным наивным проектом, как помочь Арцаху, как привлечь из Москвы финансирование важных промышленных проектов. Тогда еще мы ничего не слышали о мировом экономическом кризисе, но маловероятность реализации благородного проекта Сурена уже тогда была ясна всем, кроме него. Он обязательно хотел поехать в Арцах, притом со мной, чтобы мы могли встретиться с премьер-министром республики и заручиться его поддержкой. Я не мог отказать другу, хотя мне и не очень улыбалось играть роль подсадной утки в предстоящих визитах. Я утешал себя так: зато поеду и увижу крепость Шикакар.

Время в Ереване летело незаметно: встречи с друзьями, приемы, презентация книг, которые издало наше Общество дружбы. И когда мы, наконец, выехали в Арцах, тут-то я понял, что уже слишком поздно – слишком глубоко мы зашли в осень: в Карабахе наступает (или уже наступило) время неустойчивой погоды. Самое страшное – не морозы, не снегопады, до них еще далеко. Но туманы!.. С ними мне уже приходилось сталкиваться. Особенно непроглядны они в Шуше. Но нам-то нужен Шикакар.

Опять же я не терял надежды, которая, как известно, умирает последней...

Мы ехали по хорошо знакомой дороге. Длинная, утомительно скучная, она казалась невыносимой. А туман – вот он, машина ныряла в нем как в озере. Погружалась как в соседнее облако. Без дождя по ветровому стеклу бежали струи воды, работали дворники. Обычно за нами из Арцаха присылали хорошую «Волгу», сейчас же мы ехали на вездеходе иностранной марки с передней и задней парой ведущих колес. Я невольно сравнивал его плавный ход с тряской манерой моей зелёной «Нивы». Не говоря уже об удобствах салона, машина была построена с заботой о человеке. Не сравнить с моей зеленой, сильно проржавевшей красавицей со шрамами на боках, с заложенным конструкторами наплевательством к удобствам шофера и пассажиров: едете – ну и ладно, и на том скажите спасибо!

Но всякой самой занудной дороге наступает конец. Мы разместились в гостинице, созвонились. И уже через час в моей комнате появился улыбающийся Слава Сарксян, Славик, как все его зовут. Хочу объяснить: в таком звучании этого имени нет ничего уменьшительно-ласкательного или специально добродушного. Так он зовётся на армянский лад. Есть еще Овик (так он по паспорту) и есть Ованес – это два разных имени. Был знаменитый актер Фрунзик и так далее.

Славик по-прежнему улыбается какой-то раскованной, как я про себя называю гусарской улыбкой, такой же я называю его манеру держаться. Вот есть люди, непохожие на свою должность, Сла-

вик из таких. Он продолжает заведовать в Карабахе изучением и сохранением памятников, а им несть числа. Деньги государство отпускает ему крохотные, транспорта у него своего нет; ума не приложу, как он ухитряется восстанавливать церкви, делать обмеры новых своих находок исторических памятников, развешивать таблички, мол, охраняется государством и т.п. В этом смысле Арцах – благодатная земля с множеством белых пятен на карте. Кстати сказать, эту самую карту составил он, я всё время пользуюсь ею. У всех увлеченных людей есть свои слабости. Его слабость и одновременно научная специализация – замки Арцаха, он даже выпустил книжечку, им посвященную. Могу себе отчётливо представить, сколько сил ему понадобилось, чтобы добраться до этих гор (а замки, как правило, стоят на вершинах), да ещё взобраться на них! К тому же сколько нужно здоровья!

В первое наше знакомство он сводил нас с Жоресом Хачатряном в один из мало известных замков. Воспользовался тем, что у нас была «Нива», и таким образом решил свою проблему транспорта. История очень любопытная. Первый разговор с ним о Шикакаре для меня был хорошим уроком. Славик, оказывается, много раз бывал там, много фотографировал, исследовал крепость, окрестности, хачкары. Деревня Караглух ныне покинута жителями – они спустились к подножью, где жить легче, где больше удобств, да и дороги круглый год. Церковь, где хранилось Красное Евангелие – всего одна, не было еще одной церкви в крепости. И она покинута, разрушается – никакой табличкой не помочь. Церковь много

раз восстанавливалась и сейчас вид у нее не тот, что в VII-VIII веках во время арабских завоеваний.

Славик сказал, что Шикакар упоминается в «Истории страны Агванк» Мовсеса Каганкатуаци. Уже дома, в своей деревне я открыл перевод и вот что там прочел. Речь идет о событиях, происшедших после 750 года, когда в арабском халифате произошла смена династий. Пришедшие к власти Аббасиды непосильными налогами подвели Армению и Агванк (это Кавказская Албания) к самому краю гибели. «Наступило время насилия, как предупреждал святой Павел: «Судия стоит у дверей». Близок час ужасный, день жестокий и справедливый. Так озверелые исмаильтяне-агаряне завладели всеми благами земли – и море, и суша покорились предтечам Антихриста – сыновьям погибели...» И далее: «...из Партава (захваченной арабами столицы Агванка) тайком выступили отборные воины тачиков, они ограбили весь гавар Амарас, захватили в плен около тысячи человек и укрепились в местечке, называемом Шикакар. Тогда мужественный и величественный Сахли, сын Смбата, князь Ераншахигов, вместе со своими храбрыми братьями, во главе войска, ранним утром напал на тачиков. Многих они сразили наповал, а остальных разогнали, вызволив пленных, как добычу из пасти льва...»

На следующее утро не медля долее я решил отправиться в Шикакар. Проснувшись, по привычке глянул в окно и... не увидел противоположной стороны улицы. Вчера там был продовольственный магазин, мы с Суреном туда зашли, хотя ничего нам там не было нужно. А теперь на противоположной

стороне улицы стояло густое облако тумана. Словно все заволокло молочным влажным дымом, какой валит, когда в костер бросишь зеленой травы. Пока я подыскивал ему сравнения и обдумывал происшедшее, вошел Славик со своим плёночным фотоаппаратом, готовый к походу. Он поглядел в окно и только покачал головой:

– Думаете ехать? Боюсь, ничего не увидим...

– Почему?.. Поднимемся на гору, туман останется внизу.

– Сейчас узнаем!

Схватив телефонную трубку, Славик стал звонить в районный центр знакомому – в управление культуры. Сведения были неутешительными: и там всё было в тумане.

– Бой в Крыму, всё в дыму, ничего не видно, – заключая тему, произнес Славик эту неизвестно как залетевшую к нему поговорку времён Крымской войны.

Но я не хотел сдаваться.

– Да, и еще они говорят, что туда только на «Ниве» можно проехать. Или верхом. Дорогу делают, бульдозеры глины намесили.

– А наш заграничный внедорожник чем плох?

– Это паркетный внедорожник. А «Нива» – рабочая машина.

Я снова с благодарностью вспомнил свою зеленую машину и ее расположенный ближе к полу короткий рычаг: включил – медленно, но везде проедешь. У нашего здешнего внедорожника такого рычага нет, это только сейчас я вспомнил. Да и зачем он, право, там на западе? Кто там поедет по развороченным, чавкающим глиной дорогам? Там поло-

жат какой-нибудь временный настил для легковых машин, пока дорога не просохнет.

А нам-то что делать? Решаем подождать до завтра. Вся надежда (слабая, как сказал Славик) на то, что к завтрашнему утру туман рассеется. Я тоже никаких надежд не возлагаю, ни на что не рассчитываю, кроме своего везения. Никогда еще из Арцаха я не уезжал с пустыми руками.

На следующее утро туман стал еще гуще. Такое впечатление, что наша гостиница стоит на краю молочного поля. Явился Славик, принес фотографии Шикакара, CD-диск, тоже с фотографиями. В дополнение к фото, которые опубликованы в его книге, это большое богатство. Это всё происходило в ноябре 2008, а сейчас в апреле 2009 сижу в своей деревне и рассматриваю материалы, как будто я в Шикакаре. Большой экран моего новенького ноутбука показывает то, что можно рассмотреть сквозь двери заброшенной церкви. Вглядываюсь внутрь. Виден там какой-то хачкар, нет, больше похоже на пилон, поддерживающий кровлю. Кровля поддерживается явно плохо, потому что насколько можно различить через вход в глубине церкви на полу, усеянном каменными осколками, кругом солнечные пятна: бесхозная кровля прохудилась в нескольких местах и пропускает свет и воздух. Если бы я мог быть там, я бы, конечно, попытался найти место, где хранили (могли хранить) Красное Евангелие. Если бы я там был...

В окне моего дома видна путаница веток черемухи. Апрель пока стоит тёплый, и ствол черемухи уже пожелтел и позеленел, а само дерево окутал тончайший зеленоватый дым – скоро оно выпустит листочки. В ветвях полно шевеления, быстрых перелётов

туда-сюда (любимое выражение Славика). Мои зять и дочь повесили кормушку на черемуху и к ней слетаются окрестные синицы – очень бойкие. Большие, действительно крупные, с белыми щёчками, в чёрных шапочках, с заметными жёлтыми боками. Другие синички держатся скромнее – чёрные с белыми щёчками московки, зеленушки. А может быть, и лазоревки с их ярко-голубыми шапочками и зелёной спинкой. Прибывает поползень. Поблизости пристраивается дятел, стучит-постукивает... Парочками присоединяются к общему обеду какие-то розовые птички. Воробьи градом сыплются то на кормушку, то на землю под ней, склевывают всё, что обронили неаккуратные синицы. Иногда под черемухой не спеша проходит любимый кот Анны Васильевны, серый в полоску Лис, идет, якобы не обращая внимания на птичье сообщество, с видом льва – царя зверей, обходящего свою территорию. Идет, демонстративно не глядит ни на птиц, ни на кусочки сала, развешенные на ветках.

Но чтобы всё это увидеть, мне надо подняться с места, оставить работу. Стоп! Нет уж! Вокруг в природе так много нового, весеннего, волнующего, манящего. Но нельзя отвлекаться! И тут гаснет свет, в деревне выключили электричество. Перерыв! Скорее выключаю компьютер – не сели бы батареи! И с легким сердцем выхожу...

Эта весна для меня стала весной птиц. Постоянно наблюдаю, кто прилетел к кормушкам. Тоже и Миша: увидев какую-нибудь новую гостью, он громко зовёт Дашу, совсем как грибник первым нашедший белый гриб. Мои Миша с Дашей повесили кормушки по обе стороны от нового дома. Приобрели солид-

ный том «Определителя птиц России». С лёгкой руки моей внучки, англоговорящей Юли, выпускницы МГИМО, мы узнали, что любимая забава англичан – это сидеть в своих усадьбах и разглядывать птиц в бинокль. Блестящая идея! Миша купил 8-микратный бинокль неподалёку, в городе Алексине. Теперь мы вооружены!

Но смотрю, свет зажегся, снова надо взяться за фотографии Шикакара. Они очень любопытны и о многом мне говорят. Во-первых, никакой недоступной вершины, где якобы расположена крепость. Типичный, по моим наблюдениям, армянский пейзаж: лезешь, лезешь из последних сил. Ну, думаешь, до вершины недалеко. А долезешь и оказываешься на плоской равнине, на ровном столе. Здесь и деревенька стоит, и церковь, и кладбище привольно раскинулось надгробными камнями и хачкарами. Два хачкара, гляжу, стоят как раз у входа в церковь. У центрального входа, у портала. На левом хачкаре – крылья креста соединены плодами граната, а справа от входа сам хачкар окружен причудливой резьбой, плетёнкой. На первый взгляд, они не очень старые, эти хачкары, может быть XII-XIII века, а стены церкви и того новее.

Не раз за всю историю церковь разрушали, а затем много раз восстанавливали. Думаю, не пощадили ее арабы, обосновавшиеся здесь в VIII веке и затем изгнанные, как пишет Мовсес Каганкатуаци, мужественными князьями. А сельджуки, а монголы? А новейшая – уже в наше время – антирелигиозная борьба и пропаганда? С особым, я бы сказал мстительным, удовольствием её вели мусульмане-азербайджанцы. Но жители села Караглух были ве-

рующими: хотели крестить детей, отпевать усопших, венчать молодых, и они поднимали церковь из руин, не давали ей разрушаться, покрывали ее новой кровлей. Теперь с уходом жителей она прохудилась. Обращаю внимание на кладку стен церкви: она грубая, из ломаного камня, рядом с глыбами – мелкие камешки. И всё это так искусно уложено, чтобы свести к крыше в прямую линию. И таких церквей в Арцахе очень и очень много. Не раз я думал, на что похожа эта кладка? Что-то в ней было мне знакомо. Скорей она напоминает стенки, ограды, которыми хозяева обозначают свои владения – поля, огороды, дворы. У нас в России для этого служит дерево, в Армении – ломаный камень.

Глава девятнадцатая КРАСНОЕ (?) ЕВАНГЕЛИЕ

Возвращаюсь в свою гостиницу. Слежу за дебатами по телевидению, но хораны Красного Евангелия нейдут из головы. На следующее утро снова выхожу на морозный воздух и ветер. Меня преследует страх, что я что-нибудь не так скажу чернокожему проводнику и проеду свою остановку. А ещё хуже – сяду не на ту электричку. Но, слава Богу, всё сошлось, и я вновь оказываюсь в читальном зале, и темноглазая Юля везёт мне на тележке Красное Евангелие. Я сразу открываю текст на том самом месте, где вчера прервался.

Итак, хораны... На протяжении столетий они были своеобразной сценой, на которой армянские художники книги могли блеснуть своим мастерством – показать свою изобретательность, проявить чувство цвета. Хораны (под другим названием) присутствуют в византийской рукописной книге и германской, английской и французской. Но такой радости, разнообразия, яркости и совершенства они достигли только в армянских манускриптах.

Армянские хораны поистине явление мирового искусства.

Как книга начинается с оглавления, так хораны открывают Евангелия. Открыл манускрипт священник или мирянин, хочет найти, как описано, скажем, Распятие или Воскресение у разных Евангелистов,

заглянул в хораны-оглавления и открыл указанные страницы.

На страницах нашей книги представлены два хорана из Красного Евангелия. Видны обрезанные при вторичном переплетении головы птиц. Внизу на одном, на нижней полочке можно различить надпись...

Теперь спешу рассказать, что я увидел, всё дальше и дальше углубляясь в рукопись. Вслед за хоранами начинается текст Евангелий: вот Евангелие от Матфея. Открывается оно портретом Евангелиста, но Заглавный лист, с которого начинается сам текст, и начальная его часть (небольшая!) отсутствуют.

После портрета Матфея текст его евангельского рассказа, как я уже упомянул, без начала. Часть текста была пропущена, утеряна, окончательно испорчена и удалена? Не знаю! Мне кажется, что утрата этой начальной (небольшой) части произошла где-то на более позднем этапе приключений манускрипта. А именно тогда, когда книгой перестали пользоваться для церковной службы, когда она перестала быть *служебной*, перешла в разряд исторических реликвий, которые надо не улучшать, а только сберегать в том виде как есть. Иначе этот текст был бы так или иначе восстановлен, подобно тому, как это было сделано с хоранами. И возможно, для этого использовали бы одну из разброшировок. И на самом деле, кто для службы в церкви или для душевспасительных чтений стал бы пользоваться неполной книгой?

Итак, я иду вдоль сохранившегося текста – строка за строкой. Черные, среднего размера отдельно стоящие буквы, шрифт болоргир. Концы листов скруглены, видно от долгого употребления, от бесконечных

перелистываний, дырчаты. Маргинальные знаки на полях почему-то стерты.

Евангелие от Матфея заканчивается памятными записями. Чётким красивым почерком пишет владелец манускрипта, некий ходжа Савар. Судя по надписи, он житель Карса. Во всяком случае, он сообщает, что из-за чумы, конечно, из-за монголов, мука в Карсе, основная пища населения это хлеб, стала стоить несусветно дорого. По существу это означало одно – голод. О своём материальном положении ходжа Савар ничего не пишет, надпись его не имеет даты, поэтому мы ничего не можем сказать о том, когда (и надолго ли) Евангелие покинуло землю Арцаха. Другая надпись, тоже без даты, близ портрета Евангелиста Луки, называет имя очередного владельца манускрипта – это священник Егия, Илья. В ней говорится, что Егия спас рукопись от «захвата» тем, что приобрел ее в память души своей и своих родителей. Эту запись сделал по его поручению епископ Саркис, сын парона Бастама («парон» – специфическое армянское слово, означает – господин, князь или вообще богатый и знатный человек), которого исследователи связывают с Бастамом, сыном князя Джалали, владельца опять же Гандзасара. Это уже вторая половина XV века.

Значит, в любом случае, Красное Евангелие в это время снова было в Арцахе.

Ищу щёлочку во времени – тот исторический промежуток, когда мысленно можно поместить **рукопись** Красного Евангелия соответственно в **церковь** Кармир Аветаран, Красное Евангелие. Согласитесь, что назвать таким образом храм можно было можно в том случае, если эта рукопись очень долго

хранилась в этой церкви, тем она и прославилась, став местом поклонения и паломничества.

Перелистывание страниц привело меня к началу следующего Евангелия – от Марка. Оно по своей композиции – полное, классический разворот: слева портрет Евангелиста Марка, справа, как это водится в армянских манускриптах – богато украшенная заглавная страница – начало Евангелия от Марка, первые его строки. Этот разворот вы можете увидеть среди ближайших иллюстраций нашей книги.

В этом развороте всё необычно, а еще непривычно для армянского читателя прошлых веков, да и для позднейших исследователей армянской иллюстрированной книги. Что именно? Ну, во-первых, то, что мы видим *над* фигурой сидящего в раздумье Евангелиста: это на синем фоне в сидящая фигура молодого человека восточного (может быть, армянского) типа; он в восточном цветастом халате и остроносой обуви. В одной руке он сжимает копье или дротик, положив его на плечо. В другой его руке ваза с плодами, которую он протягивает весьма добродушному льву, готовому принять эти плоды. Что означает эта композиция? Ведь в священных книгах нет случайных деталей, каждая всегда что-нибудь символизирует.

Лев, понятно, символ Евангелиста Марка. Кто бывал в Венеции, видел там многих Львов, город находится под покровительством святого Марка. Какова связь Льва и Венеции – тому есть объяснение, ее история отражена на полотнах живописцев, на фресках в храмах и т.д.

А что это за юноша, зачем льву фрукты – что это всё означает? Пока неясно. Хотя имеет смысл поз-

накомиться с жизнью самого Апостола, может быть, сей эпизод взят из нее.

Следует отметить, что лев нарисован на ярко-красном фоне, который становится еще ярче от соседнего синего фона и оттого, что сам лев – синий. Под ними сияет красный задник, на котором нарисован Евангелист Марк (он в синем).

Но что это? Приглядываюсь к миниатюре с Марком. И вижу под красным фоном то, что не было прорисовано, а было просто покрашено – это то, что было когда-то на этой миниатюре, что есть на тысячах миниатюр, изображающих Евангелистов. Они ведь все работают, пишут свои Евангелия. И соответственно этому занятию, мы видим рядом с ними все принадлежности грича-писца: шкафчик, где стоят баночки с краской, лежат ножички, чтобы выскоблить по ошибке нарисованное и написанное, камешки, чтобы полировать пергамен или бумагу. Под рукой лежат заточенные перья, только точнее не перья в нашем современном понимании, даже не гусиные перья, например пушкинские, а тростниковые ручки, обрезанные соответствующим образом, и ещё многое другое.

Это всё когда-то было нарисовано и в нашей рукописи, но чья-то лихая рука не сочла нужным это снова прорисовывать и словно смахнула красным с пергаменного листа. Но и под красным слоем осталось первое изображение!

Так что мое фундаментальное умозаключение подтверждается: обилие красного цвета в рукописи, из-за которого она названа Красным Евангелием – вовсе не исконное её свойство, а следствие «реставрации», причем весьма грубой.

Что еще выясняется при углубленном, пристальном разглядывании миниатюр этого разворота? Что нимб Евангелиста Марка первоначально был не жёлтым как сейчас, а золотым. Следы золота видны и в очень красивой армянской буквице «М», напоминающей латинскую «U», на другой, правой странице разворота. Когда-то золото сияло и на маргинале – в процветшем кресте, который занимает всё правое поле листа.

Вверху, над началом Евангелия художник нарисовал композицию: судя по всему, это Деисус – Спаситель, сидящий на восточной подушке, в окружении Богородицы и Иоанна Крестителя. Следы золота видны и там: весь фон за Христом, Богородицей, Иоанном Крестителем когда-то был золотым. Обратите внимание на исполненные в оригинальной манере глаза их – как будто подведенные, крупные, таинственно глядящие.

Представляю себе всю рукопись целиком, еще не покрытую красной краской и потому еще не получившую определения *Красное* Евангелие. Когда-то она была очень нарядной и богатой, горела золотом!

Перелистываю манускрипт и замечаю, что сначала в нем исчезают маргинальные знаки. Впрочем, где-то с середины восстанавливаются. Непосредственно перед началом следующего Евангелия – от Луки открывается чистый разворот, традиционно это место для памятных записей. На нем снова виден призыв помянуть художника книги «неумелого» Абаса, снова появляется его имя на двух языках – греческом и грузинском.

Тут уж я времени не пожалел и точно перерисовал все, что было написано по-грузински. Меня, конечно, интересовало не содержание надписи, я знал, что речь идет об Абасе; меня занимал сам шрифт, грузинское написание. Оно было явно не современным и в то же время не месроповским, это я знал хорошо. Мне казалось, если это написание древнее и специалисты укажут мне на временные рамки – когда этот шрифт употреблялся, то, может быть, это даст ключ к датировке надписи и даже самой книги.

Но в Чикаго я не нашел человека, который просто прочитал бы грузинский текст. Это дело, стало быть, надо отложить до Еревана. Да и в Москве у меня было несколько грузин-ученых. И ради этих будущих консультаций я самым тщательным образом перерисовал грузинскую надпись. Мало того, попросил библиотекарей сделать для меня её ксерокопию.

Уже в Ереване в Матенадаране эту надпись прочел знакомый профессор. Он подтвердил, что это не грузинский шрифт, созданный Месропом Маштоцем в V веке. Но и не современный, на котором грузины пишут сегодня. А что надпись сделана какими-то промежуточными буквами и этот алфавит употреблялся **лишь до конца XI века**. Вывод, как сами понимаете, фундаментальный. Его надо осмыслить. С чего бы Абас, чтобы себя прославить среди грузин, стал писать каким-то древним грузинским шрифтом?..

Так постепенно, не спеша, как говорится «с отвагою», мы добрались до третьего из четверых Евангелистов – до Луки.

Может быть, тот, кто мало видел армянские манускрипты, не найдет ничего замечательного в том,

что в обоих Евангелиях – от Матфея и от Марка – над изображениями Евангелистов нарисованы необычные сюжеты, особенно Лев у Марка. Теперь перейдя к Луке, снова удивимся: над его портретом изображены два быка. В самих быках нет загадки, как раз символ Луки – бык. Но их два! Такого я не видел. И с переходом к этому Евангелию невольно укрепляешься в том мнении, что украшения Красного Евангелия – необычные, выходящие за рамки канона. Одни эти украшения выводят манускрипт в разряд выдающихся армянских рукописных книг.

Рассматривая разворот, начало Евангелия от Луки – портрет, два быка и богато украшенное начало текста – находишь подтверждение ранее сделанным наблюдениям. Вот хотя бы начало текста. Всего несколько парадных строк и огромная первая буква имени Луки – «Гукас» на армянском, расцветшая, превращенная в рукоятку меча, вложенного в драгоценные ножны. А на полях во всю страницу – маргинал, сложное многоступенчатое сооружение, увенчанное крестом словно украшенным драгоценными камнями. Это всё – как раз привычные элементы армянской рукописной книги. Я видел их сотни и сотни, в разных вариантах. Обычно они сияют золотом. Вот и здесь видны оставшиеся следы позолоты. Значит, когда-то страница имела иной, богатый, золотой, торжественный вид. Но над ним – над буквицей, маргиналом, четырьмя начальными строками текста Евангелий – обычно помещался **полухоран**.

Опять напомним, что хоран – это торжественное начало евангелий, таблицы цифр, помещенные между колоннами. Колонны же несут на себе тяжелые

прямоугольники, украшенные со всей возможной мощью воображения художника. С чем только их не сравнивали! В том числе и с драгоценными эмальями, и с коврами. Так вот полухоран – это хоран без колонн. И все слова превосходной степени исследователи относят и к украшениям полухоранов.

Что же служит полухоранами здесь, в Красном Евангелии? Справа полухоран с его декоративными кольцами, наполненными затейливой плетёнкой, очень хорош! Но слева – ещё пуще! Два синих быка на ослепительно красном фоне. Два! Это уже нарушение традиций. Это ещё один знак оригинальности рукописи, её ценности. Это наблюдение, которое пока не сделалось убеждением. Потребовалось углубление в последующий текст, чтобы становилось все ясней, что светящийся красный цвет Евангелия, из-за чего, собственно, оно и прозвано Красным, не есть первоначальный облик рукописи, это поздняя грубая закрапка.

Спешу рассказать, что я увидел дальше, углубляясь в рукопись – терпеливо перелистывая страницы, не пропуская ни одной. Моё терпение было вознаграждено. Листов через двадцать в правом верхнем углу страницы на полях я увидел очень интересную миниатюру. Это был жнец, срезающий серпом крупные колосья пшеницы. Явно он иллюстрировал евангельскую притчу.

Хотя и здесь рука раскрашивателя немного постаралась – сделала ярко-красной шапочку жнеца, по форме напоминающую такие, что складывают из бумаги от солнца. Зеленый халат, оранжевые шаровары, туфли с загнутыми носами и наشلёпками на них.

В общем, мы не можем судить о том, как одевались во время уборки урожая жнецы, отделённые от нас семью-восемью столетиями.

Дальнейшее перелистывание подарило мне изображение Христа на ослице (л.213r). Спаситель мягко отпустил поводья, позволяя животному опустить голову и пощипать траву.

Конец текста Евангелия от Луки сопровождается пустыми страницами 236v-237, на которых, как и везде в этой книге, на пустых местах располагаются памятные записи. Их прочёл и опубликовал ещё Гарегин Овсепян, первый исследователь этой рукописи, их же цитирует и Аветис Санджян в своем Каталоге. Памятные записи, на мой взгляд, очень важные. Они показывают, как наша книга попала в трагический водоворот событий времен Первой мировой, геноцида армян... Какими-то путями (нам неизвестно) Красное Евангелие оказалось в Алашкерте – это город и провинция в районе Эрзерума в сегодняшней Турции.

Тот, кто читал пушкинское «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», если он, конечно, настроен на армянскую волну, помнит, что там поэт встречается с армянами, наблюдая их радостное оживление по поводу освобождения родины земли русскими войсками. Он рассказывает в частности как один молодой армянин оказывал ему помощь и пожелал стать в ряды бойцов русской армии.

В предисловии среди военачальников, которые умело и победоносно вели кавказскую войну с турками и персами, Пушкин называет имя армянского князя Мадатова, кстати сказать, арцахца по рожде-

нию. С его потомками в Арцахе и в Москве я подружился.

Запомним, что Пушкин даже выносит в название своей повести дату кавказского похода – 1829 год. Эта деталь нам пригодится для Красного Евангелия. Дело в том, что в памятной записи как раз на пустых страницах после текста Евангелия от Луки сообщается, что книга оказалась в Алашкерте.

Недатированная надпись как раз на страницах 236-237 сообщает нам, что священник Айракан приобрел манускрипт у некоего человека по имени Севаде, сына Вахтанга. И когда Айракан захотел прочесть памятные записи в книге (очевидно, чтобы узнать, когда она была создана), то обнаружил, что «какие-то дьявольские руки вырвали их». В этой же рукописи Евангелие названо (кажется, впервые) *Красным*. И эта традиция названия длится по сей день.

Еще одно свидетельство прямо связывает наш манускрипт с 1829 годом. Именно тогда жители Алашкерта, боясь возвращения власти турок, начало массовое переселение с великими трудностями и лишениями – они шли пешком по зимним дорогам, через голод и смерть детей и стариков, с целью жить в Армении, освобожденной русскими – к Эчмиадзину и в область Севана. Красное Евангелие было с ними, на это указывает памятная запись.

Алашкерт... Мне захотелось узнать побольше об этом месте, где некоторое время находилось Красное Евангелие. Мне помогла замечательная книга – энциклопедия «Армянский вопрос». Всё, что связано с геноцидом армян в Турции, в ней представлено с энциклопедической краткостью и точнос-

тью – география, где происходили события, участники их – имена героев, палачей и жертв, юридические документы – свидетели предательства или благих намерений держав. И Алашкерт тоже есть в этой замечательной книге.

По поводу этой энциклопедии захотелось вспомнить такой случай. Я получил ее в подарок от одного из ее составителей, главного редактора Константина Худавердяна, который руководил тогда издательством «Армянская энциклопедия». Вместе с моей «армянской» библиотекой сгорела и эта книга во время пожара в моем первом деревенском доме. Но потом ее достал для меня человек, который энергично озаботился о восстановлении моей утраченной библиотеки (и много в этом деле преуспел), с благодарностью называю его имя – Арам. Он же позаботился и о редакторе для текста этой книги. Кроме того, Арам Оганян – замечательный переводчик и знаток Уильяма Сарояна и Рэя Брэдбери.

Разворачиваю энциклопедию на статье «Алашкерт», читаю...

Алашкертская равнина была одной из самых плодородных. На это обратил внимание и Пушкин в своём «Путешествии в Арзрум»: он ехал мимо тучных нив и полей густой пшеницы. Армяне были гостеприимны, кормили его хлебом и сыром. И хотя все эти земли ныне входят в турецкий вилайет, Пушкин знал и верно называл их – Арменией.

Алашкертская равнина всегда была одной из самых заселённых армянами. Несмотря даже на утомительные войны за неё между султанскими беями (лакомый кусок, плодородная, отлично освоенная земля – сады и пашни) и постоянные нашествия и

грабежи кочевников-курдов, еще в XVIII веке здесь было свыше 360 армянских сёл. Но число их всё время сокращалось: шли массовые переселения в Восточную, русскую, Армению. Ко времени путешествия А.С.Пушкина, к началу XIX века на равнине оставалось ещё свыше 80 армянских сёл. Но именно в 1829 году началось окончательное, массовое переселение тысяч алашкертцев, испугавшихся расправы за помощь русской армии. И этот страх был обоснован: турки беспощадно расправились с армянским населением, многие сёла были поголовно вырезаны.

Мы с вами начали путешествие по Красному Евангелию с первых его листов, с миниатюр, прошли хораны, углубились в тексты Евангелий – от Матфея, от Марка, от Луки... На всем этом пространстве на чистых листах исследователями были замечены памятные записи. Большинство из них уже невозможно было прочесть, некоторые же хоть частично читались. Я сознательно почти не останавливался на них, чтобы не запутать читателей. Записи относились к разному времени, никакая временная последовательность не соблюдалась. Но, тем не менее, мы смогли узнать, что Евангелие покинуло Арцах, побывало в районе Карса, затем в Алашкерте. Приблизительно ко времени путешествия Пушкина в Эрзерум, Карин (он называет его по-старинному «Арзрум») Евангелие уже находилось в пределах русской Армении. Но и там ему не было покоя: оно оказалось в руках курдов, было выкуплено. Да и ранее оно побывало в руках турок. В Алашкерте оно было спасено (так сказано) и указана сумма – за 10 русских рублей.

Если посмотреть обобщенно на судьбу Красного Евангелия, судьба его повторяет судьбы тысяч и

тысяч армянских книг, которые шли вместе с народом, деля с ним его участь. По этапам истории путешествия книги можно раскрыть и судьбу создавшего ее народа. И в самом деле – Арцах, Гандзасар, нашествие сельджуков, а затем и татар. Шикакарская крепость. Храм Кармир Аветаран. Карс и Алашкерт, освобождённые русской армией. Геноцид 1915 года. Массовое беженство в русскую Армению от зверств турок и курдов.

Мы переворачиваем очередную страницу. Перед нами начало последнего Евангелия – от Иоанна – разворот с портретом Евангелиста Иоанна и с заглавной, начальной страницей. Мы привыкли видеть, что Иоанн часто изображается со своим учеником Прохором, как будто дело происходит на острове Патмос, куда он был сослан. Евангелист слышит глас Божий (он изображается либо в образе голубя, либо в виде руки) и передает текст Евангелия своему ученику, который записывает то, что диктует ему Евангелист.

В Красном Евангелии Иоанн изображен один. Он и внимает Слову Божьему и записывает. В этом ничего необычного нет, подобные миниатюры встречаются. Но даже при этом миниатюра с Евангелистом Иоанном весьма оригинальна. Символ Иоанна – Орёл. И вот в верхней части миниатюры изображены сразу **два орла** (подобно тому, как у Луки – два быка). И этим сохраняется стилевое единство манускрипта. Всё внимание Иоанна обращено в левый верхний угол, откуда к нему доносится Глас Божий.

Вспомним начало Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово...» Чаще всего это трактуется как утверждение великой роли слова, литературы в нашей

жизни. Но совершенно забывают (чаще не знают) продолжения: «...и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Я вглядывался в эту миниатюру. И замечал закрашенные остатки золота нимба Иоанна. И то ещё видел, что когда-то фон двух орлов был тоже золотым. Как прекрасно, богато была первоначально украшена рукопись, ещё не закрашенная красной краской, когда сам манускрипт еще не называли *Красным* Евангелием... Когда это произошло с ним, мы не знаем. Впервые слово *Красное* появляется в записи, относящейся к Алашкерту. Но, вспомним, что церковь в Арцахе, где, видимо, рукопись находилась какое-то время, называется до сих пор *Красное Евангелие*. И теперь то, что вчера замечалось, но не осознавалось, нынче глядится иначе. Имею в виду прежде всего закрашенность красным цветом по первоначальному рисунку. Разворот «Благовещение» – «Рождество». И вчера я заметил, что перекрыт краской золотой нимб над головой Марии и золото на крыльях архангела Гавриила. В этой миниатюре преобладает красный цвет – и в фигуре Марии, и в цвете плаща Гавриила. И в архитектурных сооружениях над их головами – одно напоминает палатку, дорожный отдых в пути, наверное, метафора армянского храма; другое – портик с колоннадой.

От одной большой миниатюры к другой я везде замечал замену золота на красную краску. В «Крещении», несмотря на грубую закрашенность всей миниатюры, Гарегин Овсепян, а за ним и Аветис Санджян прочли надписи по-грузински и по-гречески – имя художника Абас (с одним «Б»). Эта миниатюра показывает нам мастерство этого художника, которое

в прочих миниатюрах не разобрать из-за плохой сохранности их и беспощадной замазанности краской. В «Крещении» замечаешь, как тончайшей кистью Абас рисует нос, брови, широко открытые миндалевидные глаза Христа. Фигура Спасителя мощная (как на плащанице), он по горло в водах Иордана, видны крупные бёдра, мощная линия спины. Это новое, что создал художник.

«Вход в Иерусалим» мне напоминает подобную миниатюру в Евангелии Мугни XI века. Там тоже люди глядят сквозь зубцы стен. Только здесь это женщины. Христос приближается к городу не слева, как мы привыкли, а справа. Сохранились остатки золотой пыли на нимбах Апостолов. Сближение нашей рукописи с XI веком мне приятно. В его пользу говорит и монументальность миниатюр Красного Евангелия. И в этом еще одна близость с Евангелием Мугни. Она заметна во всех начальных миниатюрах и в портретах Евангелистов. Эту монументальность не надо понимать, что, мол, художник Абас где-то увидел реальные фрески на стенах храмов или мозаики. Просто монументальность как дух, что характерно для манускриптов того же XI века, Абас перенёс в свои миниатюры. И их, действительно, так и видишь на стенах храмов в виде фресок или мозаики.

Как всегда в Арцахе, и сегодня, проснувшись в своей деревне, я сразу глянул за окно – что там, какая погода? С постели в незанавешенное окно видна путаница веток черёмухи. И сквозь неё небо. Последние дни перепали мелкие майские дожди. Как слезы девочки. Ни из-за чего, не от горя, а так – от полноты чувств и ожиданий. Но сегодня солнечно. И

ветви уже не голые, а в мелкой, еще нерешительной листве.

Вышел сжечь бумагу и прошлогоднее сено, сдернутое накануне граблями с земли и чуть влажное. Щелкнул зажигалкой. Загудело пламя, бледное на солнце. Оглянулся – как чувствуют себя цветы, посаженные в этом году? Всё слава Богу! Пошел на угол дома, где еще вчера заметил готовые расцвести черемуховые ветки с уже выброшенными среди листьев соцветиями, усеянными жемчужинками. Еще не распустились, но уже сильно пахнут.

И тут я услышал соловья, впервые в этом году, как раз в канун Дня победы, 9 мая! Он пел где-то по ту сторону оврага – как настоящий певец с богатыми трелями. Он щёлкал, булькал, дул в лешеву дудку. А по ту сторону деревни, у Нины Алексеевны, нашей соседки по имению ему еле слышно отвечал другой соловей. Соперник?..

И неизвестно откуда, по неизвестно какой ассоциации, пришли на память строки Набокова из моего самого у него любимого стихотворения «Расстрел» (Берлин, 1927):

*Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывёт кровать;
И вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.*

Он знает, что ему на родину запрещено, но всё же переходит границу. Как это похоже на любимый бунинский мотив! Но Иван Бунин до эмиграции всегда возвращался на родину – в Елец или в рождественскую Москву с её легким морозцем и паром

из конских ноздрей летящих по Тверской лихачей, храпящих на бегу вороных, косящих зеркально выпуклыми лиловатыми глазами. Он не скрывал своей тоски и любви и от этого ещё лютей была его ненависть к большевикам, его лишившим России. Но англазированный стилист, игрок словами, любящий напустить на себя аристократическое безразличие, этот Набоков... Как он близок мне своей тоской, которую не умел скрыть!..

Так вот я слушал щелканье соловья, озирался окрест на весенний мир и с горечью повторял набоковские строки: вот его поймали советские пограничники и сейчас расстреляют в этом весеннем мире, полном надежд, соловьиного свиста и молодости, который вовсе не заметит раздавшегося выстрела, не ответит даже эхом... Я вошел в дом и всё повторял и повторял про себя строки из того моего любимого стихотворения:

*...Но, сердце, как бы ты хотело,
Чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
И весь в черемухе овраг.*

Я переселился из большого дома в мой маленький. Поближе к черемухам, которые стояли сейчас в полном цвету. И всю-то ночь – когда ненадолго просыпался, сквозь неплотно прикрытые и к тому же одинарные рамы слышал оглушительное пенье, переключку сразу нескольких соловьёв. И оглушительный запах черемух – высоких, серебристых, покрытых ароматным инеем.

Сильно похолодало. По слухам, в Рязани выпал снег. Вот наша российская погодка!.. А единственная моя груша вся в цвету. Дождемся ли мы ее плодов, если и здесь грянут заморозки?..

Груши поспеют ещё когда – в сентябре, а сейчас май.

С чего бы это я, с какой радости вспомнил стихи Набокова? О чем он? О России, о любви к родине. Какое всё это имеет отношение к Арцаху? Самое наипрямеее! Потому как книга моя не только о храмах Арцаха, о крепостях на вершинах гор, о древних манускриптах и миниатюрах, а о замечательном свойстве людей Арцаха: о твёрдом и неизменном, непоколебимом чувстве любви к своей Родине. Об этом трудно писать. Но стоит лишь слегка задуматься над подоплёкой поступков...

Что мешало Рубену Осипову хорошо жить в Узбекистане, преподавать в школе? Но он буквально бросил всё и ради своих дочерей, чтобы они обрели родину и язык, переехал в Степанакерт. А Зорий Балаян? Он месяца не может прожить без Карабаха. К надгробью матушки своей он присоединил прах отца, затерянный среди сталинских сибирских лагерей, взятый из общей братской многонациональной могилы. Вот истинное торжество подлинной, а не лживой, алиевской дружбы народов. В этот славный ряд я бы поставил Раю, крестьянку из села Мачкалашен. Защищая родное село от напавших азеров, в жестоком бою, погибли два ее сына. Когда в Соединенных Штатах Зорий Балаян рассказывал по ТВ о Рае, говорят, плакала вся Америка.

Как не повторить слов Сергея Городецкого, сказанные в 1919 году: **«вот симпатичные черты кара-**

бахца, являющиеся как бы концентрацией старинных армянских доблестей, потускневших от жестокостей истории и в чистом виде сохранившихся в Карабахе.»

Не могу упрекнуть этого замечательного русского интеллигента в том, что он не высказал, что составляет определяющую, я бы даже добавил, самодовлеющую черту карабахца, на мой взгляд – я не побоялся бы назвать ее патологическим патриотизмом. Да он тогда и не был так заметен, как сейчас, когда не одно уже десятилетие существует **независимый Арцах-Карабах.**

Все эти последние годы я прожил в Арцахе и в размышлениях о нём.. И я знаю не по рассказам, я видел сам, что легче убить этих людей всех до единого, чем отнять у них то, что они вернули своей кровью. Житель Арцаха не откажется от своей Родины ни за что!

Глава двадцатая ПРОЩАЙ, ЧИКАГО!

Итак, прощай Красное Евангелие Гандзасара. Скорее всего мы никогда больше не увидимся. Прощай и ты, Чикаго, город морозов и ветров – последний раз вдохнул твой морозный ветер. Спецавтобус Шаттл собирает тех, кто сегодня улетает из города на местных линиях, с доставкой за весьма умеренную цену. Вот и я лечу на Юг, в Лос-Анджелес. Вернее сказать, пересекаю территорию страны с Северо-Запада на Юго-Восток.

Заходим с Тихого океана на Лос, так кратко зовётся город. Видны ряды тяжелых валов. Совершаем скачок из минус 30 в плюс 22: в горячее солнце, пальмы, какие-то пустынные кактусы, агавы.

Слабо верится, что в порту меня ждут Ленка с Игорем, мои дорогие друзья, которых я не видел – сколько, сколько? – да больше двадцати лет! Тогда, в советские годы, провожали на ПМЖ – на постоянное место жительства навсегда, прощаясь, как на похоронах. Уехал за рубеж, покинул родину – вот и попрощались...

Игорь с Ленкой были для меня не просто самые близкие друзья, а – как бы выразиться? – они были для меня высоким нравственным критерием жизни, той высокой чертой, ниже которой быть не мог человек, если считал себя порядочным. Они сами были такими и, это, безусловно, было связано с их научной средой – они составляли узкий круг непосредст-

венных учеников великого физика и человека – академика Льва Ландау.

С самого зарождения нашего приятельства я был поставлен в строгие рамки взаимоотношений: ничего не писать ни о них самих, ни о людях их среды (чтобы чего не подумали), не общаться с непорядочными учёными. Сентиментальничание из нашей – уже нашей! – среды исключалось, для него был придуман обидный термин «кислощенство». Я изо всех сил старался держаться на высоте, хотя только теперь, по прошествии стольких лет понял какую важную роль это сыграло в моей, как принято говорить, творческой жизни. Хотя – видит Бог! – держаться на высоте при нашем тогдашнем ублюдочном социализме было очень даже нелегко. Впрочем, что сейчас вспоминать!..

А вот и мои любимые друзья – Игорь и Ленка! Встречают. На шею мне бросилась Ленка, а чуть в стороне от нее весь расплылся в улыбке Игорь, уже приготовивший мне тележку для багажа. Господи! Мои дорогие, дорогие друзья, с которыми не виделся больше двадцати лет с тех пор, как они уехали в Штаты.

Уехали как умерли! «Разлука – младшая сестра смерти», сказал Мандельштам. Тогда, в глухие советские времена, провожал их без надежды на встречу! Сначала были редкие приветы через знакомых. Два–три письма от Ленки, вернее, глянцевые открытки с видами океана и университетских кампусов, где преподавал Игорь, авторитетный ученый – физик из школы академика Ландау. Потом и этот ручеек иссяк.

...И вот – о чудо! – я вижу их, моих друзей. Вроде так уж они и не изменились внешне, о седине я уж не говорю... Постарели? От радости не разберу!.. Как будто бы еще распушились у Ленки волосы, с сединой, правда, Игорь кажется еще более непричёсанным. У них у всех в школе Ландау была такая манера – не особо обращать внимания на свою внешность: сам академик Ландау ходил в клетчатой рубашке-шотландке. И его ученики – уже лауреаты, академики. И это передавалось их ученикам.

Быстро грузим вещи в машину новую, хорошую, германскую, лучше американской – понятие «ино-марка» как комплимент, оказывается, существует и в Америке.

Стиль ленкиного вождения автомобиля за эти годы не изменился: она всегда торопится, нарушает скоростной режим. Проезжаем по улицам, которых я уже не узнаю. И совесть меня грызёт: забрался на край света к друзьям и отдыхаю. Вспоминаю вслух о Вреже Нерсеяне из Британской Библиотеки. Он обнял меня на прощанье и прошептал на ухо, как серьёзный секрет: в Америке ты увидишь нового Торо-роса Рослина!

Ленка отвлеклась от руления и откликнулась на имя Рослина:

– Здесь у нас шумят об этом. Пол Гетти выставил в своём музее несколько подлинных миниатюр Рослина и вывесил их в Интернете. Приедем, покажу...

До Ирвайна, научного городка, где преподаёт Игорь, надо добираться несколько десятков миль в сторону мексиканской границы. Но вот, кажется, и всё – доехали. Заросший цветами въезд в гараж, который открывается обычным, типа телевизионного,

пультом. Спокойная комната с мягкой, не гостиничной – домашней постелью. На экране компьютера – Торос Рослин от Пола Гетти типичные рослиновские краски – хораны сияют золотом и лазурью. Я незаметно присел на кровать, а затем и прилёг. И так в мире и тишине незаметно заснул.

И мне приснился СОН О РОСЛИНЕ.

Сон из разряда вещей, пророческих, как сказали бы в старые годы. Мне снилось, что где-то в Шотландии (почему там – во сне не спрашивают) хранятся две неизвестные книги Рослина. А сам я нахожусь, по-видимому, в Лондоне, хотя никаких примет и деталей нет: ни уютного гостиничного номера близ Национальной Библиотеки, ни и самой библиотеки с ее любезным хранителем Врежем Нерсесяном. Но откуда-то мне известно, что в двух монастырях – очень древних, отдалённых, заброшенных, в горах, в диких непосещаемых углах хранятся эти рукописи. Причем, именно для безопасности они разнесены по разным монастырям, а сами эти монастыри далеко друг от друга.

И откуда-то у меня есть знание, что в рукописях имеются памятные записи, маленькие исторические хроники, созданные рукой самого Рослина. И думаю во сне: надо бы их сфотографировать, в Армении перевести. Интересно узнать все о рукописях – год создания, место – это, скорее всего, Ромкла, хотя некоторые рукописи Рослин украшал и вне этой резиденции католиков на Евфрате. Но сейчас главное, пока я в Англии – увидеть их, посмотреть! Почему-то в реальности этого я не сомневался. Забыл сказать: вместе со знанием о двух рукописях одна из них мне слегка открылась – будто для того, чтобы я сам убе-

дился, что это не сказки и не мои фантазии, а настоящий Рослин! И открылась рукопись, но не вся, а только первые ее страницы, развороты хоранов – мелькнули на мгновение, сверкнули в глаза и принесли мне счастье!

...И вот сейчас сию – не в Ирвайне, нет! – на терраске своего красного маленького домика, под Тарусой, который я построил после пожара большого дома. Слушаю хоры птиц, гляжу на зеленый мир вокруг и пытаюсь вспомнить, не упустить в затухающей памяти то, что было на этих приснившихся мне, блещущих страницах.

И снова в глаза слепит это счастье. И то, что т а к о г о Рослина я еще не видел, и то, что я немедленно узнал его – это, несомненно, он, Рослин! Все там его – и блеск золота, и сияние лазури, и какие-то еще выпуклые золотые зерна, кольца, шедшие по листу. И порхание сказочных птиц. И это, главное: рослиновские теплота, интимность, жар и любовь! Невозможно спутать, когда увидишь этот сгусток красок. Как невозможно также выразить то, что я видел. То, что промелькнуло на мгновение, буквально для затравки. Заставило сердце вздрогнуть и поверить. Потом пошли досадные, утомительные, как это бывает во сне, подробности. Какая-то морока – горы и скалы, едва проходимые тропинки, все это, более всего, конечно, напоминало Арцах. И правда: откуда я мог знать, какие там горы, в Шотландии? И еще что-то технически невозможное, придуманное специально для меня, учитывая мой возраст, чтобы не пешком мне взбираться на крутизну – какая-то доска положена через опасные переходы к вершине. Там видны были развалины монастыря, изъеденная

временем круглая башня. Конечно, мне туда самому не добраться (мой карабахский печальный опыт). Я понял: меня будут поднимать на лебедке, хотя саму лебедку не увидел. А обратно? Своим ходом по доске. Для спуска приготовлено даже какое-то сиденье с канатом, опять его не увидел.

Утомленный и раздраженный, к тому же, отвлечённый техническими деталями – подъёма–спуска, я проснулся, так и не увидев ни первой, ни второй книг. Досада, как бывает, когда сон прерывается на самом интересном месте!..

Вот и сижу этим ранним утром, слушаю хоры птиц. Знакомый соловей куда-то улетел. Но даже издали можно узнать его голос: затейливые коленца – и свисты, и щёлканье, и лешеву дудку. Во время паузы из еще большего, прямо неземного какого-то далека едва слышится голос кукушки, словно её эхо тонет в голубизне небес – уку, уку...

Соловей замолк. На сухую, обожженную пожаром моего дома ветку старой черемухи прилетел жаворонок, подставил грудку греющим лучам солнца и стал ронять окрест разноцветные звуковые буси-

ны. Что ему делать здесь – почему он не в поле, не на работе? Эти обгоревшие ветви черемухи, графически вырезные на фоне голубого неба с текущими по нему южными облачками, очень любит разноликий и разноголосый птичий народ. Вот улетел жаворонок, откликнувшись на зов с соседних деревьев. Прилетела синица. Ее посвист, такой тонкий, такой высокий, пронзает слух. Прошла минута-другая и – свято место пусто не бывает – прилетела еще одна птичка. С земли она кажется меньше воробушка. Я очень хорошо знаю ее пение с детства.

С того незабвенного и невозвратимого времени, когда жаркой весной, уже, наверное, в конце мая мама брала меня снимать дачу. Где-нибудь в Быково, отдалившись от станции электрички, мы шли вдоль штакетниковых заборов, за которыми жили, отдыхая, счастливые люди, уже снявшие дачу. Мы входили под своды сосен, я вдыхал их смолистый скипидарный дух и слышал песню этой птички. И это означало, что городу конец, наступило лето. Началась беззаботная чередка румяных солнечных дней, а в конце каждой недели – в субботу вечером (тогда еще работали шесть дней) надо на деревянной пыльной платформе электрички встречать маму. Обнимать ее одежду, пронизанную городскими запахами. Прижиматься к ее холстинковому платицу дрожащими губами. Слышать, как она то и дело зовет меня – «Сыночка... Сыночка...» Она говорила мне: «Умру, ты не станешь ходить ко мне!» – «Да что ты, мамочка...». Это казалось мне кощунственным, невозможным... Но так и случилось, о Боже! Проезжаю по мосту у Рижского вокзала, вижу справа скопление зелени – кладбищенскую рощу и золотую главу церк-

ви и не сворачиваю на могилу к ней – к той единственной, кто так преданно и верно любил меня. Это понимаешь тогда, когда невозможно вернуть... Когда слышишь голос этой птички...

А Рослин... Провожая меня в США, обняв, Вреж Нерсесян шепнул: «В Америке много Рослина». «Я знаю, видел и ещё увижу – в Балтиморе, в галерее Уолтерс. И еще в Вашингтоне, во Фриерской галерее, не подписанный, но несомненно его, хотя, работал, видимо, не сам, один, а с учениками». Вреж был доволен моими знаниями, как учитель хорошим ответом ученика на экзамене при важной комиссии. Но не это он имел, оказывается, в виду: у миллиардера Пола Гетти в его коллекции выставлено несколько неизвестных дотоле хоранов. Вот откуда мой сон! Не из тех ли, двух неизвестных манускриптов они, из Шотландии?

– Я был в музее Пола Гетти, на античной вилле на берегу океана... Но там этих хоранов не видел...

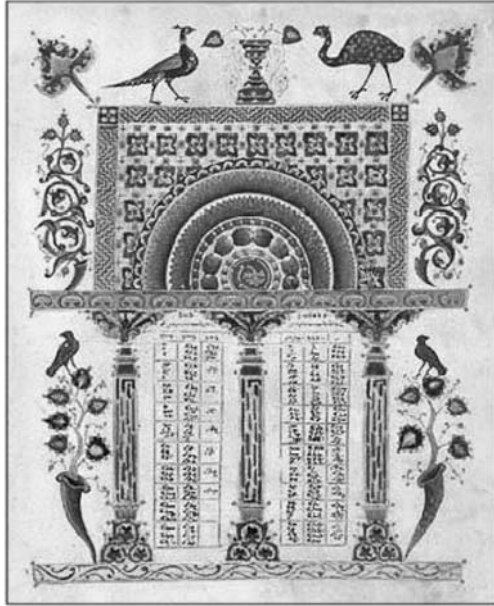
– Пол Гетти выстроил новое здание для своей коллекции, будешь в Лосе, посмотри...

Это Ленка: – Я вчера посмотрела в Интернете. Они есть на сайте музея, выставлены открыто для всеобщего обозрения, твои хораны.

Вечером я сам смог в этом убедиться. Это мировой процесс – перевести в электронную форму, как говорят, в цифру, художественные и прочие духовные ценности. Чтобы не надо было ездить в Ереван или Нью-Йорк развернуть ту или иную армянскую рукопись. Повторяю, это мировой процесс – этим занимаются и в Чикаго. И уже несколько манускриптов переведены в цифру, а среди них – и арцахская рукопись из Шамхора, армянской школы миниатюры.

– А откуда они вырваны, эти хораны Пола Гетти? Из какого манускрипта? Это известно?

...Как мне хотелось, чтобы как раз это было неизвестно – чтобы хораны были из неизвестной миру книги Рослина!

Пусть даже пропавшей, исчезнувшей. Но пусть остается надежда! Значит, есть что искать, надеяться на внезапное открытие еще одного манускрипта, неведомого сокровища. Ну как же проехать мимо, как не прилететь в Лос, как не полюбоваться на хораны в коллекции Пола Гетти?! Уже одно это оправдывает пребывание в Лос-Анджелесе – так я говорил, разглядывая сквозь окна комнатки зелёный цветущий мир Южной Калифорнии.

Отвечая на мой вопрос, откуда хораны, Вреж назвал при прощании рослиновское Зейтунское Евангелие, сказав, что хораны, скорее всего, оттуда. Я хорошо знаю Зейтунское Евангелие, не раз держал его в руках. Это самый ранний из дошедших до нас манускриптов Тороса Рослина – 1256 года, с обширной (собственноручной) памятной записью Росли-

на. Вспоминаю – и впрямь нет там хоранов в начале книги, есть лишь послание Евсевия Кесарийского Карпиану, и сразу (без промежуточных хоранов) идет золотая посвятительская запись: две полосы, звенящие золотом.

...Разглядываю зелень Ирвайна, шевелящуюся за окном под лёгким как дыхание тёплым ветром, и размышляю: а зачем нам вообще Торос Рослин? Вроде он вне темы моей карабахской книги: его бесценные манускрипты никогда как будто не бывали на арцахской земле. Но кто же из подобных мне любителей армянской древней книги откажется от счастья увидеть еще один клочок пергамена, украшенный великим художником?..

Особое отношение к Рослину, к киликийским рукописям и вообще к великому искусству киликийской Армении у меня возникло с тех памятных пор, когда на окраине самого дальнего села Кашатахского района Арцаха – Айтаха мы с Алексаном Акопяном и Акопом Берберяном стояли у железной летней печки-буржуйки и пили тан, подкрепляясь к финальному броску к развалинам Ахбрадзорского и Майреджурского монастыря. И, в результате весьма трудного для меня пешего перехода, оказалось: таков вывод учёных и мой вслед за ними, что именно из окраин этого села Айтах в XI веке переселилось в Киликию богатое княжеское семейство Ошинов. Им суждено будет занять киликийский престол и образовать царскую династию Гетумов-Ошинов. И в этом свете, например, царя Гетума II вместе с его любимым художником Торосом Рослином я рассматриваю уже не просто как отдалённые исторические фигуры, но как своих близких, как выходцев из Арцаха!

И в этот ряд укладывается Евангелие маршала Ошина, главнокомандующего армией Киликии, которое было приобретено за огромные деньги миллиардером Пирпонтотом Морганом и сейчас хранится в его Библиотеке Нью-Йорка.

Помню, как в Нью-Йорке, в этой библиотеке я долго стоял безмолвный перед блещущим синевой, лазурью и золотом чудом – Евангелием маршала Ошина, брата царя Гетума. Там в хоранах изображены обнаженные танцовщицы – случай уникальный в армянской миниатюре. Говорят, Морган, не будучи специалистом в армянских кодексах, нанимал экспертов, чтобы быть уверенным в том, что он приобретает подлинники. В сущности, мой прилёт в Лос-Анджелес оправдывают не только рослиновские хораны из коллекции Пола Гетти, но и замечательная коллекция армянских манускриптов в Университете Южной Калифорнии, где среди многих есть и арцахские. Просто по сравнению с Рослином они бледнеют, уходят в тень.

В Университете Южной Калифорнии (UCLA), пожалуй, самое большое собрание армянских манускриптов в Соединенных Штатах. Здесь все связано с именем Аветиса Санджяна. И пухлый его Каталог, и анализ Красного Евангелия в ней, и приобретенная в Иране ценная коллекция армянских манускриптов, а также издание книги-монографии о Евангелии Торо-са Таронаци, которое из этой коллекции.

... Приехал в Ереван после большого перерыва и – что я узнаю? Армяне возбудили судебное дело против Пола Гетти с целью возвратить хораны Рослина в Армению, в Зейтунское Евангелие, откуда они были вырваны. Выиграли ли они этот процесс?

Так ли, нет ли, но радует, что армяне борются за возвращение своих ценностей на Родину. Что касается меня, то я буду советовать (на большее не имею морального права) в случае возвращения хоранов в Армению не разброшировать Зейтунское Евангелие, чтобы их вставить туда, лучше передать эти хораны на вечное хранение в Арцах, так сказать, к истокам. Пусть многострадальная земля обретёт свою частичку великой культуры.

Если такого не случится, что весьма возможно, учитывая искущённость американских юристов и богатство Пола Гетти, то у меня есть другое предложение: передать в Арцах для чрезвычайно бережного хранения так называемое Евангелие Католикоса Вазгена I. С этим Евангелием, уникальным по своей ценности для мировой культуры связана весьма примечательная история. В своё время я описал её в специальной статье, привожу ...

Дар Католикоса Вазгена

Хочу рассказать вам о важной новости и еще – поделиться радостью.

Вышел в свет толстый, очень тяжелый том большого формата – я еле довез его до Москвы, а из Москвы до моей деревни в отдельном пакете – чуть ручки не оторвались – и с почтением поместил в своей библиотеке.

Это факсимильное издание Евангелия католикоса Вазгена, то есть воспроизведение манускрипта страница за страницей, начиная с первых листов: с хоранов, украшенных арками таблиц, подсказывающих читателям, где что искать в тексте четырех еван-

гельских книг – и так строка за строкой, миниатюра за миниатюрой, вплоть до самого последнего листа.

Сразу скажу, что воспроизведение в цвете страниц рукописи, тех же хоранов, далеко от того полиграфического качества, к которому мы привыкли в последние годы – всё то, что видим не только в «западных» альбомах, но и часто в России и Армении. Но произнесем: Слава Богу! Наконец-то работа, так давно готовая, много лет лежавшая втуне, благодаря 1700-летию принятия христианства в Армении увидела свет. Хорошая новость!

В небольшой, но очень интересной научной работе, включенной в фолиант, Татьяна Измайлова, дотошный исследователь армянской миниатюры, считает Евангелие Вазгена I одним из выдающихся по своему значению христианских манускриптов, сохранившихся в мире, а саму публикацию его в факсимильном виде – подарком для науки. Теперь у исследователей появилась возможность в своих странах, не приезжая в Ереван и не тревожа саму реликвию, взять точную ее копию в руки, перелистывать, раздумывать над ней. А раздумывать есть над чем. Манускрипт ведет нас в раннее христианство, с одной стороны, а с другой – к первым текстам армянских Евангелий, переписанных с помощью алфавита, созданного Месропом Маштоцем в первые годы V века. Можно сказать без преувеличения: Евангелие католикоса Вазгена I полно загадок.

И в самом деле, эта рукописная книга при первом взгляде на нее производит странное впечатление. Помню, много лет назад я развернул ее деревянно скрипнувшие пергаменные листы и увидел, что миниатюры в тексте почему-то стоят перпенди-

кулярно к строкам, некоторые даны явно в зеркальном изображении. При этом сами миниатюры очень архаичные, а книга по сравнению с ними кажется более поздней, хотя это и X век! Почему такое несоответствие? Вопросов возникало множество.

Ответ на все эти недоуменные вопросы мы находим в фолианте, о котором я веду речь – в работе издателя манускрипта сотрудника Матенадарана, моего так рано ушедшего из жизни друга Арташеса Матевосяна, который дает кодикологический (книговедческий), текстологический, исторический, короче говоря, всесторонний анализ, а также в упоминавшемся мной исследовании миниатюр, принадлежащем Татьяне Измайловой.

Вокруг этого манускрипта ходило много легенд. И даже само появление его в поле зрения ученых было окружено почти невероятными рассказами. Вот один из них.

Каким-то образом стало известно (а такие слухи среди армян распространяются очень быстро), что в Арцахе, в такой-то деревне, в таком-то определённом доме находится очень древняя книга. Конечно, что это за книга, никто точно не знал. Хозяйка манускрипта старалась его никому не показывать, а о том, чтобы продать его или, скажем, подарить церкви, и слышать не хотела. Но в деревне, как обычно, всё знают в деталях... Было известно, что книга находится в спальне хозяйки и даже в каком именно месте лежит.

Когда слухи дошли до Эчмиадзина, католикос Вазген I очень заинтересовался сообщением о древней книге и одновременно забеспокоился, ведь деревенский дом – не совсем подобающее место для

хранения такой рукописи, и не безопасно ей там быть. И ученые ее не видели, не изучена она, в каталогах ее нет. Одним словом, желательно было бы книгу доставить в Эчмиадзин. Епископ из Карабаха, судя по легенде, очень предприимчивый и с живым воображением, обещал уговорить строптивую женщину и все обязательно устроить в лучшем виде.

И вот однажды, как рассказывают, в деревню торжественно въезжает черный «Зим», была такая в советское время длинная нелепая представительская машина – и тормозит у дома, где была книга... Из «Зима» выходит епископ в парадном торжественном облачении, его сопровождают служки, звенят дисками. Дьякон размахивает кадилом... Детишки, скачущие за машиной, едва переводят дыхание. Сбегаются жители. Тем временем, духовная процессия входит в дом к остолбеневшей хозяйке. При этом епископ возглашает: «Вижу свет, вижу свет!..» И направляется прямо в спальню, как бы привлеченный невидимым светом. «Вижу свет, вижу свет из святого Эчмиадзина!..» И на глазах у онемевшей хозяйки епископ уверенно достает из ее тайника рукопись, целует ее и, бережно обернув в ткань, так же торжественно и медленно удаляется. Испуская клубы дыма, как говорится, на глазах изумленной публики «Зим» вместе с манускриптом покидает деревню.

Вот какую историю я однажды слышал...

Но что же это за манускрипт такой? Спешу рассказать. Но прежде два предварительных слова.

Когда мы берем в руки книгу – любую, так сказать, книгу вообще, мы не задумываемся над тем, что было время, когда книг еще не было на свете.

А многие века существовали свитки с начертанными на них различными текстами – то есть, ленты из выделанной кожи-пергамена, из склеенных полос папируса и даже из свернутых металлических листов. Итак, свитки... Они иногда были очень длинные, в несколько десятков метров, например, с текстом «Илиады» Гомера.

Свитки были также древнейшей формой записи Священного писания. Вспомним Кумранские рукописи, найденные у Мертвого моря, а затем находки текстов на папирусе из поселения Элефантина на Ниле в Египте. Естественно предположить, что первые христианские тексты – Евангелия, тоже были первоначально записаны на свитках где-то в конце первого – начала второго века нашей эры (раньше содержание евангелий передавалось изустно).

Да, так *можно* предполагать, но до нас такие евангельские свитки не дошли! Можно также гадать о том, какими они были, украшены или нет миниатюрами, если – да, на что были похожи те первые иллюстрации из земной жизни Христа. Как художники ранних христианских веков представляли себе Спасителя, Его путь, Его чудеса и Страсти Господни.

И вот что замечательно! Исследуя рукопись Евангелия Вазгена I, ученые поняли, что именно этот манускрипт способен ответить на эти и на многие другие вопросы, которые, казалось, безнадежно потонули в пучине времён.

Обретя рукопись, католикос Вазген I призвал Арташеса Матевосяна, эрудиции и (мало того!) научному чутью которого он особо доверял, показал ему Евангелие. Как мне потом рассказывал Арташес, он был потрясен необычностью манускрипта. И сразу

сказал, что требуется время на исследование, но он не сомневается, что жатва будет необычайно обильна.

Повисла пауза. И католикос, и ученый понимали, что для этого манускрипт Арташес сейчас должен взять с собой в Матенадаран, институт древних рукописей. Но католикос же обещал никуда рукопись из Эчмиадзина не отпускать. Он спросил Арташеса:

– Может быть, здесь?..

Арташес пожал плечами. Оба понимали, что это нереально.

Католикос подвинул тяжелый манускрипт ближе к ученому:

– Никто не должен знать. Для всех Евангелие не покидало святой Эчмиадзин!..

Арташес Матевосян осторожно обернул рукопись тканью, как это столетиями делали до него армяне, и направился к выходу.

Жадно, с нетерпением скупого рыцаря, перебирающего свои сокровища, Арташес заперся в своей комнате-келье на втором этаже Матенадарана и стал часы проводить над своим богатством. Спускался в подвал, в книгохранилище, сравнивал начертание букв, грамматику, состав текста, пергамен – невозможно всё перечислить! Постепенно стало ясно, что рукопись относится к X веку (точная дата создания манускрипта была утрачена), были найдены аналогии среди рукописей, хранящихся в Матенадаране.

Но основной корпус миниатюр был явно не X века и вообще был ни что не похож.

Была приглашена Татьяна Измайлова, видный специалист по иллюстрированной армянской рукописной книге, особенно ранней. Вместе с Арташесом

Матевосяном они сделали предположение, очень смелое: миниатюры в Евангелии католикоса Вазгена были перерисованы с древнего свитка.

Я это рассказываю вкратце, а исследователи тратили месяцы и месяцы на изучение текста и миниатюр, сравнивая Евангелие с древнейшими христианскими кодексами, сохранившимися в мире. Не помню, уж сколько времени прошло, и на каком этапе они находились, когда я, будучи в Ереване, в первый раз склонился над этими, так странно, словно набор положенными миниатюрами.

Именно так они были когда-то увидены писцом или художником, когда он разворачивал древний свиток. И как он их увидел – так и перерисовал! Здесь сыграла роль традиция точно копировать образец. Представьте свиток, растянутый и положенный хотя бы на стол – миниатюры в нем из горизонтальных станут вертикальными. Так они и были перенесены на страницы армянской рукописи, при этом Вазгеново Евангелие, хоть оно и X века, вовсе не обязательно было первой копией со свитка. Скорее всего, рукопись с древнейшими манускриптами и этот древний свиток-образец попали в руки первых переписчиков священных книг, работавших в V веке. К тому времени перевод Евангелия на армянский язык уже был сделан святым Сааком Партевом. А иллюстрации к нему были взяты из свитка.

И Евангелие католикоса Вазгена I служит важным свидетельством – подтверждает, что первоначально евангелия действительно существовали в виде свитков, но, мало того, оно указывает, что в первохристианские века свитки бывали украшены миниатюрами.

Это факт совершенно новый и для ранней истории христианства замечательный.

Готовясь к этой статье, я просмотрел многие армянские Евангелия, в них согласно общехристианской традиции четверо их авторов – Матфей, Марк, Лука и Иоанн – изображены в виде писцов. Армянские художники часто помещают перед ними все письменные принадлежности – и пузырьки с чернилами, и тростниковые ручки, и ножички, чтобы их очинять, и т.д.; они также рисуют затейливые пюпитры (часто в форме рыбы, раннего символа Христа), на них перед Евангелистами установлены книги, с которых они как бы копируют свой текст. Но вот я разворачиваю Малатийское Евангелие, созданное Торосом Рослином в 1267-1268 гг. Что это? У него Евангелисты Марк и Иоанн держат перед собой в качестве образца развернутые свитки! Подобное видишь и в манускрипте Евангелия, когда-то созданном для Смбата Спарапета, правоведа, поэта и полководца киликийской Армении. И эти примеры можно было бы значительно умножить. Почему-то исследователи не обращали внимание на эти подсказки древних художников. А художники отдаленных веков словно хотели нам показать, как происходил переход от свитка к книге, к кодексу.

Так когда-то держал перед собой свиток и первый переписчик Евангелия Вазгена I.

Шло время, Арташес Матевосян продолжал изучение манускрипта, начал готовить факсимильное его издание. Но надо было урегулировать отношения с владельцами древней рукописи. И тут я снова вступаю в область легенд.

Будто бы родственники той женщины из арцахского села посоветовали ей смириться с тем, что рукопись оказалась в Эчмиадзине таким необычным образом. И извлечь возможную выгоду. Так появилась идея о том, что католикос подарит ей автомобиль «Жигули». Сегодняшнее молодое поколение, разъезжающее на иномарках, не помнит, конечно, каким дефицитом когда-то был автомобиль «Ваз». Его продавали знатым людям, передовикам производства, ветеранам войны. Новая машина на рынке стоила две-три номинальных цены. Поэтому ответный жест католикоса в виде «Жигулей» мог рассматриваться тогда как достойная компенсация. Что и было вскоре сделано.

А сам манускрипт католикос торжественно передал в дар Матенадарану. Поэтому эта замечательная рукописная книга и получила название «Евангелие католикоса Вазгена I».

Конечно, меня интересовало, откуда эти хораны — те, что у Пола Гетти, из какого они манускрипта. Еще в Лондоне Вреж Нерсесян осторожно предположил, что эти хораны могут быть из Евангелия 1256 года, самой ранней из дошедших до нас рукописей Рослина, которая хранится в Ереване в Матенадаране. Я обратился к хорошей объемной монографии Ирины Дрампян, целиком посвященной художнику, и в ней нашел много интересного; правда, Пол Гетти не упоминается. Развернув эту чрезвычайно интересную, полную глубоких наблюдений и малоизвестных фактов книгу, я узнал, что драматическая судьба Зейтунского Евангелия с захватами, пленениями, переменой владельцев вполне могла привести к

путанице в судьбе этого манускрипта. Оно считается бывшим в Зейтуне, но возможно и то, что там была ДРУГАЯ рукопись Рослина, а эту вернее бы назвать Марашским Евангелием. Ура! Значит, есть надежда когда-нибудь найти следы исчезнувшего Зейтунского Евангелия!

Посмотрите на эти хораны, на этих рослиновских птиц полюбуйтесь!.. А заодно и на портреты Евангелистов. Вот Иоанн Богослов... Какой глубокий портрет! Не забудем – это XIII век, 1256 год! Поистине сон о Рослине можно увидеть наяву.

Да и ещё многих из великих киликийцев я числю своими земляками, арцахцами. Это и Смбат Спарпет, путешественник ко двору монгольского хана в Каракоруме, поэт, историк, правовед, автор Антиохийских Ассизов, Хроники, изумительно украшенного Евангелия из Матенадарана, свидетельствующего о его безупречном вкусе. Это и его племянник Гетумпатмич, написавший для Запада Историю монголов. В ряду арцахцев для меня стоят поэтический титан Григор Нарекаци, автор Книги Скорбных Песнопений и автор Божественных Элегий Нерсес Шнорали, (что означает Благодатный), армянский католикос, поэт, композитор.

Да, они обступают меня со всех сторон, это историки и врачи, астрономы и музыканты-создатели до сих пор не расшифрованной армянской музыки в томах, заполненных хазами – буквенными знаками армянских нот. Меня обступает великая культура армянской Киликии, несущая в начале своём как река, имеющая свой исток, окраинный лес села Айтах, это семейное кладбище князей Ошинов. И как бы ни мечтали жадные до чужого руки заграбастать

армянскую землю с ее истоком киликийской культуры, как бы ни требовали зарубежные доброхоты отдать «возвратить» ее вандалам – это будет для армян равносильно отказу от святых страниц своей истории, от своих святынь..

Это всё равно, что отдать ту часть армянской земли, на которой в I веке до нашей эры стоял город Тигранакерт – город, основанный любовью армянского царя Тиграна Великого к своей сестре Тигрануи, сначала отданной в жены мидийскому царю, а потом едва возвращенной назад, когда Тигран узнал от неё, что мидиец замыслил убить его. Для любимой красавицы – сестры Тигран повелел возвести дом-крепость на вершине холма, откуда открываются привольные просторы равнинного Карабаха.

Как-то осенним днём мы бродили по раскопкам вместе с Жоресом Хачатряном, который ныне в армянской науке курирует исследования античной Армении. Он много лет работал в Гарни, а сейчас уже многие годы трудится в Арташате. Недалеко у берега реки Аракс он недавно раскопал обширный архитектурный комплекс – храм крупнее Гарни, с колоннадой, банями, системой канализации. На вершине холма Тигранакерта в тот день было так туманно, что Жорес, если он шел впереди меня и быстро отдалялся, то исчезал из поля зрения, тонул в тумане. Но вот он подождал меня и обратил мое внимание на «ласточкин хвост» – углубления в камне, сделанные определённым образом. Я уже знал по моим другим поездкам с Жоресом, что это было несомненным признаком сооружения времен античности: в такие углубления закладывали специально вырезанные из

твердых прочных пород дерева, например дуба, детали и так скрепляли кладку.

Как-то, бродя среди развалин некогда-то богатого азербайджанского города Агдам, откуда прежде вслепую, через горы азеры стреляли по столице Арцаха Степанакерту, ракетами из запрещенной установки «Град», желая стереть его с лица земли, я слышал и такие слова: надо отдать азерам эти пустынные земли – «пусть подавятся!»

Ни в коем случае!

Отдать древний Тигранакерт, где раскопки далеко не закончены, и основанный у подножья холма музей, который с каждым годом будет обогащаться новыми находками?.. Нет! Отдать все это – значит, отказаться от великой живой книги истории своего народа.

Разве мало потерь и утрат было у армян?.. Ещё немного – и что останется без Тиграна Великого и без Киликии?..

Глава двадцать первая НОВЫЙ МАТЕНАДАРАН

Честно скажу: у нас со спонсорами не густо. Не знаю, почему...

Все, вроде, армяне, все патриоты. Деньги прошу не для себя, а на фильм, на книгу.

Но надо быть справедливым: есть, конечно, и патриоты, и настоящие спонсоры. В двух моих предыдущих книгах «Наш мир подобен колесу» и «Замороженное время» помещены два портрета и повторены имена – Сергея Александровича Амбарцумяна и Армена Аванесовича Гукасяна. Они же спонсоры 19 и 20 (иранских) серий фильма «Матенадаран». Что касается Сергея Александровича Амбарцумяна, то он, на мой взгляд, надолго вписал своё имя в историю армянской культуры – он спонсировал создание нового здания Матенадарана.

Конечно, меня больше всего поразил этот тоннель – новое хранилище древних армянских манускриптов, с отсеками-комнатами, с температурным режимом. Бесценные рукописи теперь избавлены от опасной тесноты. Построено хранилище с запасом площади, чтобы ближайшие поколения знали, как показать драгоценнейшие и самые интересные манускрипты.

Ереванский Матенадаран – это сокровище культуры мирового значения, которое ныне обрело достойную оправу.

Глава двадцать вторая ДОБРЫЙ ДОКТОР

Еще накануне поздним вечером я позвонил нашему водителю Марату и попросил его сегодня утром приехать за мной, хотя предполагалось, что он вместе со своей «Нивой» будет отдыхать после тяжелой поездки. Да и мне неплохо было бы прийти в себя после крутого подъема, где я чуть концы не отдал. Но срок мой в Арцахе истекал, и я уже не мог попусту тратить воскресенье, хотя бы и на приведение в порядок моих записей. Тем более, что открылись интересные обстоятельства.

И вот, туманным воскресным утром мы с Маратом едем по ставшей столь привычной дороге и как бы покидая Карабах, въезжаем в начало Лачинского коридора. Небо как сметана. Свозь него бледным желтком просвечивает солнце.

Марат – безотказный мой помощник, но я все же объясняю ему, что же произошло вчера, после того, как мы возвратились и распрощались. Меня пригласил министр иностранных дел Арцаха – это была, как я понимаю, наша итоговая встреча.

Георгий Михайлович Петросян – человек мне чрезвычайно симпатичный: своей предупредительной любезностью, тонкостью ума и тем уровнем культуры, который предполагает профессиональное знание литературы, архитектуры, живописи и вообще... А о подробнейшем знании всего, что касается Нагорного Карабаха, я и не говорю: это естественно

для дипломата такого ранга. Естественно, да! Но не многие этим обладают. Все эти недели в Арцахе он следил за моими передвижениями, готовый в любой момент прийти на помощь.

Не помню сейчас, почему мы заговорили о храмах Арцаха. Я высказал такое наблюдение: здесь, по сравнению с остальной Арменией, посвящения заметно многообразней. Есть храм, посвященный Григору Нарекаци, я в нем был лет десять назад. Храм в память Отроков в печи огненной. Храм Кармир Аветаран. Храм Спитак Хач в родном селе академика Самвела Григоряна и так далее. Можно долго перечислять, у меня целый список.

– А храм Бари Бжишк, Добрый Доктор, есть в Вашем списке, были Вы там?..

Я даже не слышал!

Вот после этого я и позвонил Марату. Мы едем по хорошему асфальту, ведущему в Горис, ищем поворот, обозначенный каменным крестом. Находим, сворачиваем. Дорога круто забирает вверх. Проезжаем мимо села Мец-шен, его называл мне Петросян. И есть ещё Евангелие Мец-шен...

– Как проехать к храму? – спрашиваем. – «Да всё по той же дороге, другой нет...»

Окружающая местность вместе с селом куда-то проваливается, уходит вниз – постепенно мы обретаем прямо-таки обзор с самолета. Завиднелся Берд-дзор – домики-коробочки разбросаны по холмам. Появились снежные вершины – это уже Сюник, Армения.

Подъезжаем к сельскому кладбищу со свежими могилами, с вертикальных плит глядят на нас молодые лица, на груди тельняшки. Да, война, жертвы...

Но где же Бари Бжишк? Вокруг ничего старинного. Глядим дальше, выше. И теперь уже не дорога, а тропка вьется по свежей траве, ведет нас.

Я никогда не боялся ездить с Маратом, но тут... Тропинка вывела нас на гребень и незаметно свернула – предательски круто, буквально под прямым углом. Побежала по гребню. Кто же этого мог ожидать? И мы с размаху буквально зависли почти что на краю пропасти. Ну, не пропасти – так показалось сначала, аж сердце ёкнуло – но на краю такого крутого спуска, что с него легко можно было кувырнуться. Марат мгновенно затормозил, и автомобиль, казалось, даже закачался на гребне. Задний ход, вперед помалу с крутым поворотом – и мы снова едем по тропинке.

И тут вдали и вверху забелела высокая церковь. Мы быстро подъехали к ней и остановились, окруженные со всех сторон открытым горным пространством. Кто-то укрепил рушащиеся стены белой новой кладкой из гладкотёсаного камня, уложил ступени, навесил голубую железную дверь. Вставил окна в узкие высокие проёмы. Посыпал чистой галькой каменный пол. Кто-то провел сюда электричество и для освещения церковной площадки установил высокий – дугой – городской уличный фонарь.

Есть и столик, сваренный из железного профиля, накрытого металлическим листом. Сюда можно присесть, отдохнуть, подкрепиться. Во время свадьбы ли, после крещения младенца отметить эту радость. Опять же разделать «матах», жертву: барашка или петуха, зарезанных у стен, чтобы наделить ею священника и беднейших жителей – так полагается по обычаю армянской церкви.

Некоторые считают такое принесение жертвы пережитком язычества. Но, на мой взгляд, это традиция первоначальной христианской церкви, сохраняемая армянами вот уже два тысячелетия – она идет от иудейского Закона. Вспомним, что когда младенца Иисуса Мария вносила в храм, за ней шел Иосиф Обручник с жертвенными голубями в руках. Сколько раз я видел этот сюжет на сотнях армянских манускриптов...

И еще на одно обращаешь внимание – на чистоту вокруг Бари Бжишка: не валяются ни стеклянные и пластмассовые бутылки, ни банки, ни головешки от костра. Никаких досадных следов человека. Все убрано, храм окружен заботой. По всему видно – это уважаемое и посещаемое место. И при всем том Бари Бжишк не отмечен, как я потом это установил, ни в одном из имеющихся у меня очень хороших и подробных книг и альбомов. Нет ни описания, расшифровки надписей, обмеров и плана храма, ни даже упоминания о нем.

Я обошел храм кругом – базилика, типичная деревянная базилика, одна из многих. Сейчас она по-осеннему пустует. А пройдет совсем немного времени – и дорогу завалят снега, и она молча простоит до весеннего тепла, до весенних церковных праздников. Я представил себе ее зимнее одиночество, сугробы на ступенях, ни следа...

Прав был министр Петросян, когда сказал вчера об арцахских храмах: у нас их столько, что мы не можем во всех молиться. *Они молятся за нас.* Я подумал: истинно так! Они молятся, даже когда молчат и тоскуют без людей. Вот как этот храм на вершине горы. Бари Бжишк – Добрый доктор. Конечно, посвя-

щен храм не в честь талантливого и доброго врача, жившего в округе. Это исцелитель наших душ и сердец Иисус Христос.

Может быть, по этому поводу следует вспомнить историю царя Абгара, правителя небольшого царства со столицей в Эдессе, жившего во время Иисуса Христа. Узнав о его чудесных исцелениях безнадежных больных, царь написал Иисусу письмо: он был болен проказой. Текст письма приводят Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» (IV в.) и Мовсес Хоренаци (V в.) Я заметил, что в передаче обоих авторов письмо начинается с обращения к Христу, составленного так, будто Абгар был глубоко верующим человеком. А он тогда был еще язычником.

После долгих поисков я добрался, пожалуй, до самого раннего из дошедших до нас вариантов письма: он сохранился в Национальной библиотеке в Париже в манускрипте на древне-армянском языке. В нем Абгар обращается к Христу не как к Сыну Божьему, а как к *чудесному лекарю, врачувателю*, объявившемуся в Палестине. История, рассказанная Евсевием Кесарийским и Мовсесом Хоренаци – об обмене письмами между Христом и царем Абгаром и последовавшим за этим излечением царя и принятием христианства народом Эдессы – это, по существу, гимн великому Врачевателю, доброму пастырю наших душ – или Бари Бжишку, как называют его армяне. И вот в Арцахе Христу как врачувателю и посвящена одна из церквей.

Прощаюсь ней, желаю и дальше врачевать души в окружающем мире, хранить его.

Съезжаем с горы по зеленому скату. Впереди выстраиваются мощные дубы, явно столетние, не меньше. На них еще держится листва, а та, что опала – побурела, лежит рыжими кругами у стволов.

На обратном пути сверху разглядываю село Мец-шен, его дворы. Стоят ульи, сушится белье на веревках. Хорошие зажиточные дома – одноэтажные, двухэтажные, красные и светлые крыши. Дай Бог, чтобы под ними шла только мирная жизнь!

Глава двадцать третья ЦИЦЕРНАВАНК КАРАБАХ, ДО СВИДАНЬЯ

Ярчайшее солнце глядит в окно моего номера, последние минуты я в нем. Пришли Рубен и Манвел, мои верные спутники, ждем руки на прощанье. Грустно расставаться с теми, кто стал тебе близок за эти недели. Грустно уезжать из Арцаха, особенно в такой ясный день. Говорю фразу, где-то ее услышал и запомнил, так понравилась мне она: «В такой день хорошо быть живым, как говорят лётчики-испытатели...»

Рубен и Манвел понимающе улыбаются.

Выезжаем с Маратом из города. Поднимаемся на высоту, сегодня всё резко и отчетливо видно – сначала каждый дом в Степанакерте, потом за ущельем Шуша – друза кристаллов, и где-то в ее центре белым сталагмитом растет собор Казанчецоц. А какой туман был в Арцахе в мой первый день! У Шуши мы просто въехали в облако, как в молоко погрузились.

А сейчас в последний мой день за привычным горным окружением завиделись еще какие-то цепи и вершины. Длинные плотные их тени тянутся через асфальт. Хочется затормозить, наезжая на них. Ослепительно горят стеклянные изоляторы на высоковольтных мачтах. Ветер рвет последние листья с тополей, метет их нам навстречу.

В мои уже весьма преклонные годы я, умудренный печальным опытом, стал отделять глагол «пла-

нирывать» от «надеяться». Планирую снова приехать в Арцах в будущем году летом, а вот могу ли надеяться... Бог весть! От этого сильнее грусть при расставании с окружающим миром, открывшимся мне сегодня во всей своей прощальной ясности.

Но нельзя покинуть Арцах и не увидеть Цицернаванк! Это один из выдающихся архитектурных памятников Армении. Так говорится во всех специальных и популярных книгах, которыми я успел вооружиться. «Цицернак» – по-армянски ласточка. Одни авторы считают, что это ласточки, лепящие свои гнезда под высокими кровлями храма, дали название монастырю. Другие относят название ко временам дохристианским, когда на этом месте стоял языческий храм. А ласточек тогда почитали, им поклонялись. Не знаю... Не очень забегая вперед, скажу, что ни одной ласточки ни у храма, ни в окрестностях я так и не увидел. Должно быть, они уже успели улететь в теплые края – зимовать.

Цицернаванк лежит по дороге в Ереван. «Не надо специально туда ездить. Надо просто свернуть, а там недалеко», – говорили мне. Согласно совету, у поста ГАИ мы сворачиваем с асфальтовой дороги.

О, эти знакомые мне до боли в копчике дороги! Сколько я проехал по ним километров!.. Каменистые, в отличие от мягких российских, на них не увязнешь в любую непогоду, но неровные, с глыбами поперек, прямо сказать – жесткие.

Вот и здесь – отрезки асфальта перемежаются яминами. Марат разгоняется и тотчас же тормозит. Когда сам сидишь за рулем, успеваешь собраться перед тем, как машина подскочит. Когда же с водителем рядом, то все время запаздываешь.

Мы уже довольно долго едем по краю обрыва, навстречу нам по каменистому руслу бежит резвая речка Ахавни, в её имени слышится звучание армянского слова «голубь» – голубиная река? Никакой особенно голубиной кротости нрава я в ней не замечаю. Бурлит, упрямо ворочает камнями, переплёскивает через невысокие скалы, ветвит свое русло.

На другом берегу видны развалины сел. Из прочитанного я знаю, что еще в 1905 году кавказские «татары» или по-другому «кавказские турки» (название «азербайджанцы» появилось во времена советской власти), поселившись здесь, в армянских селах, грабежами и убийствами вынудили бежать последние уцелевшие армянские семьи. В селе Цицернаванк до конца XIX века было 100 домов у турок и 25 домов у армян. Однако, когда имущество армян было разграблено, а несколько человек убито, армяне покинули село, «будучи не в состоянии жить там...»

Со стесненным чувством я провожал взглядом эти развалины домов азербайджанцев, которые тянулись сплошь вдоль реки. Виновны ли они? Жили здесь сто лет и больше, пасли свой скот. Невинные овечки? Кто же тогда разрушал армянские храмы, осквернял кладбища, разбивал хачкары? Они или приезжие «ученые» из Баку?.. Ненависть к армянам давно тлела в сердцах здешних жителей и вспыхнула пожаром после сумгаитских и карабахских «событий». Не сомневаюсь, они охотно примут участие в новой резне, если Азербайджан захватит Карабах. Я все это понимаю и – все-таки, все-таки... Разве все эти мертвые коробки домов принадлежали виновным людям? Какая жестокая вещь война со всей её железной необходимостью и целесообразностью!

Я проехал много километров по районам, которые азербайджанцы называют оккупированными, а армяне – освобожденными, и всегда, когда я смотрел на развалины домов, на разоренные гнезда, меня тревожила эта мысль.

Где-то здесь, выше по реке, знаю, расположено село Кашатах. Его упоминает историк Степаннос Орбеян (XIV в.) среди населенных пунктов провинции, которые должны были платить подать Татевскому монастырю. И село Цицернаванк тоже платило – 10 сребреников ежегодно. Но все мои попытки увидеть это село по ходу автомобиля ни к чему не приводят. А ведь в селе сохранился княжеский дворец мелика Айказа (XV в.). Тут стоит указать на характерную деталь – азербайджанцы считали его резиденцией мусульманского султана, местного владельца, и село называлось Султан-кянд. Об этом даже указано в азербайджанской энциклопедии советских времен. А раз – «свое», значит, можно восстановить, отреставрировать, а не разрушать. Так меликский дворец и сохранился.

Помнится, я обратил внимание на то, как бурно широкий ручей – приток Дзорацик – впадал в речку; помню и каменную – сухую, серую и темную мокрую косу на месте впадения. Но резиденции мелика Айказа в створе двух рек я не заметил. Видимо, моё внимание было сосредоточено, главным образом, на дороге. Прошло не десять минут, как нам обещали, а в три раза больше, но Цицернаванк всё не показывался. Марат поглядывал на часы, я его понимаю, нам до Еревана еще ехать да ехать.

А сначала по ужасной дороге еще возвращаться до поворота с ГАИ, от которого мы все более удаля-

лись. А река слева всё текла – холодная лава воды как будто стояла...

И вот, наконец, за сквозящей зеленью деревьев мы увидели на высоком холме долгое тело храма – Цицернаванк. Солнце било сбоку, алтарная часть была хорошо освещена. Лёгкая колоколенка на крыше высывала голову из-за стен, действительно, как какая-то птица. Она казалась чуждой высокому мощному храму. Будто, и впрямь пролетая мимо, опустилась отдохнуть.

Наша «Нива» уверенно взобралась на крутой пригорок и скромно встала неподалеку от арки входа – старинного портала. Когда-то он был частью стен, ограждающих монастырь. Еще сравнительно недавно на стене была строительная надпись. Армянские ученые ее успели расшифровать и опубликовать: «Волею Бога...обновлена ограда рукою князя Айказа во предстоятельство епископа Мкртича, год 1063 (=1779)» Но в разгар карабахского конфликта стена руками ненавистников была разрушена и надпись исчезла.

Я остановился, чтобы полюбоваться храмом сквозь арку входа, и за спиной своей заметил двух девчушек, которые были привлечены подъехавшей машиной и остановились в нерешительности, стесняясь подойти. Были они в простеньких платьицах, выдавших виды курточках нараспашку, на ногах что-то домашнее, самодельное.

Это уж много месяцев спустя я узнал, что это, скорее всего, были дочери священника. Его аккуратный домик я заметил на пригорке и принял за сторожку. На самом деле, батюшка был и сторожем, и смотрителем монастыря – един в трех лицах. В той статье,

откуда я почерпнул все эти сведения, говорилось, что дочек у него шесть и все они здесь родились. Что живет семья трудно – электричества часто не бывает, дороги я сам видел какие, воду надо приносить из родника. Но ничего, молятся Богу, служат Ему, смотря на трудности, как на Его испытания. Жена священника – городская, из Еревана...

Узнав обо всем этом, я даю себе слово познакомиться с семьей священника во время следующего своего приезда в Карабах. Но это, конечно, из разряда «планировать». А еще ведь есть и «надеюсь». Конечно, хочется надеяться на эту будущую встречу, на знакомство, посмотрим, осуществится ли?

И оно осуществилось, слава тебе Господи! По какому-то важному поводу на будущий год мы поехали в Цицернаванк, где собралось всё начальство: губернатор этого освобожденного края, его администрация, творческая интеллигенция, включая знакомых мне архитектора и директора музея, была здесь и духовная верхушка, возглавляемая главой Арцахской епархии архиепископом Паргевом Србазаном.

Мой друг Акоп Берберян взял в руки фотокамеру и обратил особое внимание на детей священника и вообще на детей в огромном пространстве храма – как они молятся, как исповедуются в своих «серьезных» грехах, как причащаются, принимают просфоры, которые имеют армянское название «ншхар». Как шалят...

На снимках Акопа мы увидели, я бы сказал, не совсем обычного Преосвященного Паргева – вдохновенного, нежного, любящего. Так он общается с детьми!

Невольно вспомнились строки из Нового завета, где наш Спаситель просил не закрывать к нему дорогу детям...

Так и хотелось взять в руки Нагорную проповедь и глядя на этих ребят, родившихся в свободном Арцахе, представить их выросшими в мире на этой свободной земле...

Хотелось обратиться к ним слова Нагорной проповеди:

– Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю...

– Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся...

– Блаженны плачущие, ибо они утешатся...

– Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят...

И как учил апостол Павел: Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость...

Почитай отца своего и мать – это первая заповедь. Да будет тебе благо и будешь долголетен на земле.

И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем...

Это духовное празднество было на следующий год. А тогда, при прощании, накануне отъезда в Ереван я только мог мечтать вернуться в Цицернаванк.

...Поднимаюсь по каменистой тропинке, протоптанной в траве. И с каждым шагом храм растет, становится всё величественнее и мощнее. Южная стена ослепительно сияет. На чуть ноздреватом от времени камне вырезаны кресты, а рядом различимы

строки армянских письмен. Стоит звонкая солнечная тишина, от стен чуть слышатся голоса, не тронутые тленем... «Крест сей во ходатайство... помяните...» «Во имя Бога, я, Акоб, поставил крест сей в память обо мне и родителях...» «Я, инок Иоаннес, поставил Святой Крест сей...» С надгробного камня, с посохом настоятеля в верхней части: «Здесь место упокоения плотию сошедшего в могилу владыки Аствацатура... Родные сыновья...»

Местные жители-азербайджанцы этот храм превратили в загон для овец. Многие надписи были сбиты вместе с ненавистными им крестами, и теперь говорят с нами лишь со страниц учёных книг. Возвратившиеся армяне – исконные хозяева этой земли восстановили грозящую рухнуть кровлю, очистили оскверненный храм, вставили резные с крестами двери – сделали очень многое, и ныне храм явился в прежнем своем величии.

Это огромная трехнефная базилика из чистотёсаного камня. Вижу, что это седьмой век, золотой для армянской архитектуры. В памяти встают увиденные в Армении купольные базилики, купольные залы – просторные величавые гордые сооружения: кафедральные соборы в Талине, в Аруче. Здесь, в Цицернаванке, уходящем в высь всем своим подкупольным пространством, веет дух армянского VII века, и почти уже неразличимые фрески на его стенах словно перекликаются со стеной живописью в Талине и Аруче. И хотя, как говорят источники, в основе храма найдены следы языческого капища, и вполне логичным было бы предположить, что на нем в IV или в V веке была построена раннехристианская базилика, всё же – то, что мы видим сегодня в Цицернаванке, –

это великолепный храм VII века, родной брат тех сокровищ, что, по счастью, сохранились на территории Армении.

И еще я делаю осторожное предположение: форма базилики, которая так часто повторяется в деревенских храмах и так любима в Арцахе, берет свой образец отсюда.

Прощаемся с Цицернаванком, уезжаем. Предстоит изматывающая обратная дорога. Но как это почему-то часто случается, она оказалась и короче, и не такой утомительной. Солнце изменило угол освещения, и мы увидели на пути совершенно круглое дерево полное красной листвы. Я залюбовался этим горящим шаром. Прощальный символ арцахской осени!

Мы сходу вырулили на трассу, на асфальт. Колеса стихли, что-то внутри перестало дребезжать. «Машина отдыхает», – сказал я. Обычно на мои слова Рубен с заднего сиденья откликнулся: «И мы тоже!»

Открылось небо и огромное разнообразие облаков – и вытянутых, и круглых, по-летнему клубящихся, и шапками повисших над вершинами наподобие облачного нимба, и над всем – очень высоких, стратосферных, заволакивающих дали своей прозрачной пеленой.

Что сказать в заключение? Ничего не сказать!

Как писали древние гричи, завершая историческое повествование, или говорили комментаторы священных книг: – Для понимающего и этого довольно!

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НОВОЙ КНИГЕ

Она называется **ДУХОВНЫЕ СОКРОВИЩА АРЦАХА**.

Одна из начальных глав названа мной так: 98 ступеней. Более пятидесяти лет тому назад я приехал впервые в Армению и ступил на эти базальтовые ступени. Девяносто восемь – ровно столько поднималось от земли до бронзовых ворот Матенадарана, крупнейшего в мире хранилища древних армянских манускриптов. С тех пор мною написано шесть книг на эту тему. Перед вами – седьмая. Посвящена она Арцаху – Нагорному Карабаху. Но не просто!

О Карабахе уже сказано и написано многое – о войне с Азербайджаном, о героизме воинов, о победе. В моей книге речь идет о другом. Почему-то никто из литераторов до сих пор не обращал внимания на фундаментальные ценности Арцаха – то, что я называю его духовной составляющей. То, что составляет силу, я бы сказал, духовную мощь и непобедимость народа. Это – христианская вера и родной язык, двоякое ощущение Родины, её очага – и как родимого дома, семьи, детей; и как исторического места, где жили многие поколения армян, древней армянской земли.

Эта книга – о духовных сокровищах Арцаха. Она посвящена многим храмам Арцаха и, прежде всего, главному Кафедральному собору Гандзасара. Она посвящена его крепостям – орлиным гнёздам на

вершинах гор. В центре внимания моей книги – святыни, многочисленные манускрипты, созданные на арцахской земле, с их оригинальными миниатюрами. Одно из таких Евангелий хранится в германском городе Галле. Множество их – в Матенадаране Еревана.

Для древней рукописи важно не только место, где она была создана, но и место, где она хранилась, спасалась от врагов. В этом смысле Арцах уникален. Многие манускрипты, в том числе те, что ныне составляют гордость Матенадарана, на протяжении веков сберегались в недоступных монастырях Нагорного Карабаха. А дело в том, что владетельные князья-мелики, отправляясь в походы, не только освобождали пленников-армян, но отыскивали и спасали древние армянские рукописи, привозили их в Арцах, вкладывая в церкви и монастыри, на свои средства лечя, восстанавливая их. Оказывается, что столь всемирно известные манускрипты, как Ахпатское Евангелие, как Таргманчац пришли в Матенадаран – из Арцаха. Такова же судьба уникального Евангелия Католикоса Вазгена I и Евангелия Вехамайр, на котором приносит клятву вступающий во власть президент Армении.

Из этих и многих других подобных фактов я делаю фундаментальный вывод: Арцах, веками сохранявший относительную независимость, на протяжении веков в армянской истории играл роль нынешнего Матенадарана, то есть хранилища ценнейших армянских рукописей. Лыщу себя надеждой, что этот вывод войдёт в научный оборот после издания моей книги. В книге мы ещё раз покажем замечательные

рукописи, расскажем об их судьбе, побываем в тех труднодоступных монастырях, где они хранились.

Ещё один новый вывод, который смогут сделать читатели моей книги, связан с историей Киликийского армянского царства – речь идет о правящей династии Гетумидов. Прежде было неизвестно, где её корни. Историки указывали неопределённо – «на Востоке». Мы показываем конкретное место, откуда они переселились в Киликию – и это Арцах. Мы побываем на фамильном кладбище династии, прочтём надписи на хачкарах. А с царями Гетумами связано творчество великого минатюриста Тороса Рослина и такое сокровище Матенадарана, как Чашоц Гетума II. Будучи в недавней поездке в США, я нашел там интересные материалы о Торосе Рослине и об армянских манускриптах в американских коллекциях в целом.

Для меня теперь вся великая культура армянской Киликии, которая в XIII веке стояла на высочайшем уровне в тогдашнем цивилизованном мире – это не просто Торос Рослин или царь Гетум II или Смбат Спарпет: я не могу и не хочу забыть, что они по своим истокам – из Арцаха. Эти истоки глубоко таятся под хачкарами Майреджурского монастыря – на окраине далёкого села, освобождённого от азеров, которые любой ценой пытаются захватить армянскую землю. Но мы не должны отдавать им ни Гетума, ни Рослина! Армяне и так лишились многого... Таков один из главных идейных мотивов моей новой книги.

В конце книги я рассказываю интереснейшую историю рукописи, называемой Кармир Аветаран – Красное Евангелие Гандзасара. Её судьба тесно переплетается с судьбой армянского народа. Много раз она попадала в плен, ее продавали и выкупали,

а затем она оказалась за океаном. Я прилетел в Чикаго, где она хранится в библиотеке Чикагского университета, можно сказать, почти в безвестности. Я провёл много дней над этой замечательной, богато иллюминированной книгой, хранительницей многих тайн.

Мне хочется, чтобы правда о Карабахе дошла до всего мира, чтобы люди открыли для себя не просто маленькую, так называемую непризнанную, республику, а целый мир, полный духовных сокровищ. Они-то как раз, в отличие от самой НКР – Нагорно-Карабахской республики, широко признаны и признаются в интеллектуальном мире. В этом можно убедиться, прочитав соответствующие главы в этой книге. Речь идет о Париже и Национальной библиотеке Франции, о Лондоне и Британской Библиотеке, о Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Вашингтоне, Балтиморе. О городе Галле в Германии и многом-многом другом...

Ким Бакши

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I.	
«Я укрепил эту дружбу стихами...»	3
Глава II.	
Девяносто восемь ступеней (или) Как родилась эта книга	14
Глава III.	
Начало путешествия	31
Глава IV.	
У Левона Айрапетяна	44
Глава V.	
Гандзасар. Князь князей Хасан Джалал Дола.	59
Глава VI.	
Умный в гору... ..	72
Глава VII.	
Зорий Балаян мне друг, но... ..	86
Глава VIII.	
Как всё со всем связано	99
Глава IX.	
Запах пшата	111
Глава X.	
Встреча в Москве	122
Глава XI.	
Самое дальнее путешествие: Гетаван. Дадиванк.	127

Глава XII.	
Неизвестная миру крепость	160
Глава XIII.	
Город-призрак (Шуша)	166
Глава XIV.	
Аббат Сэвен получает задание	171
Глава XV.	
Что там, в Британской библиотеке?	187
Глава XVI.	
Как я узнал о Красном Евангелии	200
Глава XVII.	
В Соединенные Штаты	214
Глава XVIII.	
Первое путешествие в Красное Евангелие	237
Глава XIX.	
Красное (?) Евангелие	255
Глава XX.	
Прощай, Чикаго!	275
Глава XXI.	
Новый Матенадаран	298
Глава XXII.	
Добрый доктор	299
Глава XXIII.	
Цицернаванк. Карабах, до свиданья!	305
Несколько слов о новой книге	314

INTERNATIONAL INSTITUTE OF NEWLY ESTABLISHED STATES

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ НОВЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ

«БИБЛИОТЕКА РУССКО-АРМЯНСКОГО СОДРУЖЕСТВА»

КИМ БАКШИ

**ДУХОВНЫЕ
СОКРОВИЩА
АРЦАХА**

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 320.

Тираж экз.

ЗАО «Книжный мир».
129085, г. Москва, а/я 26
Тел.: (495) 720-62-02
<http://www.kmbook.ru>